

Певчая

ЭМИ БАТЛЕР
ГРИНФИЛД

ПОЙ, И ТЬМА ТЕБЯ НАЙДЕТ

“Пой, и тьма тебя найдет.” Это предупреждение не давало покоя пятнадцатилетней Люси с тех пор, как в свои восемь лет она оказалась после кораблекрушения на острове. Опекунша Люси, Норри, установила множество правил, но самое важное — чтобы Люси никогда не пела. Никогда. В 1667 году, в Канун Всех святых, Люси слышит манящую мелодию ветра. Она невольно поет, и ее окутывает тьма. Проснувшись в Англии, Люси слышит разговор о Певчих — женщинах, что могут колдовать с помощью песен. На нее охотятся, но она сбегает и находит укрытие в Невидимом колледже, организации, что намеревается свергнуть лорда-защитника. Но сделать это по силам только Певчей. А Люси — последняя Певчая в Англии. Люси старается изучить песни-заклинания, совладать с силой, но и лорд-защитник не сидит на месте. И ее чувства к Нату, ученику Невидимого колледжа и ученому, не верящему в магию, только усиливают ее смятение... Времени мало, и судьба Англии висит на волоске.

Эми Батлер Гринфилд «Певчая» («Певчая» — 1)

Перевод: Kuromiya Ren

Для Т., поющей свои песни

Певчая

[обр. от «петь»]

1. волшебница, колдунья, чаровница.

2. поющая женщина, певица.

† † †

«Опасные болезни требуют отчаянных средств»

— приписывается Гаю Фоксу (1570–1606)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПЕНИЕ

Я копала в саду, когда услышала это: странное пение на ветру.

Я отклонилась, сидя на коленях, морковка выпала из грязных рук.

Никто здесь не пел. Не на этом острове.

Может, я ослышалась...

Нет, звук повторился, он переливался и был далеко, но слышался четко. Длился он не дольше удара сердца, но я была уверена в одном: это не крик чайки. Это была песня.

Но кто ее пел?

Я оглянулась через плечо на Норри, склонившуюся над капустой, седая прядь выглядывала из-под ее чепца. Насколько я знала, только она жила на этом одиноком острове, но я слышала не Норри. Она, мой опекун, четко выделяла одно правило среди остальных: никакого пения. Никогда.

Пой, и тьма тебя найдет.

Мы еще были мокрыми от кораблекрушения, а Норри сказала мне это. Она часто повторяла это с тех пор, но в этом не было необходимости. Ужас в ее глазах в тот первый раз заткнул меня мгновенно, и я сама тонула в горе. Море забрало мою мать и чуть не забрало меня. Этой тьмы мне хватит до конца жизни, я не хотела еще больше.

Хотя я мало помнила о самом кораблекрушении. Я даже не помнила, на каком корабле мы уплыли из Англии семь лет назад. Был он крепким или непрочным? Разбился о камни? Буря сломала мачты? Я не знала. Мы отплыли на этом корабле в 1660, когда мне было восемь. Уж в восемь лет я должна была запомнить? Но были лишь обрывки, скорее ощущения, чем что-то со смыслом. Шершавая мокрая шерсть у моей щеки. Резкий морской ветер солью пропитывал мои волосы. Холод темной воды, куда я опускалась.

— Тише, дитя, — говорила Норри, когда я упоминала что-то из этого. — Это было очень давно, ночь была ужасной, а ты была слишком маленькой. Чем меньше об этом говоришь, тем лучше.

— Но мама...

— Потеряна, дитя, ее забрали ветер и волны, — при этих словах лицо Норри всегда искажала печаль, ее голос становился серьезным. — Остались лишь мы с тобой, и мы должны постараться.

Когда Норри говорила таким тоном, отказать ей было нельзя. И мы старались, а жизнь на острове не была простой, но и не была одинокой.

Мы никогда не пели. Даже не свистели и не напевали. Не было никакой музыки. И, если бы меня спросили, я бы сказала, что не скучала по этому...

До этого момента.

Пение словно пробило во мне дыру, которую только оно и могло заполнить. Я сидела и прислушивалась. Стебли шуршали в свете теплого октябрьского солнца. Чайки вопили, пролетая над обрывами. А потом я услышала снова этот слабый звук, словно пело само море...

— Люси!

Я вздрогнула.

Через два ряда от меня Норри махала деревянной лопатой в шишковатой руке.

— Что с тобой, дитя? Я собрала корзинку капусты, а ты за это время выкопала только три морковки.

И хоть я уже была на полголовы выше Норри, хоть считала себя почти взрослой, она все равно звала меня «дитя». Но я привыкла и не возражала. Вместо этого я посмотрела на свой скромный результат. Если бы Норри услышала музыку, она бы сказала. Но она молчала, и мне не стоит говорить. Не важно, если бы она начала ругать меня за воображение. Было ли пение настоящим? Я хотела поклясться, но... не хотела говорить Норри.

— Что такое, Люси? — Норри стряхнула землю с лопатки. — Ты простыла?

— Нет, — если кто и выглядел болезненно, так это Норри. Каждый год урожай забирал много ее сил. Я боялась, видя ее впавшие щеки и опущенные плечи. Я знала, что таким словам она тоже рада не будет. — Ты работала с рассвета, — сказала я вместо этого. — Не думаешь, что заслужила отдыха?

— Отдых? — Норри выглядела возмущенно. — В Канун Всех святых? Чем ты думаешь?

— Просто...

— Работай и больше не отлынивай, пожалуйста, — сказала с тревогой на лице Норри. — Нам нужна вся морковь, если мы не хотим голодать зимой.

— Я все соберу, — пообещала я, надеясь ее успокоить.

Норри перестала хмуриться, но ее спина была напряжена, когда она склонилась над капустой.

Я обхватила руками зелень морковки и вздохнула. Канун Всех святых, тридцать первое октября. Каждый год я боялась этого дня. Норри всегда была строгой насчет пения, но в этот день она была ужасной. С рассвета до заката она постоянно находила нам работу, мы уносили урожай и запирались в доме на ночь.

— После заката, — говорила она, — приходит настоящая опасность. Ходят духи, вредят всем. Мы должны защититься.

Возможно. Но для меня подготовка казалась бесконечным грузом, и я никогда не видела вреда, о котором говорила Норри.

А пение...?

Нет. Если вредом было пение, то она бы так и сказала. И еще светило солнце. Хоть оно и было низко, но до ночи еще оставалось время.

Но я начала работать усерднее, потому что была в долгу перед Норри. Семь лет она в одиночку растила меня, порой ругаясь и вздыхая, но всегда с любовью. А теперь она постарела, у нее стало меньше сил, и я знала, что мне пора возвращать долг, заботиться о ней. Если она хотела собрать урожай до ночи, мы так и сделаем.

И я надергала гору морковок, и когда Норри в следующий раз посмотрела на меня, она радостно улыбнулась. Но пока я работала, я думала о своем. Часть меня прислушивалась к пению. Другая часть хотела, чтобы жизнь была чем-то большим, чем сбор урожая и суеверия Норри.

Я знала, что на острове были красивые места: пляжи с шелковым белым песком, скрытые пещеры, полные ракушек, рассвет у моря. Но это не красило нашу изоляцию или постоянную утомительную работу.

Наша жизнь в Англии была не такой. Я помнила дом у моря, яркие ткани, которым мама все украшала, гости рассказывали истории у костра. И у меня были отрывки воспоминаний о временах еще раньше, и они были яркими и разными: игра в прятки в главном зале замка, маленькая мансарда у реки Темзы, запах леса.

— В те годы мы часто переезжали, — рассказывала Норри. — Я не виню твою мать, отмечу. Она должна была как-то жить, ведь твой отец умер до твоего рождения, оставив ее одну. Но, господи, тело не может все время путешествовать. Лучше найти место и осесть там, так я скажу.

Она придерживалась своего мнения. Она так глубоко вросла в этот остров, что я боялась, что она откажется от спасения, если такое произойдет.

Я бы уплыла на корабле. Я хотела увидеть что-то новое, хотела приключения, а не жизнь, ограниченную островом. И больше всего я хотела свободы, ведь Норри становилась все строже и управлял всем, начиная от того, что было на завтрак в воскресенье, заканчивая тем, сколько бревен нужно бросать в камин.

Вздыхнув, я собрала морковку. У Норри было много правил и насчет сбора урожая и его сортировки, как и насчет хранения и времени, когда можно употреблять собранное.

Я поймала себя на мольбе.

Корабль. Прошу, пришлите корабль.

Но что толку? Я ждала, смотрела и надеялась семь долгих лет, и никакого корабля не появилось.

Семь лет, а спасения на горизонте не было. Семь долгих лет на этом острове. А сколько еще будет лет?

Кривясь, я встала и бросила морковь в корзинки. Они стучали, падая грудой, и тут я снова слышала пение.

Ноты окружали меня, в этот раз они были сильнее, звучали быстрее. На беспечный миг я хотела озвучить музыку сама, пропеть ответ ветру. Но предупреждение Норри тут же всплыло, повторяясь по кругу:

«Пой, и тьма тебя найдет».

Я закрыла глаза.

— Люси!

Я моргнула, музыка пропала.

Норри стояла передо мной.

— Люси, ты напевала?

— Нет, конечно, нет, — я ведь не напевала? Я бы поняла, если бы делала это. — Ты слышала не меня, — сказала я. — Это что-то другое. Пение ветра. Я не знаю, что это.

Глаза Норри расширились.

— Слушай! Опять звучит, — в этот раз я старалась не упиваться музыкой. Не нужно Норри знать, как я себя чувствовала. — Не пойму, откуда звучит, а ты? Может, новая птица прилетела с ветром? — меня осенило, и я посмотрела взволнованно в сторону утеса. — Или, может,... корабль? Я не успела осмотреться из-за урожая, — об этом мы спорили за завтраком. Я хотела пойти, как обычно, осмотреться, но Норри сказала, что времени нет. — Может, кто-то пришел спасти нас, и этот кто-то не знает, что тут не стоит петь...

Щеки Норри побледнели.

— Дитя, где твой камень?

Я моргнула.

— Камень? — я коснулась рукой тяжелого красного кулона, висящего на серебряной цепочке под моим платьем. — Здесь, конечно. А что?

Не ответив на это, Норри сказала:

— Нам пора внутрь.

Я удивленно посмотрела на нее.

— Сейчас?

— Да.

— Но капуста...

— Останется здесь.

Я уставилась на нее. Это не было похоже на Норри, которая каждый год настаивала, что в Канун нужно собрать из сада все.

— Не понимаю.

— Что понимать? Мы долго работали сегодня. Ты сама так сказала. Заходи, — Норри говорила ворчливо, но в вечернем свете я видела пот на ее лице. Мысли о пении и музыке вылетели из моей головы. Если у Норри температура, ее нужно уложить спать.

Взяв ее за руку, я повела ее к дому.

† † †

И хотя до заката еще оставалось не меньше часа, дом уже был отчасти темным. Окон было мало, чтобы пропустить достаточно света. Но я бы нашла кухню Норри всюду по запаху — насыщенной смеси торфа, эстрагона и руты. Обычно там еще был суп, но в Канун Всех

святых Норри всегда настаивала, что железный котелок должен висеть пустым, а под ним догорал костер.

— Садись, — сказала я Норри. — Я принесу одеяло, чтобы ты согрелась.

— Не нужно, дитя, — в доме Норри выглядела и звучала уже почти как прежняя. Но я все равно принесла одеяло, и когда я вернулась на кухню, то увидела, что она прижимает руку к сердцу.

— Тебе плохо, — сказала я с тревогой.

Норри снова отмахнулась.

— Нет, дитя. Нет.

— Но ты такая бледная...

— Порой мне не по себе от того, как ты похожа на мать. Такие же серые глаза, такой же маленький подбородок, — она посмотрела на меня и добавила ворчливо. — Конечно, ты растрепаннее.

Я без возражений пригладила спутанные волосы, не желая перебивать. Норри редко говорила о маме, даже под давлением, это меня расстраивало, ведь я помнила мало.

Но Норри, казалось, закончила ворошить прошлое.

— Ох! — она убрала одеяло. — Посмотри, как низко солнце. Нужно дотемна забрать водоросли.

На этой традиции в Канун Всех святых Норри настаивала: мы всегда варили свежесобранные водоросли в котле на новом костре, а потом пили бульон, чтобы защитить себя от вреда. Норри еще и выбирала определенные водоросли, потому собирать их было непросто, и в другой ситуации я бы отпустила ее одну искать их. Но не теперь, когда я так переживала за нее.

— Отдыхай. Я схожу в пещеру, — я потянулась к сетчатой сумке у двери, подходящей для склизких водорослей.

Норри выхватила сумку у меня из-под носа.

— Нет!

Я уставилась на нее. Норри бывала строгой, но редко кричала и никогда так не бросалась.

— Ты не выйдешь на улицу, — Норри преградила путь. — Не этим вечером. Не пуцу, пока я еще могу дышать.

ГЛАВА ВТОРАЯ ПИСЬМО

Я отпрянула на шаг и уставилась на Норри, уверенная, что кричит она из-за лихорадки. Но когда я увидела ее взгляд, я поняла, что вижу не болезнь. Там были подозрение и страх.

— Норри, что такое? В чем дело?

Ее дрожащие пальцы сжались на сумке, но она не ответила.

Почему она ведет себя так странно? Я вспомнила недавние события.

— Это из-за пения? — я видела по ее лицу, что я права. — Ты думаешь, что это была я. И теперь не доверяешь мен.

— Ты напевала, Люси. Я сама слышала.

— Но я же сказала, я слышала пение. Словно это была птица или ветер в ракушке, только четче...

— Я не слышала пения, — сказала сухо Норри. — Только тебя.

Она сказала это так уверенно, что я застыла. Была ли Норри права? Я напевала, не понимая этого?

— Ты не слышала пения?

— Нет. А если ты его слышала, то это плохой знак. Кто-то или что-то пытается обмануть тебя, так я думаю. Тебе лучше побыть сегодня дома, чтобы тебя не схватили.

— Кто-то... или что-то? — неуверенно повторила я.

— Ранние проделки Кануна Всех святых, наверное.

— Но почему я слышу пение, а ты — нет?

Норри растерялась.

— Слишком много вопросов, дитя. Но они не заставят меня передумать. Завтра сможешь выйти. Но не сегодня, не в Канун.

Я коснулась камня. Меня не выпускают из-за суеверий или... чего-то большего?

— Не смотри на меня так, — голос Норри стал выше. — Твоя мама... — она замолчала.

— Что мама? — я ощутила укол страха. — Норри, ты должна мне сказать.

Не стоило говорить ей «должна». Она вскинула голову.

— В некоторые дела лучше не вмешиваться, Люси. Со временем ты поймешь. Знай одно: сегодня ты не выйдешь. Когда-то я расскажу больше, дитя. Но не сейчас.

Дитя. Вдруг это слово меня обожгло.

— Я не ребенок, — рявкнула я. — Мне пятнадцать. Зимой будет шестнадцать. Я достаточно взрослая, чтобы знать правду.

— Если ты не ребенок, то перестань возмущаться как дитя, — сказала не впечатленная Норри. — Нет времени. До заката остался час, мне нужно собрать водоросли. Пока меня не будет, присмотри за домом, — на ее лице была видна тревога. — Не смей выходить. Если выйдешь, мы обе будем в ужасной беде.

Эти размытые предупреждения меня злили.

— Что за ужасная беда? — она не ответила, и я сказала настойчивее. — Ты знаешь, что я тебе не наврежу...

— Не сама, — покачала головой Норри. — Но ты даже не понимала, что напевала, дитя. Что еще ты сделаешь, если пение овладеет тобой? Ты об этом подумала?

Не думала. Но, пока она говорила, я вспомнила, как эти ноты пронзали меня, как отчаянно я хотела пропеть их в ответ.

Что еще я могу сделать? Честно говоря, я не знала. Не точно. Словно все, что я знала о себе, было уже не из камня, а из сыпучего песка. Я посмотрела на потрепанную дверь за Норри, радуясь вдруг, что она стоит между мной и ветром.

— Хорошо, — сказала я. — Иди. Я останусь.

— Умница, — Норри укуталась в плащ. — Подготовь огонь, как я тебе рассказывала. Что бы ни делала, держи камень при себе, а дверь закрытой. Опасность близко.

— Что за опасность? — растерянно спросила я. — Почему ты не говоришь?

Но Норри не объяснила и вышла за дверь.

† † †

Норри ушла, и я смотрела на черный камин. День почти закончился, огонь превратился в золу, комната была холодной, мертвой и почти во мраке. Я невольно дрожала. Почему я слышала пение, а Норри — нет? И что делать, если часть меня все еще хотела петь, даже если это приведет к катастрофе?

Ответ на последний вопрос был ясным. Семь лет Норри рассказывала мне о ритуалах на Канун Всех святых. Чтобы обезопасить себя, я должна была просто следовать ее указаниям в письме.

Двигаясь уверенно и быстро, я взяла кочергу и убрала последние угли. После этого я покрыла камин лавандой, рутой и розмарином, травами защиты, что Норри собрала утром в саду. По словам Норри новый огонь можно было разжигать, когда сядет солнце, так что тут пока я ничего добавить не могла.

Я принялась быстро подметать. Я постоянно останавливалась и смотрела в окно с облупленной рамой на кухне, стараясь не задеть деревце Норри в горшке на подоконнике. Деревце Норри обожала, она не позволяла мне трогать только его. Один блестящий листик мог защитить человека от любого зла, так она всегда говорила.

Глядя за листья, я не видела Норри. Конечно, требовалось время, чтобы дойти до пещеры и обратно, и Норри ходила не так быстро. Но поднимался ветер, и то, как от этого дрожали стекла, тревожило меня. Была ли Норри такой неуязвимой, как думала?

Чтобы успокоить мысли, я зажгла душистую свечу.

Окно дрожало и гремело. Я убрала метлу в угол и поставила свечу на стол в центре комнаты.

Звон, звон... БАХ!

Я развернулась. Ветер распахнул окно, и ставня болталась криво на петлях. Внизу лежало деревце Норри, груда осколков и сломанных листьев.

Я застыла в потрясении. Упало ли оно случайно? Или это был знак — для Норри, для меня, для нас обеих?

Не было времени обдумывать вопросы, окно было распахнуто, и ветер проникал внутрь. С колотящимся сердцем я закрыла его толстым шерстяным одеялом, что я приносила для Норри. Ветер это остановило, но взамен стало темнее.

Я повернулась растерянно к обломкам деревца. Я подняла обломки глины и остановилась, что-то странное привлекло мое внимание. Среди сплетенных корней была маленькая плоская коробочка.

Я вытащила ее и поднесла к свече. Узкая, не больше моей ладони, она сияла, как серебро местами. Большая часть была черной, уголки были разъедены. Я потянула, пока крышка не открылась.

Внутри было письмо. Завернутое в пакет, в пятнах от воды. Над печатью была одна строка:

«Моей дочери Люси, если я не вернусь...».

На миг я остолбенела и не могла дышать. Письмо для меня? От мамы? Сейчас?

Норри всегда говорила, что от мамы ничего не осталось, что ее вещи были утеряны при крушении. Но тут, в растении Норри, было письмо.

Норри должна была знать о нем. Она сама его спрятала. Это означало, что Норри соврала мне.

Огонь гнева пронзил меня, руки сжались на письме. Как она могла скрыть это от меня?

Я посмотрела на строку.

«...если я не вернусь...»

Но это не имело смысла. Будто мама хотела меня оставить. Мама утонула.

Или Норри соврала и об этом?

Дрожащими пальцами я сломала печать и развернула письмо. Все страницы пострадали

от воды, а то, что осталось, выцвело и было написано мелким почерком, было бы сложно прочитать в свете дня. А при свече я смогла понять только пару целых предложений в начале письма.

«Моя дорогая дочь, я пела тебе здесь для твоей безопасности».

Я остановилась и перечитала фразу. Пела тебе здесь? Как это?

«Я сделаю все, что в моих силах, чтобы вернуться к тебе на пару дней или недель, но я не уверена. Я знаю, что если ты это читаешь, значит, мне не удалось. От одной этой мысли мне ужасно больно. Меня успокаивает лишь то, что Норри позаботится о тебе, и когда тебе исполнится пятнадцать, она отдаст тебе письмо...»

А она этого не сделала. Не отдала. Она его от меня спрятала. А теперь письмо было нечитаемым. Я могла разобрать лишь несколько слов почти в конце: пение... осторожно... камень... Певчая... Всех святых... магия...

Магия?

На следующей странице была лишь одна понятная фраза, но от нее у меня перехватило дыхание.

«...когда ты споешь, попадешь домой».

Дом. Я с тоской подумала об Англии, о маленьком домике у моря, где мы жили, о замке и реке Темзе, о других местах, которые мне иногда снились. А потом я задумалась: что петь?

Я растерянно склонилась к свече, пытаясь отыскать в пятнах слова, пока края бумаги чуть не загорелись. Я резко отпрянула, но успела увидеть слово после «камня», что напоминало «...ять».

Снять камень?

Я потянулась к кулону. Об этом камне написала мама?

Ветер снаружи становился все сильнее, но я его едва слышала. Я сложила письмо матери, спрятала в рукав и посмотрела на свой камень. Он выглядел как обычно: непрозрачный красный диск размером с грецкий орех. Тяжелый, шероховатый и простой. Ничего волшебного в нем не было. Может, его силы проявлялись, если его снять с цепочки.

Норри говорила не снимать камень. Он защищал меня.

Но Норри соврала о матери. Может, соврала и об этом?

Был лишь один способ понять. Но моя рука замедлилась, когда я потянулась к кулону. Сколько я помнила, я всегда слушалась правил Норри. Мысль, что я их нарушу — намеренно и, возможно, бесповоротно — заставляло сердце биться громче.

Ветер выл в трещины окна, свеча трепетала от этого. Я, казалось, уловила шепот мелодии.

Вот. Это шанс попасть домой. Будь смелой и воспользуйся им.

Я схватилась за цепочку и сняла ее через голову.

И как только я сняла камень, ко мне пришли песни — сотни песен гудели, как пчелы, трепетали, как огонь, менялись, как тени. А сильнее всех была дикая мелодия, которую я слышала в саду. И в этот раз она не кончалась. Она говорила о море, о доме, о давних временах. Она жгала мое сердце, горло и губы. Она говорила: пой меня.

И я послушалась.

Я не знала слов, не знала, какая фраза будет дальше. Мне было все равно. Голову кружило чувство свободы. Я хотела лишь озвучить ноты, что приходили ко мне, одну за другой в бесконечном потоке звука. Мы с песней были сильными и уверенными, поднимались все выше. Я словно летела.

«Пой, и тьма тебя найдет».

Предупреждение Норри прозвенело в голове. Но оно доносилось издалека, было намного дальше музыки.

Я едва заметила, когда Норри ворвалась в дом. С криком ужаса она бросилась ко мне и схватила за запястье, сумка с водорослями болталась в ее руке.

— Люси! Нет!

Но ветер уже поднялся. Он кружился в комнате, полночно-черный, он подхватил нас обеих. Свеча потухла, песня стала криком, и все вокруг нас исчезло.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ КРОВЬ ПЕВЧЕЙ

Ветер поднял нас, и я ничего не видела. Ни свечи, ни комнаты, ни даже своих рук. Хуже того, я касалась лишь пустоты. Подо мной не было пола, вокруг не было стен, не было стола. Судя по давлению на запястье, Норри еще была со мной, но я не видела и не слышала ее.

Я чуть не перестала петь, но песня была сильнее, отказывалась так просто отпустить меня. Она наполняла мое горло и открывала губы, заставляя петь. В этой ужасной пустоте у меня осталась только песня, и я цеплялась за нее, за каждую ноту, раскрывая их. И с каждой нотой я позволяла себе все больше доверять песне, верить, что я покину остров и попаду домой.

Стоило мне ощутить уверенность, как песня разбилась на гармонии, которые я не понимала. Какую строку петь? Я замешкалась. На миг, лишь на миг. Но сильная и прочная, как веревка, музыка обвила меня и забрала Норри.

Я закричала, и тьма пеленой укутала мое лицо. Надо мной была серая арка, похожая на изгиб волны. Я утону?

Нет, светлело, а волна надо мной была твердой, как...

Камень.

Над головой виднелись серо-золотые своды, арки пересекались красивыми узорами. И, когда тьма отступила, я увидела, к своему потрясению, что стою в длинной и красивой комнате. Передо мной были алые ткани, похожие на паруса без ветра. Рядом со мной сиял огромный камин, огонь отражался в стеклянных шкафах, наполнявших остальную часть комнаты. И в этих шкафах стояли тысячи книг. Книг в цепях. Книг с блеском позолоты. Книг, почерневших от времени. Книги на книгах. И ни одной души, читающей их.

Горло сжалось. Я применила магию. Я песней унесла себя с острова. Это ошеломляло. Но где я была? Это не домик, который я помнила, и не другие знакомые места.

Вопрос страшнее — где Норри? Ее не было видно.

Что я наделала?

Было без толку говорить, что Норри сама виновата, что утаила правду. Я сама решила спеть, и теперь Норри потерялась. В этом была правда. И я знала, что моя магия убила ее.

Она жива. Я слышала едва заметный вдох песни в ушах. Я прислушалась, ноты говорили мне, что Норри была жива... где-то.

О, Норри, как я могла тебя потерять?

Моя рука сжалась на кулоне, что оставался в ладони. Я могу ругать себя весь день, но это не поможет Норри. Я должна действовать. Найти ее. Но как?

Еще спеть?

Я не знала, хватит ли мне сил, учитывая, к чему привела моя первая песня. И я сейчас не слышала четкую музыку. Она быстро угасала, тихие ноты заглушало биение моего сердца.

Мое потрясение возросло, когда я посмотрела на кулон, свисающий с моих пальцев. Вместо тусклого кулона, который я ожидала увидеть, сиял рубин. Он сверкал, как маленькое красное солнце.

Я уставилась на него, а потом провела пальцами. На ощупь он оставался моим камнем, тот же размер, вес и форма, те же выступы и шероховатости. Но если это мой камень, как и почему он изменился? И что с этим делать?

«Не снимай его, дитя», — всплыло в голове напоминание Норри. Я вернула кулон на место. Не знаю, защищал ли он меня, но знакомый вес успокаивал.

Я спрятала кулон под платье, что-то зашуршало в рукаве: письмо матери, в спешке спрятанное туда и забытое до этого мига. Оглядевшись и убедившись, что в библиотеке пусто, я подошла к огню. Может, письмо изменилось вместе с камнем, и теперь я смогу получить из него подсказки?

Даже в свете яркого огня прочитать больше, чем раньше, я не смогла. Упав духом, я спрятала его в рукав. Только тогда я поняла, что и слабая музыка утихла.

Боясь тишины, я нерешительно огляделась. В дальнем конце комнаты была чуть приоткрыта огромная дверь, похоже, единственный выход. Но когда я пошла к ней, до меня донесся холодный воздух, пахнувший влагой, опилками и чем-то беспокоящим, что я так и не определила. Я отпрянула и повернулась к ближайшей книжной полке. Может, сначала нужно что-то найти здесь: путеводитель по магии, например, или еще одно письмо от матери, а, может, карту. Что-нибудь, что поможет мне не чувствовать себя такой потерявшейся.

Я вытащила первую попавшуюся книгу, толстый том, что выделялся среди остальных. Обложка была из черно-красной кожи, заголовок гласил: «Оп. Пев.».

В поисках подсказок я склонилась к огню и прочитала первую страницу.

ОПОЗНАВАНИЕ ПЕВЧИХ,

ИХ ФИЗИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ;

А ЕЩЕ СПРАВОЧНИК ИХ ПРИВЫЧЕК, ТЕРРИТОРИЙ И СИЛ.

КНИГА ЯРОГО УЧЕНОГО

И ВЕРНОГО ДРУГА.

Певчая. Мама использовала это слово в письме. Я притянула книгу ближе и полистала. Было ли тут что-то полезное для меня?

Я читала содержание, когда услышала вдали стук. Я тут же поставила книгу на место.

Куда спрятаться? Отполированные столы и плетеные стулья у камина были слишком открытыми, чтобы спрятаться. Остальное место в библиотеке было заполнено книгами.

Кроме штор.

Я пошла налево и разделила ярды бархата. За ними глубоко в стене было высокое окно. Стекло было в пузырях, перекошенное, и я почти ничего не видела за ним, только размытое темнеющее небо и высокую зубчатую стену. Я была в замке или в каком-то поместье?

В любом случае нужно спрятаться. Я присела под окном и поправила шторы. Оставив щелку на уровне глаз, я замерла, успела вовремя, потому что панель у камина распахнулась. Высокий парень в темной одежде вышел оттуда и пробрался в комнату.

Сначала я решила, что он моего возраста, но потом засомневалась. Может, на год или два старше. Я давно не видела никого, кроме Норри, а в парне было напряжение, что мешало

прочитать его.

Он прошел вдоль полок к моему укрытию, пока не оказался так близко, что я увидела пламя в его глазах. Пройдя в другую часть комнаты, он осмотрел полки, опустился на колени и вытащил книгу цвета мха. Быстро оглянувшись, он сунул том в плащ. Вор?

Голоса раздались в коридоре. Вор — если он был таковым — замер.

— Забавно назначать встречу в библиотеке, — отметил мужчина в коридоре. — В библиотеке магии, особенно.

— Тише, Джайлс! — возмутился другой голос. — Хочешь, чтобы тебя услышал весь мир?

Парень побежал, но был слишком далеко от скрытой панели. И тогда он повернул к ближайшим шторам, чуть вдали от меня. Он пропал из виду, и огромная дверь библиотеки распахнулась.

Я вжалась в стену, а потом пожалела, ведь теперь ничего не видела. Но было поздно двигать шторы, мужчины вошли в комнату.

— Дом Рейвендон — самое большое заведение в Лондоне, другим городам не сравниться, — сказал второй. — И одно из самых старых. Пойми, Джайлс, быть приглашенным сюда — честь.

Я обрадовалась, услышав о Лондоне. Я была в родной стране, хоть и не в доме, который помнила.

— Я бы так не радовался, — ответил Джайлс. — Проклятый старый дом, в котором полно щелей. Говорите, что хотите, но библиотека — странное место для встречи.

— Не тебе оспаривать решение лорда Скаргрейва. Ты не человек короля.

— Конечно, я человек короля, — возмутился Джайлс. — Нет никого вернее. Я бы не послал к нему шпиона. Собирать информацию о семье и друзьях — не по-джентльменски, не так ли?

— Это на благо страны, — резко сказал его друг. — И если наши друзья и семья будут вести себя хорошо, им не о чем переживать. Радуйся, что лорд Скаргрейв позвал нас сюда. Его приглашение — знак доверия.

— Но...

— Хватит. Ты, может, и забыл, где ты, а я — нет. И я не хочу оказаться перед хозяином шпионов в комнате для переговоров. Или хуже.

— Забудьте мои слова, — нервно сказал Джайлс.

— Поговорим о другом. Нет, погоди... Вроде, он идет.

Не видя из-за штор, я была слепа. Но я слышала тяжелые шаги по половицам библиотеки, скрип открывающейся двери.

Низкий голос сказал:

— Джентльмены, вы знаете, почему я вас вызвал.

Голос был приятным, даже музыкальным, но ноты в нем заставили меня сполна ощутить, как темно и холодно у окна, и как тонок самый толстый бархат, когда стоит между тобой и провалом.

— Вы вызвались служить королю, — продолжил низкий голос. — Вызвались служить мне.

— Да, лорд Скаргрейв, — пробормотали двое мужчин.

— Тогда я дам вам простое задание: прислушиваться ко всем вокруг и докладывать мне о неверности, чтобы я сохранил безопасность Его величества.

Снова шепот:

— Да, милорд. Да.

— Ради Его величества я дам вам еще одно задание, которое поручаю всем, кто работает на меня: следить за всеми, кто колдует пением, искать проявление крови Певчей. Знаете, что нужно искать?

— Шрам в виде завитка, — сообщил друг Джайлса. — Выпуклый, белый, не больше монетки. У основания предплечья.

Дыхание застряло в горле, я нащупала шрам на руке. Норри называла его родимым пятном. Но друг Джайлса точно его описал. А моя песня как раз была магией.

— Именно. Увидите такое, сразу мне сообщите, — добавил низкий голос. — Только мне, ясно? Больше никому.

Ответ прозвучал быстро, послушно и в унисон:

— Мы сообщим вам и только вам.

— Старайтесь, — голос уже не был приятным, он наполнился резкостью. — Иначе я отдам вас тенеграм.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ КРАЙ И СПУСК

Я ощутила холод, причиной которому не было окно. Я застыла, как олененок, не шевелясь, лишь провела кончиками пальцев по шраму на руке — шрам мог выдать то, что я Певчая, если меня найдут. И меня тоже отправят к тенеграм, кем или чем бы они ни были? От одного слова было не по себе.

От раскрытия меня отделали пара ярдов. Взмах штор, и я буду у них на виду.

Сердце колотилось, я слушала Джайлса и его друга. Они всеми силами пытались проявить верность.

— Не стоит обращаться к тенеграм, милорд.

— Мы расскажем только вам, лорд Скаргрейв. Клянемся.

— Клянемся.

— Даем слово.

— Ловлю на слове, — резкость в голосе Скаргрейва сменилась чем-то, похожим на радость. — А теперь всем нужно идти по делам. Если сослужите мне хорошо, будете вознаграждены. Но помните: я рассчитываю на вашу осмотрительность. И я не люблю ошибок ни в чем.

— Мы понимаем, милорд.

— Да, милорд.

Тишина, но такая, что мне хотелось исчезнуть, слиться с камнями стены.

— Тогда хорошего вечера, — сказал Скаргрейв. — Но не забудьте: я буду следить.

Тяжелые шаги прозвучали снова, дверь библиотеки открылась и закрылась. Мой страх немного отступил, и догадывалась, что Скаргрейв ушел.

В тишине Джайлс спросил:

— Как думаешь, что значит «вознаграждены»?

— Насколько я знаю, он платит даже паршивцам золотом, — сказал его друг. — И в его власти призвать любого джентльмена. Кто знает? Может, мы станем баронами или виконтами, если найдем ему то, что нужно.

— А если найдем Певчую?

Его друг рассмеялся.

— Еще скажи, что сам король — наш кузен. Джайлс, мы не такие везучие.

— Надеяться ничто не мешает.

— Вряд ли это получится. Но мы можем проявить себя и в небольших достижениях, докладывая о предателях среди нашего круга. Кстати, пора идти, а то они начнут спрашивать, где мы.

Скрипнул стул, передо мной затрепетала занавеска. Я выдала себя? Только не это.

К счастью, никто не подбежал. Может, они не смотрели, или дрожала я, а не штора. Я заставила себя застыть, их голоса становились тише.

— Думаешь, можно взять одну из этих книг? — сказал Джайлс. — Может, что-то поможет выследить Певчую.

— Джайлс! Порой ты такой болван. Это личная библиотека лорда Скаргрейва. Никто не берет отсюда книги без его разрешения. Потому у двери стоят стражи, чтобы обыскать нас.

— Они будут нас обыскивать? Правда? Мог и предупредить!

Джайлс был расстроен, а я и подавно. Как сбежать из этой комнаты, а потом из дома, если за дверью стражи, которые знают, что я туда не входила нормальным образом, которые увидят мой шрам, если обыщут, поймут, что я — Певчая?

Я пыталась успокоиться и снова нашла щель между штор, успела увидеть спины Джайлса и его друга, удаляющихся из комнаты.

Они ушли, и вор вышел из укрытия. Я задержала дыхание, я почти забыла, что он был здесь. Подойдя к камину, он коснулся стены рядом с ним умелой рукой. Когда панель отскочила, он нырнул туда и закрыл за собой.

Куда он пошел?

Могу ли я пойти за ним?

Дрожь из-за того, что долго не двигалась, я вышла из-за штор. Черные и блестящие, как пролитые чернила, узоры из дерева вокруг камина были в виде фруктов и сплетенных лоз. Я пригляделась, увидела стыки панелей, но не знала, где именно скрывается проход, и как его открыть.

Яблоки, груши, виноград. С колотящимся сердцем я нажимала на каждый вырезанный фрукт. Ничто не двигалось.

— Зачем мне снимать плащ? — кричал из коридора Джайлс. — Я и пальцем не трогал эти проклятые книги!

Как близко он звучал! Я оглянулась через плечо и увидела, что дверь все еще приоткрыта. В любой момент кто-то мог войти и увидеть меня.

Паника заставила меня с силой ударить по ветке с яблоками. Стебель отъехал, и открылась панель, показывая узкую лестницу, что вела вниз, во тьму.

Из коридора раздался еще один вопль. Не было времени думать. Я пролезла в проем и закрыла панель за собой.

Я стояла одна в темноте на вершине лестницы. Было слишком поздно возвращаться за свечой. Я могла теперь лишь искать выход и не пересечься с вором, который привел меня сюда.

Вор... где же он? В такой тьме он мог стоять в пяти шагах, а я бы не заметила.

Я задержала дыхание и прислушалась. Ничего.

Я не сразу смогла набраться смелости и пойти по ступенькам на ощупь, скользя

истоптанными туфлями по краю каждой ступеньки, готовя себя к спуску. Край и спуск, край и спуск, край и спуск. Стены были близко, помогали сохранять равновесие, но когда многоногое существо прошмыгнуло над моей головой, я едва удержала крик.

Что это было?

В любом случае, оно быстро ушло. Но, судя по шепоту и шороху, могло прийти и что-то похуже.

Край и спуск.

А если я не смогу выбраться?

Край и спуск.

А если я застряла тут навеки?

Край и спуск, пока я не уткнулась в стену.

Я провела по ней руками. Она не была литой. Справа были петли. С другой стороны я нащупала ручку.

Прежде, чем потянуть, я прислушалась. Гул вдали, только и всего. Я открыла дверь и обнаружила тускло освещенную кирпичную стену в паре футов перед собой. Доносился новый запах, смесь свежего сена, навоза, пота и чего-то, что я не могла вспомнить. Я понюхала еще раз и поняла: лошади. За годы на острове я почти забыла этот запах.

Я обошла кирпичную стену и оказалась в полумраке конюшни, полной телег и сена. Двери были открыты, за ними — ночь, стоял и ждал осел, запряженный в двухколесную телегу.

Я подобралась к дверям и присела. Факелы тускло освещали двор, и там было тихо, только стражи у ворот чуть поодаль общались друг с другом.

Понимая, что не замеченной я не пройду, я посмотрела на осла с телегой. Его явно подготовили к путешествию, а для этого нужно пройти врата. В телеге было несколько бочек и коробок, отчасти погруженных в солому. И соломы хватало, чтобы укрыться человеку. Если хватит смелости попробовать.

Я оглянулась на стражей, они все еще разговаривали. Смогу ли я запрыгнуть в телегу незамеченной?

С колотящимся сердцем я оперлась о край телеги и нырнула в нее. Стражи не прибежали, а осел лишь дернул ушами. Я послала ему мысленно благодарность и зарылась в солому.

И вовремя. Через несколько минут телега подо мной закрипела. Я уезжала.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ТЕЛЕГА С ОСЛОМ

Телега подпрыгивала и трещала, катясь по мощеному двору, и я прижалась к бочкам. Когда телега остановилась, рубин подпрыгнул на моей коже, а я содрогнулась.

— Документы? — рявкнул голос.

— Здесь, — ответил извозчик, его юный сильный голос был бодрым.

— Так ты крысолов?

— Именно так.

— Вижу, пропуск подписал сам лорд-защитник. Это тебе повезло. А что в бочках и ящиках?

— Ловушки, клетки и приманка. И несколько дохлых крыс.

Крыс? В бочках возле меня? Я с трудом подавила дрожь.

А бодрый голос продолжал:

— Можете проверить, если хотите.

— О, мы проверим. А ты не шевелись пока.

Долгая пауза. Я забыла страхи о крысах и молилась, чтобы меня не нашли. Телега пошатнулась, кто-то запрыгнул в нее.

Сердце колотилось так громко, что могло меня выдать. Солома колола ноги, но я не осмелилась двигаться. Я хорошо спрятана? Или ему видно мою голову или туфли?

Что-то звякнуло.

— Тут ловушки, я же говорил, — отозвался голос. — В одной мертвая крыса. Открыть все остальное, сэр?

— Нет, хватит.

Телега дрогнула, страж спрыгнул.

— Проезжайте, — приказал он. — Но если дозорный остановит, придется снова показать документы.

Телега сдвинулась с места. Я не шевелилась, все еще боясь раскрыться, но голова работала. Дозорные? Они тоже осмотрят телегу?

Прошла вечность, когда извозчик сказал:

— Дом уже близко, Аристотель.

Аристотель? Имя осла? И где дом?

Мне не стоило оставаться в телеге так долго, чтобы узнать это. Но когда я пошевелила онемевшими руками, то поняла, что письма матери уже нет в рукаве. Я быстро поискала в соломе, но письма не было и там.

Наверное, я выронила его в доме Рейвендон.

Отчаяние охватило меня, а потом и страх. Из-за потери письма? Последствия применения магии? Я еще такой страх не испытывала.

— Стоять! — громкий крик. — Остановитесь для осмотра!

Телега застыла. Я в соломе напряглась в панике.

— Пропуск, — вопил дозорный. — Нам нужно его увидеть.

— В-вот, — сказал извозчик, вся легкость пропала из голоса.

Напряжение в его голосе только усилило мой страх.

— Осмотреть телегу, — кричал дозорный. — Откройте все.

Сапоги застучали по телеге, доски дрожали. Открывали и закрывали бочки. Волны жара окатывали меня, что-то едкое, похожее на дым, обжигало горло. Я зажаривалась заживо от страха. Они уже почти возле меня, почти...

— Все в порядке, — крикнул дозорный надо мной.

— Так спускайся, — сказал его командир. — Извозчик, езжай! Не задерживайся.

Осел пошел, и телега поехала за ним. Мой ужас сменился усталостью, а ноги превратились в желе. Я долго неподвижно лежала в соломе, не было сил ничего делать, и я просто радовалась, что меня не нашли.

— Воу, — тихий приказ почти не побеспокоил холодный ночной воздух. Телега дернулась и остановилась. И меня тут же покинула вялость. Мы прибыли на место? Я не успела сбежать?

Тихий скрип, словно петель, и телега поехала снова, но медленнее. Я забилась глубже в солому. Я буду прятаться и надеяться, что убегу позже, когда все затихнет. Снова петли,

закрылась дверь.

— Молодец, Аристотель, — послышался тот же бодрый голос. — Это было близко. Но тебя сегодня ждет дополнительная порция сена. Может, и пара морковок.

Дверь открылась со скрипом.

— Я тебя ждал, — новый голос, старый и с тревогой. — Ты в порядке?

— Да... и все получилось.

— О, молодец, Нат! — пауза. — Никто не заметил...?

— Ни души, — уверенный ответ. — Я отвяжу Аристотеля, а потом зайду и все расскажу.

Через миг телега превратилась в горку. Я пыталась держаться, но солома летела вниз, и я с ней. Я ударилась о бочку и рухнула на пол.

Я ошеломленно стряхнула солому с глаз. Высокий юноша с пылающими глазами оказался передо мной, на его лице был ужас. Рядом с ним был старик с седой бородой, его очки сияли, как очки кота в тусклом свете лампы.

— Кто это? — спросил бородач.

— Я никогда ее не видел, — сказал юноша.

Зато я видела тебя. Я задыхалась.

Он был вором из библиотеки.

Старик запер двери, я пыталась найти другой выход. Но не видела. Полумрак в комнате, в конюшне, судя по кормушке и загону, небольшого размера и с каменными стенами без окон.

Вор вытащил нож и поднял меня за локоть.

— Как ты попала в мою телегу?

Я не успела ответить, старик посветил лампой мне в глаза.

— У нее нормальные глаза.

— Значит, не Вороновая. Тогда это шпионка, — юноша крепче сжал мой локоть и поднес нож. — Кто ты? Как давно преследуешь меня?

Я знала, что не стоит упоминать, что видела, как он украл книгу.

— Никого я не преследовала, и я не собираюсь вредить. Пустите.

— Ни за что, — он впивался мне в руку. — Ты шпионка. Признавайся!

— Нет. Клянусь, нет, — я пыталась не показывать, как меня пугал его нож.

Старик заговорил тихо, но уверенно:

— Отпусти ее, Нат.

Нат нахмурился, но хватка немного ослабла.

— Это мудро, сэр? Если она шпионка, то опасна для нас.

— Да, если она такая. Но есть и другие варианты, нужно брать их в расчет. Дай ей сначала поведать свою историю.

Кривясь, Нат отпустил меня.

— Не думай, что сбежишь, — сказал он, нож оставался в его руке. — Я буду сторожить дверь. Другого выхода нет.

Стараясь не показывать страх, я повернулась к старику. Его очки блестели, а потом стали прозрачными и показали внимательные глаза.

— Начнем, — сказал он осторожно и медленно. — Прошу, назови свое имя.

И хотя говорил он мягко, я была настороже, и Нат продолжал следить за каждым моим движением. Я сочинила имя на ходу.

— Меня зовут Бесс, сэр.

— И как ты попала в нашу телегу, Бесс?

Молчание становилось неудобным, я старалась придумать хороший ответ, чтобы не упоминать библиотеку.

— Я слуга в... — как там называлось то место? — Рейвендоне, сэр. Но со мной плохо обходились, и я хотела убежать, боялась только, что меня накажут за попытку. И этим вечером, закончив дела, я пробралась в конюшню и увидела телегу. Никто не смотрел, и я залезал туда. И вот так оказалась здесь.

— У нее бегали глаза, пока она говорила, — отметил Нат, стоя у двери.

— Да, — согласился старик. — Но это может быть и волнение. Пока что дадим ей ответить, — он кивнул мне. — Расскажи, Бесс, давно ты работаешь в доме Рейвендон?

— Эм, года два, сэр, — я старалась смотреть на него. — Или около того.

— И где ты жила до этого?

Тут я сказала правду.

— В Лондон, сэр.

— В какой части?

Я пыталась подыскать ответ.

— У реки.

— А улица?

— Ривер стрит, — такой адрес точно должен быть.

Старик потер переносицу.

— Не знаю такое место. Что рядом с ним?

Я не смогла ответить.

Старик и Нат переглянулись.

— Под рукой, — вдруг сказал строго старик, — что ты прячешь?

Я поняла, что накрываю рукой место, где под платьем прятался рубин. Я покраснела и опустила руку.

— Ничего.

Нат бросился вперед.

— На ее шее цепочка.

Я потянулась к воротнику, но пальцы Ната уже сжались на нем.

— Нат, я это сделаю, — сказал старик. Но тут я услышала странную песню.

— Ай! — отпрянул потрясенно Нат. — Что это?

Он про музыку?

— Это не я, — или я бессознательно использовала магию? Нервничая, я отошла от Ната и споткнулась о телегу. Я попыталась выпрямиться, и камень выскользнул из-под платья, пылая красным огнем.

Воцарилась тишина. Нат присвистнул и потянулся к камню.

— Нет! — я пригнулась. — Это не твое!

— Думаешь, я поверю, что это твое? — фыркнул Нат. — У кого ты это украла?

— Это подарок моей матери, — возмутилась я.

— Она, значит, была принцессой. Или это она его украла?

— Нет, — я разозлилась из-за обвинения. — Она была...

Я остановилась вовремя. Выдать правду о матери или себе было опасно. И хотя я хотела обвинить Ната в воровстве, я понимала, что и это глупо.

Мы с Натом настороженно смотрели друг на друга, заговорил старик:

— Не принцесса и не воровка. Твоя мама совсем другая, да? И ты не хочешь говорить?

Сердце трепетало в груди.

Очки старика снова вспыхнули, как маленькие луны.

— Покажи нам, пожалуйста, левую руку.

Я вздрогнула и отпрянула.

Быстрый, как рысь, Нат схватил мое левое запястье и притянул к свету. Над его длинными пальцами ясно виднелась метка: завиток размером с монетку, белый, как кости, вымытые морем.

Нат смотрел на меня огромными глазами.

— Ты Певчая.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

МАЛЕНЬКОЕ, НО УБЕДИТЕЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

— Это просто старый шрам, — я вырвалась и попятилась к двери. — Пустите!

Нат шагнул ко мне и преградил путь.

— Ты Певчая, — сказал он снова. Надрыв в его голосе пугал. Он уже считал, сколько получит денег?

Пора сыграть последним козырем. Я яростно посмотрела на него.

— Если выдашь меня, то я расскажу им, что ты украл книгу.

Нат застыл.

— Какую книгу?

— Я видела тебя в библиотеке. Я видела, как ты прошел через тайный ход.

— Я не...

— Да. Я была там. Я пошла за тобой. И если ты выдашь меня ужасному лорду Скаргрейву, то я все ему расскажу. Так что тебе же лучше меня отпустить.

Я хотела запугать его. Но, к моему недовольству, его плечи расслабились, а глаза удивленно заблестели.

— Отдать Скаргрейву? Поверь, этого мы точно не сделали бы.

Я выдохнула.

— Так вы меня отпустите?

— Нет, — сказал Нат. — Ты никуда не идешь. Ничего не поделать.

Я с тревогой смотрела на него. Что им надо от меня?

— Ну, ну, — сказал старик. — Мы не хотели тебя запугать. Мы рады, что ты пришла к нам, Певчая. Даже не представляешь, как мы рады.

Я видела теперь его глаза, и в них не было угрозы, только доброта, тревога и восторг.

Или это игра света?

— Ах, ты все еще боишься, — сказал старик. — Это понятно, для тебя много опасностей. И ты так юна. Я думал, ты старше. И ты в беде, иначе не пряталась бы в нашей телеге. Мы хотим лишь помочь. Мы не предадим тебя. Я, Корнелиус Пеннебригг, клянусь. Хочешь укрыться в нашем доме?

И хотя его лицо выглядело честным, я замешкалась. Он говорил правду: я была в беде, в большой беде. И другой помощи видно не было.

— Да, — сказала я. — Я пойду с вами.

Пеннебригг обрадовался, но Нат посмотрел на него с тревогой.

— Сэр, уверены...

— Вполне, — сказал Пенебригг. — Обойдемся без лампы, да, Нат? Лучше идти в темноте.

— Сначала я поухаживаю за Аристотелем.

— Конечно.

Нат отвел осла в загон, поглядывая на меня. Судя по тому, как покалывало мою спину, он продолжал следить и тогда, когда задул свечу в лампе.

† † †

Пенебригг шел впереди, а Нат — сзади. Мы двигались по неровному двору. Ночь была безлунной, в воздухе виднелся туман.

Норри была в этом городе, где-то неподалеку? Я могла лишь надеяться, но казалось, что каждый шаг уводит меня от нее. Я слепо озиралась, не зная, поступила ли правильно, последовав за Пенебриггом, или стоило попытаться сбежать.

Нат опустил руку на мое плечо. Он понял, о чем я думаю?

Пенебригг остановился.

— Ступай осторожно, — прошептал он.

Нат провел меня вперед, и я прошла в дом, где было еще темнее, чем во дворе, а еще пахло сыростью, дымом и старостью.

— Мы пойдем наверх, — сказал Пенебригг.

Чиркнуло огниво, и Нат зажег лампу, но она горела так тускло, что пришлось подниматься по перекошенной лестнице почти на ощупь. Я с грустью слушала, как Нат запирает постоянно за нами двери. Сбежать не получится.

Но, может, и не потребуется. Мы шли, а Пенебригг показывал доброту, шептал слова поддержки, придерживал меня, когда я оступалась. Может, я не ошиблась, поверив ему. По его словам было ясно, что он знает что-то о Певчих. Может, мое сердце затрепетало, он даже знает, как мне найти Норри.

Когда Пенебригг открыл дверь на вершине лестницы, я увидела сначала дым, почти такой же густой, как туман снаружи. Щурясь, я различила длинную комнату под крышей, полную загадочных теней и силуэтов. На каменном камине стояли три сияющие в дымке серебряные сферы, прикрепленные к квадратной шгукке, назначение которой я не понимала, не было никаких догадок. На другой стороне камина стояли часы, и я слышала в тенях трепет и шелканье, словно там была стайка невидимых птиц.

— Вот, — Пенебригг протянул мне плащ. — Укутайся и садись ближе к огню. Ночь холодная.

Я села на стул, Нат устроился на скамейке напротив и занял себя кусочком дерева и ножом, что был меньше, чем предыдущий. Его лицо было нечитаемым, а я поймала себя на том, что потянулась к камню, словно искала уверенности. Холодный и тяжелый, он приятно лег на ладонь, и я села прямее.

Пенебригг указал на столик рядом со мной.

— У нас есть хлеб, сыр и яблоки, если ты голодна.

Он отрезал себе хлеба и сыра, Нат взял яблоко, значит, есть можно было. Желудок урчал. Я ела в последний раз в обед. Обед на острове с Норри...

От воспоминания горло сжалось, я едва смогла проглотить еду.

Пенебригг опустил на оставшийся стул.

— А теперь, Бесс...

— Нет, — мы перекусили хлебом, и я не хотела уже скрываться. — Меня зовут Люси. Я не хотела говорить правду сначала.

Пауза, а потом Пенебригг сказал:

— Мудрый ход, думаю.

Но Нат нахмурился.

— Если она соврала об этом, — сказал он Пенебриггу, — могла ведь соврать и об остальном? Может, она не Певчая...

— Ты сам видел метку, Нат, — сказал Пенебригг. — И у нее есть камень.

— И это очень убедительно. Но метку можно подделать, а рубин может быть фальшивкой. Может, это проделки Скаргрейва?

Он так хотел не верить мне, что я с трудом сдерживала злость.

— Я ничего не подделывала...

Нож Ната вспыхнул и погрузился в дерево.

— Нам нужно больше доказательств.

— Доказательств?

— Покажи нам магию Певчей, — сказал Нат. — Здесь и сейчас.

К моему удивлению, Пенебригг рассмеялся.

— Сказал истинный ученый, Нат. Я хорошо тебя обучил, — он поправил очки и посмотрел на меня. — Я бы поверил тебе на слово, но Нат правильно делает, что осторожничает. Ставки высоки, и мы должны проверить тебя: выбери любую песню и покажи нам свои силы. Только пой тише, — предупредил он. — Мы не хотим, чтобы остальные тебя услышали.

Они хотели, чтобы я колдовала по приказу? Может, я и могла. Нужно ведь лишь спеть.

Но какую песню? Сейчас я слышала только треск огня и тиканье часов.

Снять камень.

Так сработало в тот раз, да? Я схватилась за камень, он отразил огонь, пылая красным. Помоги мне. Дай магию, что удивит их.

И я сняла камень.

Холод окутал меня, а комнату наполнила музыка. Но ноты были тихими, едва различимыми, как было и в библиотеке дома Рейвендон. Я не могла выделить песню, только пару нот, что быстро угасали, хоть я и прислушивалась.

В темноте комнаты часы отсчитывали секунды.

Я подняла голову и посмотрела на два лица, повернутых ко мне, одно было полно скепсиса, другое пылало верой.

— Мы не просим ничего сильного, пойми, — сказал Пенебригг с теплой улыбкой. — Покажи что-то маленькое, но убедительное.

Я беспомощно смотрела на него.

— Не могу.

Он посерьезнел, в его глазах появилась доля недоверия Ната.

— Не можешь? Или не будешь?

Понимая, что выгляжу я жалко, я объяснила проблему:

— Я не знаю ничего о Певчих. Да, я такая. Но я узнала об этом только сегодня.

Нат вскинул брови.

Пенебригг почесал бороду, словно не знал, что сказать.

— Расскажи подробнее.

Я вкратце описала свою историю. Рассказ звучал куда фантастичнее, чем это казалось в момент этих событий, и я снова заметила недоверие Ната.

Пенебригг слушал меня внимательно.

— И ты семь лет назад оказалась на том острове? — сказал он. — Это имеет смысл.

А когда я рассказала, как песня пришла ко мне, и нас забрал ветер, он воскликнул:

— Невероятно!

Когда я закончила рассказ, стояла тишина. Пенебригг натирал очки краем рукава, а потом он вернул их на нос с вздохом.

— Я бы зуб отдал, чтобы увидеть такую магию. Но ты не видела своего опекуна, когда прибыла? Не знаешь, как ее найти?

Я покачала головой.

— А вы?

— Нет. Я изобретатель, магии во мне нет. Может, получится найти ее обычным способом, если осторожно поспрашивать...

— Хватит, — вмешался Нат. — Вы ее не слышите? Вы попросили ее показать нам силу, вместо этого она сочинила дикую историю. Это не похоже на Певчую. Это похоже на шпионку.

Пенебригг скрестил руки на груди.

— Какое первое правило науки, Нат?

С явной неохотой Нат ответил:

— Держать разум открытым.

Пенебригг кивнул.

— Нельзя быстро делать выводы. Я так не делаю. Многие в истории Люси звучит правдоподобно, но стоит собрать больше материала, — он повернулся ко мне. — Ты знаешь что-то о своем рубине?

— Нет. Но когда я ношу его, сложно слышать музыку.

— Можно рассмотреть его ближе?

Я замешкалась. Было странно сидеть без камня на шее, и я не представляла, как плохо будет, если я отдам его кому-то.

— Можешь не отдавать, — добавил он. — Просто поднеси к свету, чтобы я его разглядел. Я не буду его трогать, обещаю.

Я подняла рубин, Пенебригг встал со стула и зажег свечу от огня. Он поднес ее и посмотрел на камень.

— Ага, вот так. А теперь поверни, нет, погоди, — он прищурился. — Замечательно. Жаль, что ты потеряла письмо матери! Понадеемся, что его не найдут, или что Скаргрейв не сможет его прочитать.

— Ничего нельзя сделать? — спросила я.

— С письмом? Пока — нет. Но я могу предложить другую проверку для Певчей. Хочешь продолжить?

— Да, — если так я получу их помощь в поиске Норри, я это сделаю.

— Ты не слишком устала?

— Нет, — я была бодрой, несмотря на комнату, полную дыма и полумрака.

— Хорошо. А теперь возьми камень в руку. Нет, не так. Не в кулак. Пусть просто лежит на ладони.

Было сложно слушаться Пенебригга, разжать пальцы и позволить рубину лежать

открыто. Кулон всегда был скрыт, и я хотела уберечь талисман вдали от чужих глаз. Я заерзала, заставляя ладонь оставаться открытой.

— Не двигайся, — приказал Пенебригг. — А я попробую его забрать.

Мои пальцы сомкнулись поверх рубина сами по себе.

— Но он мой!

— Если это магия, и он твой, то никто не сможет его у тебя забрать. Нат попытался, помнишь? И не смог.

Никто не сможет забрать у меня камень. Я с любопытством раскрыла ладонь, показывая рубин.

Пенебригг потянулся к нему, но как только его рука коснулась камня, свирепая музыка зазвенела в ушах. Пенебригг отдернул руку, лицо его побледнело.

Нат вскочил со стула.

— Что ты с ним сделала?

— Спокойно, Нат, — Пенебригг прижал к груди пальцы. — Она ничего не сделала. Это камень.

Нат опустил рядом с ним с тревогой.

— Больно?

— Терпимо.

— Я попробую.

— Нет, Нат. Не советую. Не когда...

Но пока Пенебригг говорил, пальцы Ната сжались на камне. Свирепые ноты снова зазвенели в моих ушах, в этот раз яростнее. Нат закричал, его рука взлетела.

— Ах, — сказал Пенебригг. — Что ты ощутил?

— Ничего, пока не попытался коснуться, — Нат звучал потрясенно. — А потом мои пальцы словно сжали раскаленные клещи.

— Как и у меня, — сказал Пенебригг. — А в тот раз ты что-то ощутил?

— Когда потянулся за кулоном? — Нат задумался. — Укол был, да. Но не такая боль.

— Но ты трогал только цепочку, а не сам камень. Ты и близко к камню не был, — Пенебригг кивнул мне. — А ты? Что в этот момент ощутила ты?

— Ничего, кроме...

— Да?

— Я услышала музыку. Быструю и злую, — я не добавила, что от этого у меня было странное чувство, словно я разделяюсь на двух Люси, одна была в ужасе от боли других, а вторая радовалась их поражению. Это длилось лишь миг, но все равно пугало.

— Как я и думал, — сказал Пенебригг.

— Что это значит? — спросила я.

Пенебригг сдвинул очки с края носа.

— Помни, что я знаю мало о Певчих. Как и все нынче. Но в старых историях говорилось, что Певчим их мамы давали волшебные камни. И если кто-то попытается забрать камень, он ощутит обжигающую боль, — он серьезно посмотрел на меня. — Говорили даже «боль от огня».

— Но в истории камни были простыми, — сказал Нат.

— До этого дня мой был простым, — сказала я.

— Но теперь это рубин. О таких камнях я истории не слышал.

— Как и я, — сказал Пенебригг. — Но как-то я видел манускрипт о Певчей, чей камень

был невероятно красивой жемчужиной. Так что и такое возможно. Как еще объяснить то, что мы видели сегодня?

— Никак, — признал Нат.

Радуюсь, что я себя доказала, я задала самый важный вопрос:

— Вы можете мне найти Норри?

— Конечно, — сказал Пенебригг. — Мы сделаем все, что сможем.

Страх за Норри не угас, но теперь я выносила его лучше, ведь знала, что я не одна. Я надела кулон на шею и спрятала камень под одежду.

Пока моя голова была склонена, Нат тихо сказал:

— Значит, среди нас есть Певчая.

Радуюсь, что он поверил, я подняла голову и улыбнулась. Но тут же поняла, что он говорит с Пенебриггом, а не со мной. А следующие его слова стерли мою улыбку.

— Певчая, но не знающая о магии, — он разочарованно покачал головой. — Это не помощь, сэр. Это опасность для всех нас.

Я? Опасность? Горячие слова вертелись на языке, но я не успела заговорить, Пенебригг выступил в мою защиту.

— Терпение, мой друг, — сказал он. — После стольких лет тьмы появилась Певчая, и она попала к нам на порог, невредимой попала в этот дом. Как по мне, это чудо. А если одно чудо уже произошло, кто сказал, что не могут произойти и другие?

Я едва успела подумать, о каких чудесах он говорит, когда он склонился и похлопал меня по руке.

— Дорогуша, — сказал он, — я верю, что ты спасешь всех нас.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ ОПУСТОШЕНИЕ

— Спасти? — я с тревогой посмотрела на Пенебригга. — Не понимаю. Я думала, это меня нужно спасать... и Норри.

— Мы тебе с этим поможем, не бойся, — сказал Пенебригг.

— Конечно, — нетерпеливо сказал Нат. — Но на кону больше, чем просто ты, сама знаешь.

Я посмотрела на него, а потом на Пенебригга.

— В том-то и дело, что я ничего не знаю.

— Неудивительно, в таких обстоятельствах, — Пенебригг спустил очки на кончик носа. — Может, стоит начать с этого. Что ты знаешь о Певчих?

Я покачала головой.

— Почти ничего.

— Тогда я расскажу то, что мы знаем. А это тоже немного, — Пенебригг вздохнул и вернул очки на место. — Согласно старых сказок, стена между миром смертных и королевством фейри сильная, ее никак не пересечь. Но когда-то давно, когда пересечь стену было проще, несколько женщин-фейри вышли замуж за смертных мужчин и родили им детей. Так женщины потеряли свою силу. Слабые и хрупкие, они редко жили долго. Но их кровь осталась в их дочерях и дочерях их дочерей. Их голоса были магией, и они могли песней создавать странные вещи.

— Они были Певчими? — догадалась я.

— Да. Так мы их называем сейчас, — сказал Пенебригг. — Старым французским названием для них было «enchanteresse». А это слово уходит корнями в эпоху римлян. Нат?

— «Incantare», — заговорил Нат, словно привык выдавать латинские глаголы по команде. — «Cantare» — значит «петь», а in» — означает «в» или «против».

— В общем, призывать что-то песней, — сказал Пенебригг. — Или, если пожелаешь, песней воплощать то, чего не было бы по природе. Работу Певчих называют очарованием. Так ее называли и раньше.

— Но что за чары? — я указала на огонь, что выглядел лишь грудой дымящихся углей. — Могут они — мы — заставить огонь гореть ярче?

— Певчая может поджечь озеро, если пожелает, — сказал Пенебригг. — Самые сильные — точно могут. Конечно, я говорю о днях Артура и Камелота, когда кровь фейри была сильной. Тогда Леди озера дала Артуру меч, а Певчая Ниниана обманула Мерлина.

— Эти Певчие только мешают, — проворчал Нат, продолжая вырезать.

— Ты слишком строг к ним, Нат, — сказал Пенебригг. — Они творили больше добра, чем зла. Но их сила с веками ослабевала, и Певчие стали редким видом.

— Почему? — спросила я.

— Никто точно не знает, — сказал Пенебригг. — Говорили, некоторые Певчие держались в стороне, никогда не выходили замуж. Некоторые говорят, что многие Певчие были подвержены многим болезням. В общем, к нашему времени почти не осталось Певчих, и их силы были не такими большими, и люди почти забыли об их существовании. Но их можно было местами обнаружить, если слушать старые сказки и знать, что искать. И это удалось нескольким людям, пока не наступило Великое опустошение.

— Великое что? — спросила я.

— Великое опустошение, — повторил нетерпеливо Нат. — Взрывы в Хэмптон-корт стерли короля Чарльза, его наследников и половину знати почти восемь лет назад. Помнишь, наверное? Ты должна была еще быть в Англии.

— Я была маленькой...

— Как и я, но забыть такое невозможно.

Мой ответ подавил обрывок воспоминания, что вдруг всплыл в голове.

Зимнее солнце проникало в корзинку, под которой я пряталась, притворяясь, что я курица. И тут ветер донес приглушенный голос матери с напряженными нотками.

— Он мертв, Норри. Король мертв, и его семья, и сотни с ними, и говорят, что их погубила магия и измена. И теперь они охотятся на чародеев...

— Осторожно, госпожа, или Люси услышит.

Голоса стали шепотом.

Я сглотнула. Измена? Убийство? Магия?

— Я...помню немного, — тихо сказала я. — Мы слышали, что он умер. Король. Помню, мама была расстроена.

— Как и все мы, — сказал Пенебригг. — Королевство горевало, было в глубоком потрясении. Никто не мог поверить в размеры разрушения. Люди паниковали, потому что новый наследник престола — Генри Сеймур — не вызывал уверенности. Он был далеким родственником короля, и ему было всего десять. Королевство словно оказалось без руководства. Люди говорили о гражданской войне. Может, к этому и пришло бы, если бы лорд Скаргрейв не взял на себя роль юного Генри.

— Скаргрейв, — повторила я имя. — Его я подслушала в библиотеке?

Пенебригг кивнул.

— Именно он: Люциан Рейвендон, девятый граф Скаргрейв. Хорошим он был. Здравомыслящим и решительным, воином из древней семьи, неиспорченным. Многие просили его занять трон, но вместо этого он решил поддержать Генри, законного наследника. Чтобы уберечь мальчика, Скаргрейв переместил его в Тауэр в Лондоне, и древняя крепость стала убежищем правителя, как это было во времена Уильяма Завоевателя. И Генри сразу назначил Скаргрейва главой шпионов и лордом-защитником, но Скаргрейв отказался использовать новые титулы на пользу себе. Он хотел только защитить короля, а изменников, стоявших за Опустошением, осудить.

— Он был одержим, — заявил Нат.

— Разве это странно? — спросил Пенебригг. — Опустошение стоило Скаргрейву не только жизни короля, но и почти всех его друзей, его жены и сына, они тоже были там в тот день. И он хотел отомстить за всех них.

Нат вонзил нож в дерево, но не возражал.

— Чтобы найти изменников, Скаргрейв использовал все, что мог, — продолжил Пенебригг. — Но ничего не нашел, и поражение сказалось на том, что новый режим стал казаться слабым. Шептали, что грядет новая атака, что нападет Франция, и Англия обречена. И Скаргрейв от этого только сильнее хотел найти предателей. И он начал серьезнее воспринимать слухи о магии.

— Какие слухи? — спросила я. Это слышала тогда мама?

— Многие говорили, что взрывы были не по вине обычных людей, а что была вовлечена магия.

— Будто только магия может так разрушать, — недовольно сказал Нат.

— Было глупо так думать, — согласился Пенебригг. — И сначала Скаргрейв отказался от этой мысли. Но когда расследование никуда не привело, он приказал допрашивать чародеев, ведь они могли быть связаны с Опустошением. И за пару дней по стране разошлась волна охоты на ведьм. Гадалки, предсказатели, алхимики, даже бабки-повитухи и травницы боялись за свои жизни, ведь во многих городах ведьм и колдунов убивали без суда.

— Они гибли как мухи, — сказал Нат.

Я скривилась, а Пенебригг продолжал:

— А потом к лорду-защитнику пришла старушка и сказала, что он должен это остановить. «Магию могут применять, — сказала она, — но это не делает женщину предательницей». Чтобы доказать, она предложила спеть песню Скаргрейву, что позволит ему поймать настоящих предателей.

С треском уголек разломился надвое.

— Конечно, она была Певчей, — сказал Пенебригг. — Хрупкая старушка по имени Агнес Роузер, странная, но решившая сделать то, что считала правильным. В присутствии Скаргрейва она показала гримуар, что хранился в ее семье веками.

— Что за гримуар? — спросила я. Не нравилось показывать свое незнание, но Нат ответил почти сразу:

— Книга заклинаний.

— Да, — сказал Пенебригг. — Но книга, которую Певчая Агнес показала Скаргрейву не выглядела как гримуар. Как Книга часов, она пестрела яркими портретами королей и королев, картинами придворной жизни. Красивая книга, конечно, но Скаргрейв отругал старушку за трату его времени. Но тут старушка запела, и яркие страницы засияли и исчезли,

а вместо них появилась тусклая книга в кожаной обложке, потрепанная временем, многие страницы были склеены. Это был гримуар Певчей, и старушка сказала, что только Певчая может петь чары оттуда, оживляя их. Но она хотела петь для лорда Скаргрейва. И то, что она спела, создало тенегримов.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ ТЕНЕГРИМЫ

Тенегримы. Слово повторилось в голове, и появился еще обрывок воспоминания.

Приглушенный голос матери доносился на чердак, где я должна была спать:

— Я должна спрятать ее, Норри. Спрятать там, где тенегримы не найдут...

Неразборчивое бормотание. Ответ Норри? А потом снова мама:

— Что они сделают с ребенком — невообразимо...

Я ничего больше не помнила. Но страх в голосе матери сдавил мое горло.

— В библиотеке лорд Скаргрейв говорил о тенегримах, — выдавила я последнее слово, хотя оно оставило неприятный привкус во рту. — Думаю, мама их упоминала. Но я не знаю, что это такое.

— Тебе повезло, — сказал Нат.

Оставалось Пенебриггу дать мне ответ:

— Сначала они были воронами, выведенными семьей Рейвендон в древние времена, и Скаргрейв взял их с собой в Тауэр: умные черные птицы размером с голову человека, с насмешливым взглядом и острыми клювами, — он замолчал и тихо добавил. — Но теперь они другие, а все из-за песни Певчей.

— Что она сделала? — спросила я.

Нат вонзил нож в дерево.

— Она совершила глупую ошибку.

— И это печально, — сказал Пенебригг. Она хотела, как говорила, создать искателей правды, которые помогли бы лорду Скаргрейву найти предателей. Но вместо этого ее песня превратила птиц в инструменты пытки. Днем они спят, и это зачарованный сон, никто не может их разбудить, но ночью это охотники, каких свет не видывал.

— Это как быть в кошмаре, — сказал Нат, его нож замер, — в котором тебя ловят так быстро, что ты не успеваешь даже позвать на помощь. Сначала тебя охватывает ужас, а потом приходит жар, что душит тебя, давит со всех сторон.

Я зажала рукой рот. Ужасы в телеге, обжигающий страх... были ли это тенегримы?

Я спросила у Ната и Пенебригга. Нат кивнул:

— Мы были почти дома, когда нас заметили два тенегрима. Один тенегрим пролетел над нами, а другой отправился за дозорными. Мы были снаружи во время комендантского часа.

— Ты не боялся? — спросила я.

— Было сложно говорить, — сказал Нат. — Или двигаться. Но вороны ушли, пока нас проверяли дозорные. Я знал, что они приблизятся, если их позовет дозорный, или если я попытаюсь убежать. У нас был пропуск — почти настоящий — и я думал, что все будет в порядке. Так и вышло.

Я старалась не пялиться на его уверенное лицо. Как он мог говорить так сухо о встрече с тем, что испугало меня?

Пенебригг догадался о моих мыслях.

— Нат жизнерадостнее многих, — объяснил он. — Я бы не стал отпускать его ночью в другом случае. Но не стоит ему подражать. Многих из нас страх ослабляет. А сильнее всего он парализует, как говорят, Певчих.

Он хотел успокоить меня, но мне стало только хуже.

— Я бы не был радостным, если бы тенегримы приблизились сильнее, — сказал Нат. — Никто не выстоит против этого. И я боялся бы больше, если бы знал, что ты там. Но я не знал.

— Хорошо, что дозорные приняли твой пропуск, — сказал Пенебригг, — и что ничего плохого не произошло.

— Что могло произойти? — спросила я.

— Ты хочешь знать? — Нат взглянул на меня краем глаза.

Я задрожала.

— Да.

Пенебригг покачал головой.

— Нат, не думаю, что это лучшее время...

— Она имеет право знать, — сказал Нат. — Она Певчая, и она уже ощутила этот страх. Кто-то должен рассказать ей остальное.

Пенебригг склонил голову.

— Думаю, ты прав.

Нат сказал мне:

— Тенегримы в этот раз держались подальше. Но если кто-то решит убежать от дозорных, или если дозорные решат арестовать, тенегримы приблизятся. И когда они сделают это, тебе будет все жарче, ты услышишь, как пылают огонь их крыльев. А потом тебя схватят, и если Скаргрейв захочет узнать, что у тебя в голове, он прикажет им напасть.

— И они нападут, — сказал Пенебригг. — Но не клювами и когтями. Они прижмутся перьями к твоей коже, будут питаться твоими мыслями, как когда-то падалью и плотью. Их прикосновение похоже на огонь, оно обжигает. Ужас проникает в душу. И пока ты горишь, тенегримы срывают твои мысли, которые потом передают Скаргрейву.

— Они могут говорить? — спросила я.

— Со своим хозяином, — сказал Пенебригг. — Но не карканьем, а особым способом, от разума к разуму. Они крадут воспоминания, мысли, все, что делает тебя человеком, все, что тебе дорого, пока их темное пламя не поглотит тебя.

Дым камина словно стал плотнее вокруг меня.

— И наступит смерть?

— У везучих, — сказал Пенебригг. — Они превратятся в горстку пепла. Но тела некоторых выживают. И тогда они уже принадлежат главе шпионов. Их разум пропадает, они могут лишь слушаться его. Скаргрейв пользуется ими как стражниками в Тауэре, как дозорными в городе, ведь их не парализуют тенегримы, как остальных, и они слушаются всех его слов.

— По их глазам все видно, если приблизиться, — добавил Нат. — Они тусклые, и это говорит, что они Вороновые.

Я вспомнила, как они разглядывали мои глаза, как Пенебригг сказал, что они нормальные.

— Почему Певчая не развеяла чары или не остановила как-нибудь? — спросила я.

— Она пыталась, кстати, все убрать, — сказал Пенебригг. — Но когда она запела, она сбилась, растерялась, и песня не сработала. Она не успела запеть снова, Скаргрейв приказал воронам окружить ее лицо. Она стала их первой жертвой.

Волосы встали дыбом. Нат не выглядел потрясенным.

— Убита своей же магией, — сказал он. — Это справедливость.

Пенебригг нахмурился.

— Прояви сожаление, Нат. Никто не заслуживает такой смерти.

— Может, нет. Но она не должна была вмешиваться, — Нат отрезал еще кусочек дерева. — Она ужасно навредила.

— Одно ясно точно, — сказал мне Пенебригг. — После ее смерти началось Царство ужаса. Хотя многие это ожидали. Чародеям не доверяли, Скаргрейва похвалили за быструю расправу над Певчей. В те дни он использовал новые силы сдержанно. Он держал своих воронов в глубинах Тауэра, и даже ныне они там гнездятся, и он призывал их только на тех, кого подозревали в измене.

— Так можно подумать, что Скаргрейв был героем, — с отвращением сказал Нат.

— Неудивительно, ведь тенегримы помогли ему найти тех, кто организовал Опустошение, — а мне Пенебригг объяснил. — Как только люди попадают в хватку страха воронов, многие готовы на все, только бы покинуть их общество. А у тех, кто сопротивляется, забирают секреты, когда они становятся жертвами воронов. Так что имена были получены, детали раскрыты, и нашли виновников: часовщика и его родных, как оказалось. И с магией они не были связаны.

— Зачем они это сделали? — спросила я.

— Потому что считали короля Чарльза тираном, хотели избавиться от него, — сказал Пенебригг.

— А он был таким? — было странно задавать такие вопросы о своей стране, но я ничего не знала.

— Да, — сказал Нат. — Не как Скаргрейв, без магии. Но все равно плохой. Он обанкротил страну, уничтожал всех, что выступал против. Он даже расправился с парламентом, чтобы у людей не было голоса.

Шум комнаты звенел в моих ушах. Меня окружали часы...

— И его убил часовщик? — нервно спросила я.

— Да, — сказал Пенебригг. — Член нашей гильдии, как оказалось.

— Вашей гильдии? Вы его знали?

— Не лично, — сказал Нат.

Не на такой ответ я рассчитывала, но слова Пенебригга были убедительнее:

— Мы знали его репутацию, и все. Если бы кто-то в гильдии узнал, какую жестокость он задумал, его бы тут же постарались остановить. Но он и его родня держали это в себе. Их бы не нашли без тенегримов. Так что люди были благодарны.

Нат стряхнул опилки.

— Но этим все не закончилось. Это же магия.

Пенебригг вздохнул.

— Да, печально, но первая охота раззадорила Скаргрейва на аресты и поиски. Никто не мог понять, прежний Скаргрейв так не поступил бы, но потеря семьи, казалось, свела его с ума. Он начал отправлять патрули тенегримов по ночам, чтобы выискивать злодеев, угрозу короне. Если можно было посмотреть на Лондон с высоты, ты бы увидела, как они летают

над крышами, переулками, прячутся под карнизами. Хотя, конечно, опаснее те, кого не видишь.

Я с тревогой посмотрела на ближайшее окно.

— А если тенегримы снаружи? Они нас слышат?

— Через двойные дубовые ставни и тяжелые шерстяные шторы? — Нат успокоил меня. — Вряд ли. Только если будем кричать. И если бы тенегрим был близко, ты бы поняла. Ты Певчая. У тебя уже волосы бы дыбом стояли.

Если он хотел так успокоить, то у него не вышло. Кожу покалывало. И следующие слова Пеннебригга никак меня не утешили:

— Если бы нам стоило беспокоиться только о тенегримах, это было бы терпимо. Но Скаргрейв еще и ввел широкую сеть шпионов...

— Ой! — вскрикнула я. Пеннебригг напрягся.

— Что такое?

Страх охватил меня.

— Кожа... пылает.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ ТОЛЬКО ПЕВЧАЯ

— Это шутка? — раздраженно спросил Нат.

— Шутка? Вряд ли, — Пеннебригг уже был на ногах. — Посмотри на нее, Нат. Что-то не так.

Жар и паника быстро охватывали меня. Я едва могла выдавливать слова:

— Так было... в телеге.

— Значит, тенегримы, — едва слышно сказал Пеннебригг.

— Они где-то здесь? — встревожился и Нат.

— Нет. Иначе я бы ощутил. Даже ты ощутил бы. И в нашу дверь уже стучали бы дозорные, — сказал Пеннебригг. — Нет, думаю, тенегрим просто летит неподалеку.

Нат посмотрел на нее.

— И этого хватает, чтобы ей было так плохо?

— Как видишь.

Почему они не горят? Огонь был повсюду. Голова кружилась.

— Спустим ее вниз, посмотрим, поможет ли это, — сказал Пеннебригг. — Сможешь, милая? Нет, вижу, что нет. Нат, отнесешь ее?

Нат помогал мне подняться из кресла, жжение прекратилось. Я держалась за его плечи, ощущая лишь страх и жар, а через миг я в смятении посмотрела ему в глаза и отпрянула.

Я встала на ноги, ему пришлось схватиться за стул за ним для равновесия.

— Мне уже лучше, — сказала я.

— Я так и понял, — он потер локоть и отошел.

Пеннебригг взял меня за руку, словно хотел поддержать.

— Милая, ты точно в порядке?

— Думаю, да, — ужас прошел, словно его и не было. А потом меня окатило волной усталости, и я села.

— Я проверил, все окна закрыты плотно, — отчитался Нат Пеннебриггу. — И открыт только дымоход щелью, как обычно.

Пенебригг осмотрел камин.

— Ах, да, дымоход. Я не подумал.

— Раньше это проблемой не было, — с сомнением сказал Нат.

— Может, даже щель — проблема для Певчей, — сказал Пенебригг. — Особенно, если тенегрим сядет на трубу.

— Мог он нас подслушать? — спросила я с ужасом. — Он знает, что я с вами? — и теперь он летит к Скаргрейву...

— Нет, — поспешил успокоить меня Пенебригг. — Это было быстро, мы говорили тихо, в ту трещинку нас не услышать.

— Но, может, он ощутил мое присутствие...

— Нет, — сказал Пенебригг. — Ты можешь чувствовать тенегримов, но не они тебя. Все, что мы знаем о них, это доказывает. Только это от них и спасает. Это и факт, что они спят днем.

Я была рада его ответу.

Нат подошел к камину.

— Закрыть его?

— Да, — сказал Пенебригг. — А потом пойдем вниз. Думаю, нашей гостье уже надоела эта комната.

Мы устроились у дымящих углей огня на кухне, и я уже ощущала себя сильнее.

— На чем мы остановились? — спросил Пенебригг.

— Мы говорили о шпионах Скаргрейва, — сказал Нат со скамейки напротив меня.

— Ах, точно, — ответил Пенебригг. — Его огромная сеть, которой он правит как глава шпионов, и вороны на его стороне, — он поправил очки и посмотрел на меня. — Боюсь, что информанты всюду, милая. Страх в воздухе, которым мы дышим. Нет места, чтобы говорить свободно. Даже самые невинные поступки теперь могут навлечь на человека воронов.

— На прошлой неделе наш сосед пожаловался на цену хлеба, — сказал Нат. — Его схватили через час.

— Словно жалобы на цены — жуткая измена! — сказал Пенебригг, качая головой. — Но никто не смеет перечить Скаргрейву, пока он командует тенегримами, даже король Генри.

— Но почему? — спросила я. — Он же король? Скаргрейв не натравит на него воронов.

— Сделает, если это ему будет выгодно, — сказал Нат.

— Думаю, нет, — сказал Пенебригг. — Королю и восемнадцати нет, и его почти всю жизнь направляет Скаргрейв. И он очень чувствителен к тенегримам, он живет рядом с подземельем Тауэра, где они гнездятся. Конечно, он тихий и делает все, что советует Скаргрейв.

— Их магия некоторых делает такими, — сказал Нат. — Ужасное зрелище.

— Да, — согласился Пенебригг. — Самого существования тенегримов хватает, чтобы запугать многих, особенно, тех, кто уже познал страх. Это видно по лицам, по манере говорить и стоять. Их легко запугать, легко направлять, даже если тенегримы им не вредят, они следуют, потому что Скаргрейв обещает им безопасность.

— Но некоторые против? — спросила я. — Как вы и Нат?

— Некоторые, — сказал Пенебригг. — Но мы тоже боимся тенегримов. Пока у Скаргрейва есть вороны, мы не можем бороться с ним.

Было больно слышать тихое отчаяние в его голосе.

— Вы не можете покинуть Англию?

— И оставить остальных страдать? — сказал Нат. — И у Скаргрейва стражи по всему побережью, в каждом порту, без его разрешения не выйти. И если нам и удалось бы сбежать, у него есть способы находить людей, где бы они ни были.

— Остается только бороться с ним здесь всем, чем мы можем, — Пенебригг сцепил ладони и посмотрел на меня. — Потому нам нужна твоя помощь.

— Моя помощь? Но я не понимаю, как или почему...

— У нас есть старое высказывание, — сказал Пенебригг. — Если песня Певчей вредит, только Певчей под силу это исправить.

— Не понимаю, — сказала я, хотя начинала вникать.

— Это значит, что тенегримов можно уничтожить так же, как они созданы: магией Певчей, — сказал Пенебригг.

Нат снова ударил по дереву.

— Если бы мы могли что-то сделать, уже сделали бы.

— Но мы не можем, — сказал Пенебригг. — И мы ждали тебя.

Мое сердце колотилось.

— Но я не знаю, с чего начать. Я ничего не знаю о чарах Певчих, кроме той песни, что принесла меня сюда.

— Ты можешь знать больше, чем понимаешь, — сказал Пенебригг. — Уверен, мы можем тебе помочь. Нат, принесешь нам ящик?

Нат отложил свой кусочек дерева и нож и вышел из комнаты. Несколько долгих минут спустя он вернулся с широким плоским ящиком. Он опустил его в тени, я услышала звук металла о металл, словно ключ в замке. Когда он повернулся к нам, он держал два свитка.

— Это лишь копия, — сказал Пенебригг. — Но мы думаем, что это песня, что уничтожит тенегримов, если ее споет Певчая. Такие бумаги нам удалось найти. Но мы не смогли разобрать надписи на бумаге. А ты?

Я уставилась на точки и завитки, что были разбросаны по странице. Они были бессмысленными, но я покачала головой, и всплыло воспоминание:

Я споткнулась о половицу в комнате мамы, а когда потянулась к ней, она отцепилась.

Под ней я нашла листки со странными кляксами. Я знала буквы, знала, что это не они, я не узнавала слова. Я поднесла надписи к свету и была так поглощена, что не услышала шаги матери.

— Люси, милая, отдай это мне, — я не сдалась сразу, и она нежно забрала их из моих рук.

— Что это, мама?

— Тебе не о чем беспокоиться. Мы больше не будем о них говорить.

Пенебригг держал бумагу.

— Ты не знаешь, что означают эти знаки?

— Думаю, это могут быть метки Певчей, — сказала я. — Но я не знаю, что они означают.

Пенебригг и Нат растерянно переглянулись.

— Не важно, — сказал Пенебригг. — Может, мы как-то расшифруем код. Но сначала нужно понять: ты хочешь нам помочь?

За его очками глаза мерцали мольбой. И хотя Нат не выдавал эмоций, я ощутила, что он ждет напряженно мой ответ.

— Но почему я? — я искренне растерялась. — Почему не другая Певчая? Кто-то старше, знающий свою силу?

К моему удивлению, Пенебригг отвел взгляд.

— Милая, я думал, ты поняла...

— Что поняла? — спросила я.

— Других Певчих не осталось, — тихо сказал он.

Слова была подобны зимнему ветру, пробравшему меня до костей.

— Скаргрейв охотился на них, — говорил осторожно Пенебригг, словно пытался понять, насколько больно мне будет слушать. — Хотел, чтобы никто не угрожал его тенеграмм и гримуару, что создал их. И вороны облегчили его задание. Перед тем, как убить Певчую Агнес, они украли из ее памяти имена и места проживания всех Певчих, кого она знала. И Скаргрейв направился за ними, застал врасплох и заткнул им рты, а потом отдал воронам. При этом собрали еще больше имен, больше Певчих убили, пока не пропали все.

— Но почему они не боролись? — отчаянно спросила я. — Если они были Певчими, обладали силой... — мои слова повисли в воздухе.

— Мы не знаем, — сообщил Пенебригг. — Не уверены. Но многие из тех, кого он поймал, лишь назывались Певчими. Они знали, насколько нам известно, пару слабых чар, понимали в общих чертах свою силу. Многие были очень старыми, жили в отдаленных местах. У них не было шанса против Скаргрейва и его тенегримов. Мы слышали, что, по крайней мере, одну юную Певчую спрятали до того, как убили всю ее семью, но мы думали, что это слухи, пока не встретили тебя.

— Мама... — прошептала я. Было больно говорить дальше.

— Как ее звали? — мягко спросил Пенебригг. — Есть списки, и те, кто их видел, стараются их помнить.

Я услышала свой ответ, будто говорил кто-то другой.

— Вивиан Марлоу.

Долгая пауза. А потом Пенебригг сказал:

— О, бедняжка, мне так жаль.

Я уставилась на пустые руки. Я давно смирилась с тем, что мама мертва и не вернется. Это было печально, но уже улеглось, было частью фундамента моей жизни. Почему тогда я была потрясена, узнав, как именно умерла мама? Узнав, что ее убило не море, а тенегримы лорда Скаргрейва?

Не важно. Это потрясло меня. Я зажала ладонями горячие глаза, спрятав лицо.

— Думаю, — медленно и с добротой сказал Пенебригг, — что тебе нужно отдохнуть в тишине, да? Нужно найти тебе место для сна и теплые одеяла. Я могу дать тебе свою кровать...

— Нет, сэр, — тихим голосом вмешался Нат. — Не стоит вам отдавать кровать. Ваша спина за это не отблагодарит. Она может лечь на мою кровать.

— Мило с твоей стороны, Нат.

— Но, сэр?

— Да?

— Она так и не сказала, поможет ли нам.

— И ты спросишь это сейчас, когда она горюет по матери? — тихий голос Пенебригга был недовольным. — Мы долго ждали Певчую. Сможем немного подождать ее ответа.

Я едва слышала их за мыслями о матери, любящей, нежной, желавшей спасти меня. Матери, окруженной тенеграмми...

Я полжизни хотела вернуться в это место, в эту Англию. Я верила, что здесь начну жить. Но я не представляла ничего такого. Теперь я отчаянно хотела вернуться на остров, быть с Норри, не петь, не колдовать. Не знать ужасов мира.

Но это было невозможно.

Пой, и тьма тебя найдет.

Меня охватило опустошение. Но среди горя и потрясения я ощущала что-то еще, что-то живое, что было сильнее страха. Пылающую и злую решимость.

Я опустила руки. Я посмотрела на Ната и Пенебригга.

— Если вам нужна моя помощь, то она у вас есть, — сказала я. — Я сделаю все, что в моих силах, чтобы уничтожить человека, убившего мою мать.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ ДИКОВИНКИ

— Люси? — звал голос.

В тумане ото сна я подумала, что это Норри. Глаза еще были закрыты, я слушала привычные звуки утра на острова — стук кастрюль, крик петуха и громкий вопль Норри:

— Хватит отлеживаться, вставай!

Вместо этого я услышала лай собак, стук молотков и хриплые голоса вразнобой:

— Ры-ры-рыбка! По монетке за уголек! — а еще гул, словно мимо проносились сотник телег.

Где я оказалась?

Сонное сознание подсказало, что в Лондоне. Я была в Лондоне с Норри и мамой, на темном чердаке у реки Темзы. Это только на зиму, мама обещала, что потом мы поедем по стране...

— Просыпайся! — приказ был резким, как пощечина.

Я открыла глаза и увидела над собой юношу с ореховыми глазами. Нахлынули воспоминания: Нат и Пенебригг. Скаргрейв и тенеграммы. Пение и рубин.

Мама убита.

И Норри потеряна.

Я села, камень покачнулся на цепочке. Еще здесь. И все еще рубин.

— Ты спала как убитая, — Нат звучал недовольно и немного тревожно. Похоже, события прошлого вечера сделали нас достаточно близкими товарищами, раз он тревожился за меня. От этого он дружелюбнее не казался. — Я кричал твое имя, а ты даже не двигалась.

— Зато теперь я проснулась, — и это не радовало. Нат был в темных брюках и чистой белой рубашке, готовый принимать посетителей. Я же смотрела на мир в мятом платье, с урчащим желудком и грязью из сада под ногтями. Я подняла руку к волосам и пожалела. Они были жутко спутаны.

Нат, похоже, этого не замечал.

Стараясь звучать уверенно, я спросила:

— Который час?

— Почти девять. Приведи себя в порядок, — Нат уже не звучал тревожно, только нетерпеливо. — Доктор Пенебригг вот-вот вернется, и он захочет тебя увидеть, — он указал

на умывальник в дальнем углу. — Там чистая вода. Горшок под кроватью. Когда закончишь, найдешь меня наверху.

Он вышел за дверь, оставив меня одну, и я была благодарна, что он дал подсказки.

Я встала с кровати и принялась приводить себя в порядок. Все было не так и плохо, кроме моих волос. Я пыталась пригладить их и почти слышала возмущения Норри: «Твои волосы как спутанные водоросли, дитя. Ну-ка заплети их, вот так-то лучше».

Прошлой ночью, перед тем как я пошла спать, Пенебригт заверил меня, что они постараются помочь мне с поиском Норри.

— Боюсь, она может быть где угодно. Но если ты мне ее опишешь, я поспрашиваю. Осторожно, конечно. Иначе в опасности будет и она, и ты.

Я не хотела уточнять насчет опасностей. Я вспоминала прошлый вечер на острове с тоской — согревал огонь из камина, мы с Норри уютно сидели в креслах перед ним. Конечно, огонь разрастался, и я вздыхала, когда Норри напоминала мне, что за огнем нужно приглядывать, но мы были в безопасности, и теперь я ценила то время.

Как бы я ни хотела, вернуться туда я не могла. А если и могла бы, тенегримы от этого не исчезнут.

Что сделано, то сделано, и теперь нужно исправлять ситуацию.

Слова Норри звучали в голове, а я старалась сосредоточиться на волосах. Пока пальцы работали, я встала у окошка и попыталась разобрать вид: грязный дворик с трех сторон был огорожен, виднелся покосившийся сарай.

Наверное, сарай был домом Аристотеля.

Вот так. С волосами я сделала все, что могла. А одежда...

Я посмотрела на юбки и вздохнула. Как ни отряхивай, а прямее они не станут.

Я сделала все, что могла, поправила косу и пошла искать Ната.

† † †

Он говорил искать наверху, и я пошла по узкой лестнице, касаясь стен для равновесия, пока не попала на чердак, где мы говорили прошлой ночью. Вспомнив, почему я покинула эту комнату, я ощущала беспокойство, открывая дверь, но все прошло, когда я увидела солнечный свет на стенах. Место было ярким и безопасным, а еще красивым, ведь было так высоко, словно принадлежало не Лондону, а небу.

Я закрыла за собой дверь и посмотрела в ближайшее окно. В щели между крышами я увидела широкую реку, берега были забиты домами, а по воде плыли судна. Я нашла в памяти воспоминание о другом виде на реку, виде с чердака, где мы давно жили. Я ничего не помнила больше о городе, но сейчас, пока стояла у окна, я ощущала рядом маму.

— Отсюда видно Темзу, — сказал Нат, — если знаешь, куда смотреть.

От его слов хрупкое воспоминание разбилось. Я развернулась и посмотрела на него. Он сидел за неровным столом в дальнем конце комнаты, почти скрытый грудой любопытных предметов. Самый крупный был лодкой круглой формы, покрытой кожей, длиной в четыре фута, набитой глобусами, потрепанные кузнечные мехи, длинный кусок красного, как мак, шелка. Рядом была груда костей, несколько больших ваз, полных перьев и травы, и шкафчик, полный флаконов дымчатого цвета со странными бирками на них.

Оставшееся место занимали полки, книги, ракушки, гири, весы, рисунки и котелки. И, конечно, тут были часы — не меньше двух десятков на вид, золотые и бежевые, они выглядели отовсюду в комнате.

Я подошла к Нату и указала на дымчатые флаконы.

— Что там?

— Всекие ингредиенты, — сказал Нат. — Штучки. Доктор Пенебригг собирает диковинки.

— Что он с ними делает?

— Мы используем их для наших экспериментов.

— Для каких? — спросила я, удивленно глядя на флаконы.

— О, нас интересует почти все: природа притяжения, свойства света, движение планет, музыка неба, циркуляция крови.

Я смотрела на него, удивленная энтузиазмом в его голосе. В этот раз он звучал не отталкивающе.

— Действительно, все.

— Точно. Новые мысли витают в воздухе, новые открытия делаются каждый день. Интересно быть частью этого, — энтузиазм угас, и он добавил. — Насколько это позволяет наша борьба со Скаргрейвом, — он взял ручку и склонился над столом.

Я коснулась свертка алой ткани в лодке.

— Это шелк? С ним вы тоже делаете эксперименты?

В этот раз он не отрывался от работы.

— Ты всегда задаешь так много вопросов?

— Ты бы на моем месте молчал?

К моему удивлению, Нат задумался над вопросом.

— Думаю, нет, — он отложил ручку, пытаясь проявить больше терпения, чем прошлой ночью. — Ладно, спрашивай.

— Для чего вам шелк? — спросила я.

— Мы растворяли немного в кислоте, когда изучали цвет. Но чаще он служит фоном для гравюр.

— Гравюр?

— Мы торгуем гравюрами. Ими и часами, если точнее. Но часовщики нынче не в почете, так что об этом мы не кричим.

— Это из-за Опустошения?

— Да, — Нат покрутил ручку. — После того, как тенегримы нашли виновников, часовщикам приказали закрыть магазины, боясь, что там будут мятежники. Всех, кого подозревали в связи с тем часовщиком, уводили на допрос. Этого мы избежали, ведь не имели с ними дел. Но даже если связи нет, нужно просить у Скаргрейва разрешения открыть заново дело. Доктор Пенебригг решил просто закрыть магазин и переехал сюда.

— Но он оставил часы, — сказала я, слушая их тиканье.

— Да. И он научил меня работать с ними. Но на хлеб нынче мы зарабатываем, в основном, гравюрами, — он что-то записал. — А теперь мне нужно работать.

Он работал над гравюрой? Я шагнула вперед и посмотрела на наклоненный стол с другого конца. Он писал на обычном листке бумаги, лежащем рядом с книгой. Было видно край обложки книги, и она была цвета темного мха.

— Книга из библиотеки? — догадалась я.

Ручка Ната замерла.

— А ты ничего не упускаешь, да?

— Что там? — я посмотрела на перевернутый текст. — Такое я читать не умею.

— Это на латыни.

— Зачем ты ее украл? — спросила я.

— Пока что слишком сложно объяснить, — Нат оторвал взгляд от работы и указал на дальний конец комнаты. — Я говорил, что на том столе еда? Я свою долю съел, как и доктор Пеннебригг, так что ешь, сколько душе угодно.

Он пытался меня так отвлечь, я понимала. Но я проголодалась, так что решила пока что оставить расспросы. На столе среди стамесок, гвоздей, кусков металла я нашла корзинку с булочками и кусок сыра. Еда была хорошей, и когда я закончила с ней, я была готова снова слушать ответы Ната.

По пути к его столу я остановилась у сложного прибора, сделанного из медных трубок и стеклышек.

— Что это?

Нат бегло взглянул.

— Микроскоп.

Слово ничего мне не объяснило. Я склонилась ближе.

Теперь уже он посмотрел на меня.

— Осторожно! — предупредил он. — Его долго пришлось собирать.

— Ты его сделал? — я посмотрела на трубки с новым интересом. — Для чего он?

— Чтобы смотреть на мелкие вещи. Если все настроить, муха выглядит огромной, как овца.

Я была поражена.

— Но это невозможно.

— Так же невозможно, как твоя магия, — фыркнул Нат. — Но для этого требуются труд и терпение, а не пара спетых нот.

Он посмотрел на меня с презрением, и я отпрянула от силы его взгляда. Моя решимость спрашивать его рассеялась.

— Тебе не нравится магия? — сказала я. Нет смысла уходить от темы.

— Не нравится.

— Даже хорошая магия?

Нат пожал плечами.

— Скаргрейв скажет тебе, что тенегримы — хорошая магия. Так для него и есть. В этом вся магия. Она позволяет нескольким людям нагонять страх на всех нас.

— Значит, ты хотел бы, чтобы я никогда не появилась.

Он уклонился.

— Я этого не говорил.

— Ты ненавидишь магию, этого ответа мне хватило.

— Какая разница, ненавижу или нет? Нам нужна твоя магия. Я бы хотел другого, но этого варианта нет.

— И ты будешь зажимать нос и оставаться рядом, пока я полезна? — я скривилась. — Очень благородно с твоей стороны.

— Ты тоже участвуешь в сделке, — он скрестил руки. — Мы нужны тебе для безопасности.

— Безопасность? — я негодуяще посмотрела на него. — Странно от тебя слышать. Ты бы расправился со мной как со шпионкой, если бы не доктор Пеннебригг.

— Бред, — не поддавался Нат. — Я просто осторожничал. Если бы ты была шпионкой, и Скаргрейв узнал бы, что мы делаем...

Он замолчал и взял ручку.

Я шагнула к его столу, обойдя лодку и груды костей.

— Что ты делаешь?

— Не могу сказать, — он не смотрел на меня. — Пока что. Когда доктор Пеннебригг вернется...

— И когда это будет? — спросила я. — Я думала, он уже должен быть здесь.

— Должен, — Нат посмотрел на ближайšie часы. — Он опаздывает. Не знаю, почему.

— Куда он пошел?

— Не могу сказать, — повторил он.

Меня охватил страх. Его арестовали? Или он оказался не другом?

— Ты не знаешь?

Нат упрямо покачал головой.

— Не могу сказать.

Я сжала кулаки. Сначала Норри, теперь это. Куда бы я ни пошла, люди пытались скрывать что-то от меня.

— Не люблю оставаться в неведении.

— Я тоже, — вдруг сказал Нат. — Терпеть не могу это.

Наши взгляды пересеклись, я ощутила искру, словно касание магии или начало песни.

Или это было мое воображение? Искра коснулась моей спины, а Нат отвел взгляд и заговорил все тем же холодным голосом.

— Я бы сказал больше, если бы мог. Но я не могу. Подожди доктора Пеннебригга.

— Но...

— Я все сказал, — Нат склонился к работе. Но что-то беспокоило его. Его лицо покраснело, и я увидела, как он ослабил воротник.

Я заговорила и замолчала, потрясенная тем, что заметила, когда воротник опустился. Шрам на его горле был таким же белым, как моя метка Певчей.

— Привет, привет! — дверь распахнулась, и вошел Пеннебригг, его щеки были розовыми от спешки в пути и волнения. — Вот ты где! — он улыбнулся мне. — Мы возьмем тебя с собой на встречу Невидимого колледжа сегодня. Что думаешь?

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ ЛУННЫЙ ШИПОВНИК

— Что такое Невидимый колледж? — спросила я.

— Не что, а кто, — Пеннебригг сел у камина, его бархатная кепка съехала. — Мы — группа математиков, инженеров, философов и алхимиков, решивших свергнуть Скаргрейва. Не сказать, что мы достигли успехов. Но это наша цель.

— И вы становитесь невидимыми? — спросила я осторожно, сев рядом с ним.

— Нет. Невидимость нам не подвластна. Хотя юный Рук надеется...

— Можно использовать имена? — перебил Нат, сев напротив нас. Его воротник снова был закрыт, я не видела его шрам.

— Сэр Барнаби решил, что можно, пока мы делаем это осторожно, ничего не записывая, как обычно, — Пеннебригг оглянулся. — Я запер каждую дверь по пути. И окна закрыты, да?

— Да, — сказал Нат, — но...

— Люси теперь часть нашего круга. Так решил Совет. А пока она в нашем круге, мы

должны быть открытыми с ней, — Пенебригг повернулся ко мне. — Это наше правило. Мы знали друг друга до появления Скаргрейва, так что скрываться не пришлось. Есть, конечно, определенные меры предосторожности. Если бы мы одевались в плащи и маски, то среди нас легко мог завестись предатель. А без них мы знаем друга. Наши лица — не секрет друг для друга, как и наши характеры.

— Обещаю, что я не предаю вас, — сказала я.

— А если ее поймают? — спросил у Пенебригга Нат.

Нат всегда мог заговорить о худшем. И это помогало расти моим тревогам.

— Если Люси поймают, мы лишимся надежды, — сказал Пенебригг. — Потому и нужно рассказать ей все, что мы знаем. Тогда она может и не совершить ошибок. И если она окажется в беде, то поймет, как выпутаться. Ее безопасность, а не наша, важнее.

Нат медленно кивнул.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Точно.

Я уже не хотела насмехаться. Я посерьезнела, понимая, как отчаянно они рассчитывают на меня, они даже готовы были жертвовать ради моей безопасности.

— Совет согласился, что мы должны сделать все, чтобы найти твою опекуницу, — сказал мне Пенебригг. — Мы не можем позволить шпионам Скаргрейва найти ее. Ради нее и ради нас. Утром мы начали передавать ее описание союзникам, мы будем ее искать.

— Спасибо, — сказала я, слова плохо выражали благодарность, что я ощущала.

— Ты спрашивала, почему мы называем себя Невидимым колледжем, — кивнул мне Пенебригг. — Название придумал основатель, сэр Барнаби Гэдинг во времена короля Чарльза. У нас не было здания, факультета, всего, что присуще обычной школе. Мы просто переписывались и разговаривали. Но у нас была незримая связь: глубокий интерес в познании мира вокруг нас, в обсуждении того, что мы узнали. И сэр Барнаби шутил, что мы — члены Невидимого колледжа, — он добавил. — Думаю, ему понравилось и сокращение.

Я плохо понимала его.

— НК или «ИС», — сказал Пенебригг, вскинув брови. — «I see» — я вижу.

— Сэр Барнаби любит игру слов, — сухо сказал Нат.

— Игра или нет, но слова подходят для людей, которые верят в то, что видели своими глазами, а не полагаются на слухи и суеверия, — сказал Пенебригг. — Но так было тогда. А когда Скаргрейв пришел к власти, Невидимый колледж испытал тяжелые времена.

— Скаргрейв не любит правду, — сказал Нат. — Или сомнения и вопросы. А это основа того, что мы делаем.

Пенебригг кивнул.

— Потому он закрыл университеты. Он называл их рассадником предателей. Печально, ведь он сделал большой вклад в библиотеку Кембриджа. Но все вот так, и наш Невидимый колледж продолжил встречаться в тайне.

— И Скаргрейв никого из вас не ловил? — спросила я.

— Никого, — сказал Пенебригг. — И за это нужно благодарить сэра Барнаби. Его семья в родстве со Скаргрейвом и королем, он дружит с ними, так что его последним будут подозревать в измене. Его позиция позволяет нам встречаться и продумывать разрушение Скаргрейва, — он подвинул очки ниже и посмотрел на меня. — И ты пришла к нам, милая, когда наши планы достигли пика. Наши исследования показали, что Скаргрейв пытается разводить своих воронов.

Я нахмурилась.

— Он пытается сделать больше тенегримов?

— Именно так, — сказал Пенебригг. — Если он найдет способ, их будет сотни, а то и тысячи. И чем больше их будет, тем больше страха он посеет. Сейчас они рассеяны, далеко не добираются в королевстве, и это нам помогает. Но если Скаргрейв найдет способ наполнить небеса ими, каждая улица этой страны будет под их надзором.

Это было ужасно.

— Нам повезло, что разводить их сложно, — сказал Нат. — Нужна правильная фаза луны, и их нужно снимать с патруля на недели, чтобы они растолстели.

— А потом их нужно особенным образом кормить, — сказал Пенебригг. — Им нужно скармливать листья с дерева лунного шиповника — селенантус селенеи — иначе ни одно яйцо вылупится. Потому Невидимый колледж уничтожил три единственных известных дерева лунного шиповника.

— Значит, больше тенегримов он сделать не может, — с облегчением сказала я.

— Пока что, — сказал Нат. — Но всегда есть возможность, что обнаружится новое дерево лунного шиповника. Или что Скаргрейв обнаружит семена и вырастит дерево сам.

— И его никак нельзя остановить? — сказала я. — Найти деревья, уничтожить семена или... или что-то еще?

— Мы это и делаем, милая, — убедил меня Пенебригг. — Пока мы можем только это. И во многом заслуга юного Ната, что мы остаемся на шаг впереди Скаргрейва. Я уже потерял счет миссиям, что он провел для НК.

— Потому ты забрал книгу из библиотеки? — спросила я у Ната, надеясь, что он ответит хоть в этот раз.

Он посмотрел на Пенебригга.

— Совет разрешил рассказывать ей?

Пенебригг кивнул.

— Да, — сказал мне Нат. — Один из наших шпионов сказал, что ее стоит рассмотреть.

— Шпионы? — сеть НК была шире, чем я ожидала.

— Да, милая. У нас, как и у Скаргрейва, есть шпионы, — сказал Пенебригг. — Этот агент смог только увидеть книгу, он боялся, что если проявит больше внимания, то Скаргрейв заметит. Потому лучшим выходом было украсть ее.

— Повезло, что мы знаем дом лучше Скаргрейва, — сказал Нат.

Это меня удивило.

— Но это его дом.

— Только после Опустошения, — сказал Пенебригг. — Веками до этого он принадлежал другой семье, наполнившей его многими скрытыми лестницами и проходами. О многих уже забыли.

— Но вы о них знаете?

— Сэр Барнаби знает, — сказал Пенебригг. — Он знал дом хорошо с детства. Но он не самый здоровый человек, так что сам украсть не может. Для этого нам нужен Нат.

— Надеюсь, книга стоила проблем, — сказал Нат. — Это палимпсест, они сложные.

— Пал... что?

— Палимпсест, — сказал Пенебригг. — Это страницы старой книги, которые очистили, и сверху написали новую книгу. Если хочешь прочитать то, что там было раньше, нужен острый взгляд.

— Покажешь? — спросила я у Ната.

Он замешкался.

— Думаю, взглянуть можно.

Я прошла за ним к столу.

— Смотри на тени, — он осторожно провел пальцем по странице, и я увидела слабые линии слов под и вокруг черных букв нового текста.

— Я не могу прочитать каждое слово, — сказал он, — но тут упоминание о селенантусе в середине страницы, стоит присмотреться. Может, тут написано о лунном шиповнике, который мы еще не нашли.

— Еще деревья лунного шиповника? — мой желудок сжался. — Думаешь, Скаргрейв знает о них?

— Может, нет, — сказал Нат. — Потому мы украли книгу, чтобы он не узнал. И если существуют другие деревья, мы постараемся выкопать их раньше, чем он о них узнает.

Он звучал уверенно, но мне было понятно, что ситуация отчаянная: игра в кошки-мышки, где у кота были все преимущества.

Но я посмотрела на Ната, а потом на Пенебригга, ощущая не отчаяние. Во мне расцветала надежда и желание быть полезной.

— Чем я могу помочь? — спросила я.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ СЛУШАТЬ

— Ах! Я надеялся, что ты спросишь, — Пенебригг широко улыбнулся мне и подвинул очки. — Мы хорошо справлялись, держась на шаг впереди Скаргрейва. Но теперь ты здесь, и мы, возможно, можем мечтать о большем, расправиться с ним. Зависит, конечно, от твоей магии.

— А я толком ничего не могу, — тихо сказала я. Хотелось помочь, но что я могла им предложить?

Добрые глаза Пенебригга посмотрели на меня.

— Не недооценивай себя, милая. Ты еще не знаешь свои силы, но это не значит, что их нет. Они глубоко в тебе, но они есть.

Его уверенность напоминала свет солнца в холодный день, и я невольно согрелась. Но от понимания, что он верит в меня, было не по себе, ведь я не знала, как оправдать эту веру.

— Может, стоит начать с рубина, — предложил Пенебригг. — По твоему эксперименту прошлой ночью мы знаем, что в нем есть магия, магия Певчей.

Это было логично. Я потянула за цепочку, пока не показался рубин. Он поймал лучи утреннего солнца и засиял, слепя. Мы замерли на миг, как и прошлой ночью, разглядывая его блеск.

— Необычно, — выдохнул Пенебригг. Даже Нат не остался равнодушен.

Пенебригг отвел взгляд от рубина и посмотрел на меня.

— Если снять камень, ты слышишь музыку?

Я с неохотой сняла рубин. Стало проще делать это, но я все еще ощущала от этого страх, пока не слышала пение.

— Еще здесь, — ответила я. — Слабое пение, но есть.

— Чудесно, — сказал Пенебригг.

— Но я понятия не имею, для чего эта музыка, — беспомощно сказала я. — Эта музыка может сжечь дом или... превратить нас всех в котов. Она слишком тихая и смешанная, чтобы что-то расслышать.

— У меня есть кое-что. Это может помочь, — Пенебригг вытащил плотно закупоренную склянку из черного одеяния.

Нат недовольно посмотрел на нее.

— Семена лунного шиповника? Вы носили их по Лондону?

— Лишь несколько. И я был осторожен.

Я уставилась на темное содержимое флакона.

— Я думала, Невидимый колледж хочет уничтожить семена лунного шиповника.

— Как правило, да, — сказал Пенебригг. — Но после споров мы решили немного оставить для экспериментов. Сэр Барнаби подумал, что мне стоит принести парочку и проверить твои силы. Насколько мы знаем, они могут оказаться полезными.

— Стоит ли это опасности? — резко спросил Нат.

— Увидим, — Пенебригг протянул флакон. — Милая, открой и скажи, слышишь ли ты что-нибудь.

Я очень осторожно вытащила пробку, отчасти боясь того, что я могу услышать.

— Да. Я слышу, — музыка была ясной, мелодия — сложной, но четкой.

Нат с тревогой посмотрел на меня, Пенебригг склонился, глаза горели за его очками.

— Так и думал сэр Барнаби. У него есть старый трактат о магии, где говорится, что многим Певчим сложно понимать музыку простых вещей. Песни предметов с магическими силами, как лунный шиповник, сильнее, их легче понять, — он уперся руками в колени. — Можешь сказать, о чем песня?

Боясь, что меня унесет музыкой, я осторожно слушала. К моему облегчению, песня лунного шиповника была не такой поглощающей, как та, которую я слышала на острове. Намеки значения вспыхивали в моей голове, пока я слушала, и я потрясенно подняла голову.

— Думаю, это песня для чтения разумов, — сказала я им.

Нат застыл.

— Так мы с сэром Барнаби и думали, — Пенебригг взволнованно потер руки. — Певчая, что может читать мысли, какой это ужас для Скаргрейва!

— И для всех, — пробормотал Нат.

— Она на нашей стороне, Нат, — сказал Пенебригг. — Не забывай.

Это Ната не успокоило.

Пенебригг повернулся ко мне.

— Конечно, мы не знаем, работает ли песня. Скажи, милая, споешь ли ты ее?

— Не знаю, — воспоминание о потере Норри было еще свежим. — Если я ошибусь...

— Но если не рискнуть, ничего и не достигнешь, — сказал Пенебригг. — Постарайся. Мы просим только этого. Но пой тихо. Скаргрейв запретил всю музыку, боясь, что так сможет скрыться Певчая, и мы не хотим привлекать внимание его шпионов. А днем у него всюду люди-шпионы.

Пой, и тьма тебя найдет.

— Ну, ну, милая. Не нужно так бояться. Окна закрыты, на улицах шумно, а соседка наша почти глухая. Если будешь петь тихо, вреда не будет.

Я посмотрела на него, а потом на Ната, настороженно глядевшего на меня.

Если Нат опасался, то опасения возникали и у меня. Но что мне делать? Они

рассчитывали на меня. Как я спасу их, не узнав свои силы?

Я закрыла глаза, чтобы лучше слышать музыку. Нежная мелодия плясала в моей голове. Глубоко вдохнув для смелости, я очень тихо запела ее.

Когда я закончила, мгновение я не шевелилась, пытаюсь ощутить что-то, кроме своих опасений и рвения. Ничего.

Я открыла глаза.

— Ты можешь читать наши мысли? — спросил Пенебригг. Нат рядом с ним напрягся, словно готовился к бою.

Я покачала головой.

— Ничего не изменилось.

Пенебригг был разочарован, как и я, но Нат не скрывал облегчения.

— Не страшно, милая, — сказал Пенебригг. — Сэр Барнаби предупреждал, что одной песни может не хватить. Он предложил коснуться человека, чьи мысли ты хочешь увидеть, — он протянул сухую руку. — Вот. Скажи, видишь ли ты теперь мои мысли.

Я с надеждой взяла Пенебригга за руку, закрыла глаза и снова спела. В этот раз, когда я закончила, что-то было не так. Песня кружилась в моей голове в такт моему дыханию. Она звенела во мне, и мои мысли вытекли, как вода, я начала видеть что-то другое.

— Вижу мужчину, — сказала я, все еще слыша песню в голове. — У него длинный подбородок, не менее длинный нос, темные волосы падают ему на плечи. Он не улыбается, — мужчина подошел ко мне, словно находился в этой комнате. — Его глаза пылают, но... нет, он смотрит не на меня, а сквозь меня. Он стойкий и амбициозный. И... и...

Песня говорила, что он старый. Но мужчина выглядел молодо. У него была старой одежда? Обувь? Что это могло быть? Я крепче сжала пальцы Пенебригга.

— Ах, ясно, — я чуть не рассмеялась. — Его зовут Олдвилль.

Я услышала резкий вдох. Картинка замерцала и растаяла, а с ней и песня. Я открыла глаза.

— Я сказала что-то не так?

Пенебригг отпустил мою руку и глядел на меня потрясенно из-за блестящих очков.

— Небеса, сработало.

Я была потрясена не меньше.

— Я угадала?

— Угадала? Милая, да это чудо. Это был Исаак Олдвилль. Правда, Нат?

Нат кивнул с поджатыми губами.

Пенебригг принялся взволнованно расхаживать по комнате.

— О, что скажет Олдвилль, когда услышит? Что скажут все, когда увидят твоё выступление?

Я подумала, что ослышалась.

— Выступление?

— Да. Днем, на встрече Невидимого колледжа. О, они будут в восторге!

— Но я делала так только раз, — сказала я. — Не знаю, смогу ли я снова.

— Тебе нужна тренировка, милая, — сказал Пенебригг. — Мы посвятим этому остаток дня. Но нам нужно восстановить силы. Нат, мальчик мой, принесешь нам больше булочек и сыра?

Он не смотрел на Ната, а я смотрела. С грозным видом Нат взглянул на меня, а потом

развернулся и ушел.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ СОЛНЦЕ И ЛУНА

Я тренировалась остаток утра. Как я и подозревала, само заклинание было лишь половиной дела, было важно, чтобы песня осталась во мне после того, как я исполнила ее вслух. Если не удавалось, я ничего не видела. Если песня во мне угасала, то и картинка таяла, и мне снова приходилось слушать семена. Их мелодия была сложной, и я боялась, что не запомню ее правильно и совершу ужасную ошибку.

— Ты голодна, — сказал Пенебригг, когда я три раза подряд не смогла спеть правильно. — Дай ей булочку, Нат.

Нат безмолвно выполнил это.

Но только так он помогал. Хотя Пенебригг хотел, чтобы он участвовал в эксперименте с чтением мыслей, Нат отказался, сказав, что ему нужно работать над палимпсестом.

Пенебригг удивленно посмотрел на него.

— Упустить шанс эксперимента? Это на тебя не похоже, Нат. Подойди, Люси пора уже проверить навык на ком-то другом, а не на таком старике, как я.

— Поищите кого-то еще, — сказал Нат, сев за свой стол. — Я не хочу в этом участвовать, — он склонился над книгой.

— Боюсь, сегодня он нам не помощник, — сказал тихо и почти виновато Пенебригг. — Это не странно. Каждый раз, когда я просыпался этой ночью, он ходил по дому. Вряд ли он хоть три часа поспал. Позанимаемся еще немного, а потом я попробую уговорить его отдохнуть.

Мы работали, и я понемногу привыкала к магии. Вскоре я смогла удерживать музыку в голове достаточно долго, чтобы прочесть мысли Пенебригга несколько раз, а потом уже петь снова. Читать Пенебригга стало почти так же просто, как книгу, и я быстро узнавала картинки в его мыслях: часы, яблоко, река Темза.

— Еще разок, — Пенебригг протянул мне руку, и я закрыла глаза, так было проще сосредоточиться.

Картинка появилась почти сразу, и я начала описывать:

— Полный мужчина с длинным лицом и изящными манерами. Его тревожит правая нога, и он опирается на трость из слоновой кости, — Гэдабот? Так его звали? Нет, я ощутила другое имя. — Сэр Барнаби Гэдинг, лидер Невидимого колледжа.

— Да, — сказал Пенебригг, но я едва его слышала, была глубоко в музыку. Впервые я сама ощутила его радость моему прогрессу. Желая еще сильнее его впечатлить, я проникла глубже в его разум.

— Вам больно видеть, как его тревожит подагра. К счастью, ему стало лучше, — рассказывала я. — Вы с сэром Барнаби давно дружите, вы его цените. Но порой вам кажется, что его любопытство затмевает разум...

Пенебригг отдернул руку, поток мыслей растаял.

— Отлично, милая, отлично, — слова были добрыми, но я посмотрела на его лицо и начала подозревать, что что-то сделала не так.

— Не стоило этого говорить? — спросила я.

Пенебригг поправил очки.

— Ты все правильно сделала, милая. Просто то, сколько ты увидела,... потрясает. Но, конечно, для нас это хорошие новости. Невидимый колледж будет впечатлен.

Я не расстроила его. Это радовало.

Пенебригг взглянул на ближайшие часы.

— Ой, уже так поздно? Нам нужно подкрепиться, — он огляделся в поисках булочек. — Хмммм... похоже, мы все доели. Может, Нат...

Но Нат спал за столом, ручка осталась в его пальцах.

— Пусть отдыхает, — решил Пенебригг. — Я сам схожу вниз.

— Я вам помогу, — вызвалась я и встала.

— Нет, нет, милая. Не стоит. Ты тоже устала после этого. Отдохни, пока я буду ходить.

Пенебригг был прав, я чувствовала усталость. И было приятно откинуться на спинку кресла, когда он ушел. Когда Нат пробормотал что-то во сне, я села прямо и насторожилась.

Что он сказал? Что-то о Скаргрейве?

Я встала и подошла к столу, где он лежал, его хмурое лицо было отчасти скрыто в руках. Даже во сне он выглядел злым. И злился он точно на меня. Я не понравилась ему с самого начала, и мои способности читать мысли только все ухудшили.

Но почему это так его тревожило? Он словно что-то скрывал.

Он снова пробормотал, и я попыталась разобрать слова. Грим? Или... тенегримы?

Я посмотрела на Ната. Он что-то скрывал?

Вздор. Он не мог ничего скрывать. Пенебригг ведь доверял ему.

А если Нат был испорчен? А если он в тайне ото всех работал на Скаргрейва?

И тут я поняла, что песня для чтения мыслей все еще звучала во мне. Если я коснусь Ната, я смогу увидеть достаточно, чтобы узнать правду. Его пальцы свисали передо мной, длинные и в мозолях от ручки.

Я коснулась его ладони.

Связь была мгновенной, это потрясло, ведь она была сильнее, чем с Пенебриггом. Не картинки меня запутали.

Сначала там были даже не картинки, а тьма, что мерцала кругом, словно чернила. А потом я ощутила свое движение, этого не было, когда я тренировалась с Пенебриггом. Я склонилась, ободранные локти и колени впивались в окружающие меня черные стены. Дым жалил горло, шея пылала.

Треск! Вспышка жара пронзила ноги. Вдруг я задрожала от страха так сильно, что колени начали подгибаться. Но я не могла упасть, нельзя было падать, ведь внизу была огненная яма...

— Хватит! — проревел Нат.

Я моргнула, картинки пропали, словно их и не было. Вместо этого я увидела перед собой Ната, он стоял и не скрывал гнева. Пенебригг был рядом с ним.

— Как ты посмела? — прокричал Нат.

Все еще растерянная от увиденного, я просто смотрела на него.

Пенебригг опустил ладонь на его плечо.

— Уверен, она не хотела...

Нат сбросил его плечо и посмотрел на меня с ненавистью.

— Может, ты и Певчая, — сказал он, — но ты ничем не лучше Скаргрейва и его воронов.

Он хлопнул за собой дверь чердака.

† † †

— Он не хотел так сказать, — сказал Пенебригг, когда Нат ушел. — Он просто разозлился. Он придет в себя, когда остынет.

Я дрожала, надела цепочку и коснулась камня.

— Он сказал, что я не лучше тенегримов!

— Ну что ты. Он знает, что глупо так говорить. Но он был в шоке, — я хотела заговорить, но Пенебригг вскинул руку. — Я не пытаюсь его оправдать, милая. Но, может, стоит объяснить мне, как ты дошла до чтения его мыслей.

Я не знала, как Пенебригг узнал, что я читала мысли.

— Ты говорила вслух, милая, — сказал он мне, когда я спросила. — Я услышал лишь конец, но все было ясно. Как же ты до этого дошла?

Мои подозрения, которые становились все сильнее, показались не такими важными, когда я озвучила их Пенебриггу.

— Выдаст нас Скаргрейву? Нат? — Пенебригг вскинул белые брови. — Даже странно так думать.

Я слышала неодобрение в его голосе и попыталась защититься.

— Но он что-то скрывает. Я знаю. Что-то, связанное с огнем. И тенегримами.

Пенебригг сцепил пальцы и нахмурился.

— У Ната, как и у любого человека, есть свои секреты. Но они не такие, как ты думаешь, — он покачал головой. — Не люблю лезть в личную жизнь Ната, еще и так жестоко. Но ты его не поняла, так что, думаю, нужно объяснить.

Я жестоко влезла в жизнь Ната?

Я хотела лишь обезопасить себя, так заговорил внутренний голос. Чтобы все были в безопасности. Но Пенебригг посеял во мне достаточно сомнений, и я была готова выслушать его.

— Нат пережил столько ужасов, что нам и не снилось, — начал Пенебригг.

Новый страх пронзил меня.

— Его ловил Скаргрейв?

Пенебригг нетерпеливо покачал головой.

— Думаешь, Скаргрейв — единственный источник зла в этом мире? Нет. Другие тоже вредят, как тот маг, что купил Ната, когда ему было шесть.

— Маг?

— Не настоящий, — сказал Пенебригг. — Лживый фокусник, путешествующий по городам, грабя жертв по пути. Ему нужен был мальчик на побегушках, и дядя Ната хотел избавиться от племянника. И Ната продали за пару шиллингов этому мерзавцу, который бил его и учил воровать из карманов, заставлял лазать по огненному туннелю, чтобы развлекать толпу. Ужасно, как ни смотри.

Мрак, дым, огонь. Мне стало не по себе, я вспоминала картинки из разума Ната. Даже пара мгновений, что я испытала, были ужасающими. А каково ему было переживать их лично?

— Он попытался сбежать, — сказал Пенебригг, — и его хозяин надел на него медный ошейник с кольцом, чтобы можно было просовывать цепь. Два года спустя, когда он снова попытался сбежать, ошейник остался на его шее.

Два года. Два года он провел в ошейнике. А был тогда мальчиком.

Это многое объясняло в Нате, от шрама на шее до его ярости.

— Во второй раз ему повезло больше, — сказал Пенебригг. — Он убежал ночью, ошейник было плохо видно, и он ворвался в кладовую за моим магазином. Худой, как гончая, и ужасно голодный. Но он искал не еду, а инструменты, чтобы сломать ошейник. Я помог ему, и с тех пор он — мой ученик.

Я пыталась все осознать.

— Он бывает едким, знаю, — сказал Пенебригг, — но у него хорошая голова на плечах, сильное сердце. И любит науку. Мне даже завидуют в Невидимом колледже из-за такого ученика, и это было до того, как мы обнаружили его таланты к шпионажу и воровству. Тайные туннели, скрытые лестницы и темные проходы его не страшат.

— Нет? — я вспомнила страх, который ощутила, пока была в сознании Ната, и я не была так уверена. Пенебригг, похоже, тоже сомневался.

— Он себя не выдает. Но меня беспокоит, что с той первой ночи он больше не говорил о старой жизни. И мне не дает говорить об этом. Он оставил все позади. Так он сказал. И то, что ты увидела правду, сильно потрясло его.

— Да, — и я не сдержалась и добавила. — Меня тоже.

— Конечно, милая. Прости, что все так произошло. Мне вас жаль. Но правда в том, что я тревожусь за Ната. Хотелось бы, чтобы он поговорил со мной об этом, но он вряд ли так сделает.

— Вряд ли он захочет меня видеть, — сказала я.

— О, он остынет. И скоро. Он — практик, наш Нат, и он знает, что если мы хотим победить, нам нужен каждый союзник, — Пенебригг успокаивающе улыбнулся мне. — И твоя попытка прочесть его разум в таком свете была большим успехом. Против врагов этот дар будет силен.

Я подумала об этом.

— У Скаргрейва есть вороны, у вас — я. Вы об этом, да?

— Можно и так сказать, — он посмотрел на меня сквозь очки. — Это тебя беспокоит?

Нат сказал, что я ничем не лучше Скаргрейва. И воронов. Я не могла прогнать эти слова из головы.

— То, что делает песня... — я пыталась подобрать слова, — что делаю я... напоминает немного тенегримов, да?

Было бы хорошо, если бы Пенебригг тут же опроверг мои слова. Но он сказал:

— Может, немного. Но так и солнце напоминает луну. Это небесные тела, но они отличаются в механике и эффектах.

Я поежилась. Я не хотела быть похожей на тенегримов.

Пенебригг положил ладонь поверх моей.

— Милая, ты делаешь это по верным причинам. Благодаря тебе, у нас появилась надежда на победу. Нат это знает. И когда он сможет это обдумать, он точно станет надеяться, как и я, что твои силы продолжат расти.

Я не была так уверена.

— Но...

Часы вокруг нас ожили, отбивая наступление нового часа.

— Уже полдень? — Пенебригг встал со скамьи. — Пора нам встретиться с Колледжем, — он поманил меня за собой. — Идем, милая, мне нужно показать тебе твой новый облик.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ АПТЕКА

Пенебригг поторопил меня спуститься в комнату, где я проснулась этим утром.

— Ты должна одеваться как настоящая леди. Но богатая одежда будет выделяться, потому что мы с сэром Барнаби решили скрыть тебя, нарядив горничной, — он указал на кровать, где лежали юбки и платье. — Надеюсь, это тебя не обидит.

— Конечно, — убедила я его. Простое серое платье выглядело теплым, и оно точно было не таким потрепанным, как моя одежда. — Где встречается Колледж?

— В доме Гэддинга, — Пенебригг открыл шкаф в углу комнаты и дал мне чепец, фартук и плащ. — Боюсь, нам нужно спешить, милая. Одевайся, а мы подождем внизу, ладно?

Серые юбки казались коротковатыми, но верх с длинными рукавами скрывал рубин и мою метку Певчей, свободный чепец скрыл мои спутанные волосы. Укутавшись в плащ, я спустилась по лестнице. Я приближалась к последнему пролету, когда до меня донеслись голоса.

— Она сделала так от страха, — говорил Пенебригг. — Подумай, Нат, она ведь почти ничего о нас не знает.

— Она знает, что мы оберегаем ее. Но этого ей мало. Она полезла в мою голову, стоило вам уйти, и захватило мои тело и душу. Я чувствовал ее там...

— Да? — в голосе Пенебригга появился интерес. — Ты меня удивляешь, Нат. Я не смог ее почувствовать.

— А я смог. От этого я дрожал всем телом.

— Понадеемся, что наши враги не такие восприимчивые.

— Боюсь, она и есть наш враг.

Я застыла. Я хотела извиниться перед Натом, но если он так думал, то зачем?

Пенебригг спокойно заговорил:

— Она нужна нам, Нат. Этого не изменить. Тебе придется работать с ней.

Долгая пауза.

— Ладно. Я сделаю так, если так нужно. Но если она попытается снова прочитать мое сознание, я...

Под моими ногами скрипнула ступенька. Они подняли головы и увидели меня.

Нат помрачнел от злости.

— Ты подслушивала?

— Ничего не поделаться, — сказала я уязвлено. — Иначе по лестнице не спустишься.

— Тогда ты знаешь, что я работаю с тобой, потому что приходится. Если еще раз прочтешь мои мысли, я за себя не ручаюсь. Если запомнишь это, мы сможем работать вместе.

— Я не хочу снова посещать твое сознание, поверь, — сказала я.

До воцарения мира было далеко, но Пенебригг уже был рад.

— Мы же союзники?

— Да, — холодно сказала я.

Нат ответил таким же тоном:

— Да.

Теперь он вел себя довольно вежливо. Но мы пошли к двери, и я заметила, что он насторожен и держится вдали от меня. Я шагнула вперед, он отпрянул. Я оглядывалась на

него, и он отводил взгляд.

Вспышка связи, что была этим утром, пропала окончательно. Если она вообще была.

Я сказала себе, что мне все равно.

† † †

— Быстрее, — прошептал мне Пенебригг, пока мы шли по улице. — Нат присмотрит за нами сзади, пока мы идем впереди.

Мы поспешили, а я задумалась, следил ли за нами Нат, или он просто пытался держаться подальше от меня. Но я знала, что оглядываться не стоит. Лучше делать вид, что я гуляю со стареньким господином, как и сказал Пенебригг. Хотя шагал Пенебригг не так, как подобало его возрасту. Он был таким быстрым, что мне было сложно поспевать за ним, еще и тяжело было дышать из-за едких запахов в воздухе. Водостоки города были полны отходов, грязи, воняло гнилым мясом и гнилыми яблоками.

А еще я вскоре поняла, что тут было и шумно. В ушах звенело от воя собак, визга свиней, стука и скрипа телег. А люди! Они звали, кричали, возмущались, ругались, словно здесь собралась огромная стая чаек и боролась за еду.

Но больше меня поражала не громкость криков, а страх на их лицах. Даже в свете дня они опасались Скаргрейва и тенегримов.

Вскоре и мне стало не по себе. Хотя я знала, что моя одежда делает меня скрытной, мне было тревожно идти открыто. А если меня кто-то схватит? А если найдут рубин... или метку Певчей?

А потом я заметила, что на меня смотрит женщина.

У нее были серебряные волосы, она стояла в переулке, и лицо ее было неподвижным, лишь сияли глаза, глядя на меня. Я поспешила за Пенебриггом, а она вернулась в тень.

Рассказать о ней Пенебриггу? Нет, не стоит так переживать из-за одного взгляда. И ее уже не было видно.

— Почти на месте, милая, — тихо сказал Пенебригг.

Несколько минут спустя — и я была рада, что мы были уже далеко от переулка — он повернул на узкую аллею, где было темнее и тише, чем на других улицах по пути. И здесь было безопаснее, хоть я и не знала, было ли так на самом деле.

Когда мы миновали около десятка домов, Пенебригг повел нас по еще более узкому переулку и кивнул на магазин слева, где потрепанный знак изображал ступку и пестик на сине-черной вывеске.

— Мы на месте.

Я растерянно посмотрела на магазин. Пенебригг говорил, что встреча будет в дом Гэддинга, но это место не было похоже на поместье важного человека. Но сейчас не стоило задавать вопросы, и я безмолвно пересекла порог следом за ним.

Я попала в комнату, что была забита не меньше чердака с диковинками Пенебригга. Ящики и склянки были всюду, выстроились на деревянной стойке и возвышались на маленьких шкафчиках с выдвигаемыми ящиками. На полках были длинные ряды сине-белых китайских ваз, пестиков и ступок, а еще глиняных мисок. В воздухе пахло травами.

Нат закрыл дверь, он все еще шел за нами, и Пенебригг кивнул мужчине с острым носом за стойкой.

— Добрый день, господин аптекарь.

— И очень хороший день, насколько я слышал, — аптекарь с любопытством посмотрел на меня.

Пенебригг быстро сказал:

— Вы еще не знакомы с внучкой моего брата?

— Роджер Харботтл к вашим услугам, — сказал мне мужчина.

— И, конечно, вы знаете моего ученика, — добавил Пенебригг, указав на Ната.

Мужчина кивнул.

— Чем могу помочь?

— Чуток трагаканта, если можно, — сказал Пенебригг, — и немного семян белой камнеломки. О, и у вас есть сироп Крови дракона? — он склонился и подчеркнул последнюю фразу тихим выдохом.

Господин Харботтл нахмурился.

— Насчет последнего — не уверен. Потребуется время для создания свежей микстуры, около часа хотя бы. Но вы можете пока отдохнуть и подождать в комнате ухода. Пройдемте за мной?

Он повел нас через небольшую дверь в длинную комнату со столом и стульями. Вдали были полки и контейнеры, висели и сушились травы. Господин Харботтл осторожно закрыл дверь, Нат отодвинул красный ковер и нажал на две половицы. Они тихо отодвинулись, открывая лестницу, ведущую вниз.

— Лампы и спички слева, как обычно, — шепнул аптекарь. — Удачи.

Нат уже спускался. Пенебригг указал мне идти за ним.

— Но где... — начала я.

— Не сейчас, милая, — шепнул Пенебригг.

Видя тревогу на его лице, я поспешила по ступенькам. Внизу вспыхнула спичка, Нат зажег лампу. Он не ждал меня и спускался все ниже. Не желая оставаться в темноте, я следовала за ним. Пенебригг шел последним, он задвинул за собой половицы.

У подножия лестницы Нат отпер дверь, и мы пошли дальше по коридору. Хотя он выглядел крепко, балки поддерживали стены и потолок, он был таким низким, и узким, что нам приходилось пригибаться и идти цепочкой. Пахло дымом свечей и влажной землей, и я хотела бы отгонять тьму своей свечой.

Мы шли, впереди мерцала лампа Ната, пока проем не расширился перед другой запертой дверью, похожей на ту, что уже была у лестницы.

Нат открыл ее, и я прошептала:

— Где мы?

— Под домом Гэдинга, — сказал Пенебригг. — В одном из тайных проходов, что ведут в его погреба.

— Есть и остальные?

— Есть, и каждый охраняют друзья.

— Господин Харботтл — друг?

— И не только, — сказал Пенебригг. — Он — член нашего Колледжа. Его жена займет место в магазине, чтобы он смог прийти на встречу.

Нат открыл дверь, а за ней короткий коридор вел к другой двери, что была крупнее и красивее. Перед ней стоял страж с мечом и пистолетом.

Пенебригг сказал что-то сложное стражу на неизвестном языке. Страж ответил так же и пропустил нас в комнату с одной дверью. Пенебригг покрутил ручку.

— Что-то не выходит, — сказал он Нату. — Попробуешь?

— Конечно, — Нат обошел меня и схватился за ручку.

— Они меняют замки каждый раз, — сказал мне Пеннебригг. — У меня часто возникают проблемы, но Нат чудесно справляется с этим.

Тихий щелчок, Нат сделал работу. Мы прошли за ним в вестибюль, где его лампа выхватила маленький мраморный камин с золотыми часами. Изящные стрелки показывали на десять минут после часа.

— Немного опоздали, но не страшно, — тихо сказал Пеннебригг, когда мы подошли к двери, встроенной в нишу в стене. Он повернулся ко мне. — Там будет не просто, милая, но постарайся. От этого многое зависит.

Я приготовилась, и он постучал в дверь.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ НЕВИДИМЫЙ КОЛЛЕДЖ

— Певчая?

— Похоже, так Пеннебригг и сказал.

— Уверен?

— Смотрите, какая она юная.

— Слишком юная.

Я стояла перед собравшимися учеными в маленькой библиотеке без окон и пыталась не показывать, что нервничаю из-за их слов. Я еще никогда не приковывала к себе столько внимания. Да и я очень давно не была среди такого количества людей. Пеннебригг говорил, что будет не просто. Это он еще мягко сказал.

Все, казалось, смотрели на меня с подозрением.

Может, это было не так. Один юноша с крупными руками просиял, когда я вошла, а мужчина, в котором я узнала Исаака Олдвилля, смотрел на меня с любопытством. Но почти на всех тридцати лицах в комнате было недоверие.

— Уважаемые коллеги, — в нескольких шагах от меня сэр Барнаби изящно вскинул руку. Он выглядел так же, как и на картинке в голове Пеннебригга: одетый с иголки пухлый джентльмен, который выглядел бодро, несмотря на трость и боль в ноге. — Я представляю вам мисс Люси Марлоу, которая, как уверяет доктор Пеннебригг, настоящая Певчая.

— А если она — обманщица?

— Или хуже — шпионка? — добавил кто-то.

До этого я была слишком напугана, чтобы заметить страх на их лицах. Но теперь я его видела.

Сэр Барнаби вскинул руку.

— Тише. Совет не пригласил бы ее, если бы мы не убедились в том, что она не опасна. И доктор Пеннебригг подготовил доказательства.

Люди притихли, хотя я все еще ощущала их страх и неуверенность.

Сэр Барнаби махнул на меня.

— Мисс Марлоу? Окажете нам честь, показав свою руку?

Все смотрели на меня. Мои руки дрожали, пока я закатывала рукав и открывала для них метку Певчей.

— Смотрите!

— Завиток!

— Ради Юпитера...

— Это может быть просто шрам...

Они не верили. Они встали со стульев и столпились вокруг, чтобы рассмотреть. Никто не касался меня, но их внимание и алчность заставляли чувствовать себя бабочкой, которую поймали для разглядывания.

Я повернула голову и посмотрела на знакомые лица. Пенебригга и сэра Барнаби в толпе не было видно, но я заметила в бреши Ната. Он стоял у шкафа с книгами в другом конце комнаты, хмурил темные брови. Хотя он держал все в себе, я не знала, мог ли он как-то настроить людей против меня.

— Может, вы все-таки вернетесь на места? — крикнул сэр Барнаби. — Это еще не все.

Заскрипели стулья, гудели голоса. Люди садились на места.

— Она может читать манускрипт? — крикнул кто-то.

— Пока что — нет, насколько я понял, — сказал сэр Барнаби.

Я видела, что глаза многих сузились.

— Если она не может его прочесть, что нам до ее метки? — сказал мужчина.

— Если это истинная метка, — добавил другой, — как ее проверяли?

— Терпение, друзья, — сказал сэр Барнаби. — Вам все расскажут. Доктор Пенебригг покажет им?

— С позволения мисс Марлоу.

При звуке вежливого голоса Пенебригга я ощутила себя увереннее. Хоть кто-то здесь верил мне и желал добра.

— Я готова, сэр, — сказала я, и он объяснил людям, что они увидят.

При упоминании о чтении разума, люди зашептались, но в этот раз без недоверия, а с тревогой и предвкушением. Когда я показала рубин и сняла его с шеи, они снова притихли.

Для меня комната тихой не была. Я опустила рубин на столик рядом с собой, ноты окружили меня, манящие и раздражающие. Я пыталась не слушать их, они отвлекали меня, и я было сложно вспомнить песнь лунного шиповника. К счастью, сэр Барнаби дал мне флакон с семенами. Я открыла его.

— Для демонстрации нужно два человека. Кто хочет поучаствовать? — спросил Пенебригг.

Половина подняла руки. Пенебригг выбрал бодрого денди, сидевшего в конце комнаты.

— Мистер Дипс, выйдете к нам? Остальные смогут поучаствовать позже.

Дипс тряхнул кружевными манжетами и вышел вперед.

— Хочешь прочитать мои мысли, мисс?

Он замолчал, словно ждал ответа, но я была слишком занята, напиваясь песней лунного шиповника.

— Она не очень разговорчива? — сказал Дипс шепотом одному из мужчин напротив себя. — Но она еще девочка. Не на это мы рассчитывали, да? Даже если она — Певчая.

Я просила себя не реагировать, Пенебригг объяснял Дипсу, что требовалось. Но их недоверие терзало меня, было сложно сосредоточиться на пении.

Не слушай их. Не слушай.

Но я осознала весь вес его презрения, только когда запела. Я отдалась музыке, и когда ноты запели во мне, я обхватила ладонь Дипса и вошла в его разум.

Читать его было сложнее, чем Ната или Пенебригга. Было ли это из-за того, что я знала его всего пару минут, или мысли Дипса были такими обрывочными? Его скепсис воевал с удовольствием быть в центре внимания, а еще присутствовали десяток личных мыслей.

Помня ярость Ната, я решила осторожно выбирать то, о чем говорю. Если я раскрою его секреты, то стану его врагом навеки. Вместо этого я описала подробно картинку, что он держал передо мной: инструмент для создания музыки с черными и белыми клавишами — он мысленно назвал его спинетом.

Закончив, я открыла глаза.

— Она была права? — спросил Пеннебригг у Дипса.

— Более-менее, — Дипс тряхнул кружевными рукавами. — Но разве она не могла просто догадаться? Все знают, что я недавно купил этот спинет. Может, Пеннебригг рассказывал ей...

— Нет.

— ...или кто-то другой. Но это ничего не доказывает. Даже если эта юная мисс увидела эту мысль в моей голове, толку я в этом не вижу. Вряд ли наши враги будут мило сидеть и думать о чем-то одном, чтобы она смогла прочесть их мысли.

Я пожалела, что не озвучила его личные мысли.

— Вы думали не только о спинете, мистер Дипс, — я заговорила ясным голосом, звенящим, как колокольчик. — Я могу озвучить остальное. У вас есть дневник. Вы записываете его шифром, и в нем вы описываете подробности...

— Эй! Откуда ты знаешь? — перебил меня Дипс. В комнате появился гул любопытства.

— А еще вас раздражает учитель танцев, потому что...

— Хватит!

Я ожидала злость Дипса, но, что странно, он казался потрясенным.

— Вы слышали? — сказал он коллегам. — Она прочитала мои мысли. На самом деле!

— Теперь будь осторожен, Дипс, — сказал один из мужчин. — Больше никаких проституток.

— Ах, но я встретил даму, что затмила остальных, — Дипс низко поклонился мне. — Ваш скромный слуга, Певчая.

После этого многие подались вперед. Половина хотела, чтобы я прочитала их мысли, другая половина хотела поговорить со мной. Радуюсь, что я произвела хорошее впечатление, я старалась осторожно рассказывать об их личных мыслях. Но мои самые смелые комментарии радовали их больше всего.

— Вы думаете о здании, которое не существует. Точнее, существует только в ваших мыслях, — сказала я мужчине с соломенными волосами, которого звали Кристофер Линнет. — Собор с куполом, который мог бы вместить весь Лондон. А вокруг него церкви, особняки, арки, и все вы придумали сами. Вам порой хочется, чтобы город сравняли с землей, чтобы вы смогли его отстроить.

— Это наш человек! — крикнул друг.

Господин Линнет покраснел.

— Должен признать, я бы отстроил его по-другому, если бы выдался шанс...

— Тебе нужен хороший пожар, — сказал кто-то другой.

Рассмеялись все, кроме Ната. Он сидел напряженно спиной к стене, источая каждой клеточкой недовольство.

Ему могло не нравиться, что я делаю, но я же выиграла внимание всех людей? И этого не случилось бы, если бы я отказалась озвучить их секреты.

Я посмотрела на сияющий рубин на своих коленях. Проблема Ната была в том, что он был слишком ранимым. Даже Пеннебригг назвал его колючим. И это по-доброму.

Я старалась не обращать на него внимания и повернулась к следующему человеку, желающему, чтобы я прочитала его мысли. Исаак Олдвилль. Я закрыла глаза и взяла его за руку.

— Красный. Я вижу все красное. Красная жидкость, красный свет, красные ковры. Если не ошибаюсь, красные портьеры в вашей спальне. Вы так сильно любите красный цвет, что я уверена... да, вы хотели бы мой красный рубин.

Они рассмеялись, и я осмелела и полезла глубже. Долго была лишь тьма, и я подумала, что потеряла связь с Олдвиллем. Но появился свет... и теперь у меня появилось жуткое ощущение, что я смотрела на рубин глазами Олдвилля.

— Вы не можете отвести от него взгляда. Он лежит на столе между нами, всего в футах от вас, ослепляет красотой и силой. Влечение такое сильное, что вы не обращаете внимания на смех людей.

А смех стал громче.

Картинка стала не такой четкой, ее словно подернул туман, порой она темнела, но я все же пробилаась.

— Но вы пытаетесь сделать вид, что я ошиблась, — продолжила я. — Вы можете посмотреть на что-то, кроме рубина. Вот, вы так и сделали. Теперь вы смотрите на своих друзей и коллег. Вы заметили, что лицо Дипса скривилось, а Линнет еще смеется. Но вы все еще думаете, как сделан этот рубин. Вы хотите провести с ним эксперименты...

— Хотелось бы.

Я открыла глаза. Олдвилль не был ни капли уязвлен.

— И все остальные хотели бы, — сказал он коллегам. — Мы еще никогда не сталкивались с таким феноменом, и мы еще многого не понимаем. Скажи, Певчая, ты можешь так читать мысли на расстоянии.

Я замерла и задумалась.

— Не знаю. Я пыталась в начале, но не сработало. Но после этого я тренировалась.

— Хочешь попробовать еще?

— Как пожелаете.

— Чьи мысли прочитаешь?

Я не знала никого в Лондоне, кроме людей в этой комнате.

— Выберите сами.

— Кого же выбрать? — Олдвилль встал и начал принимать предложения остальных.

— Жена.

— Мой сын.

Пауза, и кто-то сказал:

— Скаргрейв.

— Да, Скаргрейв!

Голосовать не было смысла, многие требовали Скаргрейва. Но Пенебригг был встревожен.

— Это опасно...

Успех придал мне уверенности, и я хотела снова показать себя. Что будет, если я прочитаю при них мысли Скаргрейва! Бой будет наполовину выигран.

— Я попробую, — сказала я.

Я закрыла глаза, приглушила мысли и снова спела песнь лунного шиповника, чтобы освежить ее. После тренировок получалось легко, но после этого я потерялась. В Лондоне

были тысячи душ. Как мне найти Скаргрейва среди них?

Я открыла глаза и признала поражение.

— Я не могу этого сделать.

Люди опечалились, особенно, Пенебригг, хотя он смог тепло сказать:

— Не страшно, милая. С твоей стороны попытка была смелой.

— Может, позже, когда ты отдохнешь, можно попытаться снова, — добавил Дипс.

— Или можно попробовать сейчас, — сказал Олдвилль, — используя магию сильнее.

Все посмотрели на него.

— Другой магии помогает вещь, принадлежащая кому-то, — сказал он. — Может, и в Певчих так? Прядь волос помогла бы. Но и другие вещи могут сработать.

Кристофер Линнет с насмешкой вскинул брови.

— И у кого-то здесь приберегся волосок Скаргрейва?

— Не прядь волос, — нетерпеливо сказал Олдвилль. — Кольцо. Лорд Скаргрейв дал его сэру Барнаби. Кольцо с печатью, что он сам носил.

— Было дело, — сказал сэр Барнаби. — Это был подарок на мой шестьдесят шестой день рождения.

Я вспомнила слова Пенебригга, что у сэра Барнаби были хорошие отношения с королем и лордом Скаргрейвом, и это помогало Невидимому колледжу.

— Думаете, это сработает? — сказал сэр Барнаби.

— Можно попробовать, — сказал Олдвилль.

— Но есть ли оно у меня? Это вопрос, — сэр Барнаби встал, поискал по полкам, замер у шкафа с диковинками и сувенирами. — А, вот оно, — он показал мне кольцо: толстую полоску золота, на которой был толстый плоский изумруд. Сэр Барнаби нажал на камень, и он открылся, открыв мерцающий портрет в половину дюйма. Там был изображен серьезный мальчик, чьи рыже-золотые волосы сияли, как солнце. — Очень похож на короля, да? Но портреты Купера всегда хороши.

— Я впервые его вижу, — призналась я.

— У него волосы Тюдоров, — сказал сэр Барнаби. — И руки, но тут их не видно. Кольцо принадлежало Скаргрейву, и тут его метка, — он указал на ворона, вырезанного на внутренней стороне.

Меня пронзил страх. Но это лишь кольцо. Не было причины так бояться.

Но не только у меня была такая реакция. Тишина повисла в комнате, и я вспомнила о том, как они рисковали, просто собираясь здесь.

— Попробуешь еще раз? — спросил Олдвилль.

Я не смогла ответить.

— Дайте ей минутку, — сказал Пенебригг, стоявший неподалеку. Он добавил мне. — Не торопись. Это может подождать.

Он ощутил мой страх? Не зная, что сказать, я подняла голову и увидела Ната, прислонившегося к одному из шкафов с книгами. Он смотрел на меня, что-то вспыхнуло в его глазах.

Он выражением лица говорил громче, чем словами: «Не делай этого».

Вспышка гнева затмила мой страх. Почему он решил, что может мне приказывать?

— Я готова, — я взяла кольцо с руки сэра Барнаби.

Не нужно было снова петь песню. Во мне было еще достаточно магии, и что-то уже происходило. Я тонула во тьме, в ушах что-то гудело, как музыка, ... а потом я оказалась в

разуме другого человека.

Но не того, кого хотела.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ ВСТРЕЧА СОЗНАНИЙ

Я сразу поняла, что что-то пошло не так, мысли передо мной не принадлежали тому, кто управлял королевством. Они были юными, печальными и растерянными:

«Он презирает меня. Точно.

Нет, конечно, нет. Как я мог так подумать? Он любит меня, как отец — сына. Он умер бы ради меня. Правда.

Но он относится ко мне, как к ребенку. Как к слабаку».

А потом с силой:

«Я — король, но мое слово ничего не значит...»

Я точно попала в сознание юного короля Генриха Девятого. Но как такое возможно? Портрет повлиял сильнее, чем владелец?

Вопросы вспыхивали в моей голове, но я не успевала удержать их. Я оказалась очень глубоко в голове короля, что видела и слышала все, что и он. И не было тумана, как с Олдвиллем. Практика сделала меня сильнее? Или король не сопротивлялся?

Генри стоял у позолоченного зеркала и с тревогой смотрел на свое отражение. Комната за ним была богато украшена позолотой, шелковыми занавесками, но Генри все затмевал. Он был старше и серьезнее мальчика на картинке в кольце. Его одежда была красивой, украшенной золотом, и волосы были ярко-рыжими, но лицо оставалось бледным и неуверенным.

Кто-то заговорил в углу комнаты.

— Ваше величество, мы принесли вам список арестов.

Я едва слышала слова, чарующий голос пронзил меня насквозь. Я слышала его, когда пряталась в библиотеке Скаргрейва.

Генри развернулся.

— Лорд-защитник?

Его глазами я все же увидела Скаргрейва: мужчину в полном расцвете, бодрого, выглядящего как человек, рожденный командовать. Его губы и широкие кости показывали его спокойную силу, что делала его важным человеком короля.

Но потом мой взгляд — взгляд Генри — привлекли глаза Скаргрейва. Глубоко посаженные, светло-серые, они пылали диким, едва сдерживаемым огнем. И я ощутила вспышку неуправляемого страха.

Моего или... Генри?

Обоих. Но у Генри страх был слабее. Он смотрел на своего защитника, и я ощущала его зависть, верность и поклонение герою, но еще и страдания, похожие на ливень.

Скаргрейв осторожно заговорил с королем:

— Я не хочу торопить вас, сэр. Если Ваше величество передумали получать отчеты и хотите лишь слушать от меня обобщенное содержание, то я с радостью... нет? Уверены? Семнадцать лет — еще юный возраст.

Отвращение Генри было таким быстрым, что я едва уловила его.

— Вполне уверен.

Скаргрейв кивнул долговязому мужчине в бархате.

— Хорошо. Лорд Виншип?

Виншип низко поклонился Генри.

— Если пожелаете, Ваше величество.

— Начинайте, — сказал Генри.

Зашуршав бумагами, Виншип принялся читать, а за ним выстроилась делегация.

— В этом документе список арестов, сделанных в октябре от имени короля. За оскорбительные слова в адрес короля и его советников — четыреста пятьдесят арестов. За послания с угрозами — сто двадцать восемь. За незаконные собрания — триста девяносто один. За подозрения в опасном сотрудничестве — сто двадцать. Все были переданы служащим, применялись обычные методы допроса.

Хотя Виншип рассказывал бодро, я чувствовала, как отвращение короля Генри становится все сильнее.

— Одни угрозы сломили треть узников, — продолжил лорд Виншип, — огнем добились признаний почти у всех остальных. А тех, кто не сдался, отдали тенеграмм, и результаты были отличными. Через пятнадцать минут тринадцать пленников во всем признались, но, конечно, это уже от них не требовалось, ведь тенегрымы добыли нужную информацию. Узников наказали согласно их преступлениям.

Мы с Генри ощущали одинаковый ужас.

А Виншип оставался бодрым.

— Из оставшихся пленников от тенеграмм погибли все, кроме двоих. Некоторые мгновенно, остальные — чуть позже, и королевство избавилось от опасных личностей. Важную информацию тенегрымы успели собрать до их гибели. Двое узников выжили и стали Вороновыми. Они присоединились к страже лорда-защитника, чтобы служить на благо нам, — лорд Виншип оторвал взгляд от записей. — Думаю, это все, Ваше величество.

— Как видите, мы со всем справляемся, — сказал лорд Скаргрейв. — Это был обычный месяц, только возросло количество попыток незаконных собраний. Мы работаем над этим, и скоро все будет под контролем.

Генри сжал кулаки.

«И все это под моим именем».

— Ваше величество? — вмешался Скаргрейв. — Вы в порядке?

Я ощущала отчаяние Генри. А потом слабую, но настоящую искру мятежа.

— У меня есть вопрос, — сказал он.

Самодовольство лорда Виншипа дрогнуло.

— Насчет моего отчета, Ваше величество?

— Да, — Генри все же зазвучал как король. — Все эти аресты были необходимы?

Виншип пролепетал в ответ:

— О, кхм, да... именно... Полагаю...

Скаргрейв недовольно нахмурился, но мягко сказал Генри, словно успокаивал его:

— Конечно, они были необходимы, Ваше величество. Вы ведь слышали, что мы получили признания.

Генри вскинул руку.

— Я хочу увидеть бумаги.

Скаргрейв склонился к нему.

— Нет необходимости...

Я ощущала, как колотится сердце Генри, но он настоял:

— Как ваш король, — сказал он Виншипу, — мы требуем увидеть бумаги.

С виноватым взглядом на Скаргрейва, Виншип отдал отчеты.

— Ваше величество, это неправильно, — Скаргрейв не скрывал гнева, но управлял им. — Как я и говорил, для всего есть свое время и место...

— Вот этот арест, — рука Генри дрожала, когда он указывал на строки, но голос его был ровным. — Тут говорится, что человек всего лишь пожаловался на цену хлеба. Но его арестовали за измену.

— Если позволите, Ваше величество, — Скаргрейв забрал у Генри бумаги. — Ах, да. Вспоминаю. Все так и началось, с жалобы на цену.

— Это не измена, — сказал Генри.

— Так начинается измена. Жалоба на цену — это жалоба на политику короля, значит, сомнение в самом короле.

— Но он говорил о хлебе.

— Он проявлял недовольство. Один шепот, и он разойдется, разгорится, как огонь. И, как огонь, этот шепот приведет к катастрофе. Он поглотит все вокруг, и шепот превратится в крик, и люди будут желать кровь короля.

— Но этот человек...

— Его задержали и допросили не без причины. Даже если это была жалоба на хлеб. Но может, вам интересно знать, что, когда его дом обыскали, то нашли у него подстрекательскую брошюру Локка и Гротюса насчет границ власти короля и права подданных восстать против короля. Под угрозой тенегримов он во всем признался, и его приговорили к десяти годам тяжелого труда на острове Мэн. Вы избавлены от него.

— Но...

— Вы бы предпочли, чтобы мы отпустили его? — лорд Скаргрейв раздражался. — Чтобы он читал брошюры и книги о правах людей, а потом встречал единомышленников и замыслил мятеж против правителей страны? Чтобы вас убили так же, как короля перед вами?

Генри смотрел прямо перед собой. Только я знала, как сильно ранили его эти слова, и как сильно сейчас он ненавидел лорда-защитника.

Похоже, Скаргрейв ощутил его настроение, потому что совладал с собой.

— Прошу прощения, Ваше величество, — он склонил голову, словно показывал покорность. — Я говорил слишком смело, прошу за это вашего прощения. Я не хотел навязывать вам свое мнение. Я поклялся, чтобы моя сила, моя власть и моя честь защищала вас до конца.

Я ощущала, как колеблется ненависть Генри, заменяясь сомнениями.

— Может, порой мои методы кажутся вам жестокими, — продолжил Скаргрейв, — но как еще мне вас защитить? И не только вас, но и все королевство? Надеюсь, когда-нибудь мы найдем новые способы управления людьми, но пока нам нельзя рисковать. Вы — последний в роду, Ваше величество, и если мы вас потеряем, нас ничто не уберезет от хаоса.

Генри впитывал каждое слово. Я внутри него ощутила, что и сама тронута честным голосом. Я ненавидела Скаргрейва и его поступки, но было невозможно отрицать факт, что он любил короля и страну. А я презирала то, что он сделал во имя этой любви.

— Не ошибитесь, — сказал Скаргрейв. — Я не горжусь тем, что задерживаю свой народ. Я бы не хотел так поступать. Но без короля, без наследника мы погрязнем в

гражданской войне, или на нас нападут чужаки. По сравнению с этим, тысяча арестов — пустяк.

Генри поднял голову и посмотрел в пылающие глаза Скаргрейва.

— Я делаю это, чтобы убереечь вас, — тихо сказал Скаргрейв.

— Нам повезло быть под вашей защитой, — прошептал Генри. Последняя искра его возмущения погасла.

Он смотрел в глаза Скаргрейва, а меня охватывал страх. Воздух сгущался, темнел по краям, и словно множество крыльев...

Вдруг я поняла, что нужно выбираться отсюда.

Я с усилием подавила музыку в себе и вытасила себя оттуда, из разума короля, его комнаты, подальше от тех пылающих глаз...

Я моргнула, кольцо блестело на моей ладони.

— Мисс Марлоу? — сэр Барнаби склонился ко мне. — Вы в порядке?

— Да, — у меня все еще кружилась голова, но я вернула рубин на шею. — Да. Но почему я дотянулась до короля, а не до Скаргрейва?

— До короля? — опешил сэр Барнаби. — Мисс Марлоу, вы должны все нам рассказать.

— Я не говорила? — я должна была, но, наверное, зашла слишком глубоко.

— Вы говорили в начале, и мы не смогли разобрать слова, — сказал сэр Барнаби. — Никто не посмел побеспокоить вас, ведь вы были не здесь.

Я рассказала им все, что вспомнила, о том, как побывала в разуме короля.

Когда я закончила, Олдвилль поднял руку:

— Можно посмотреть кольцо?

Я передала ему кольцо, он поиграл с открывающейся частью.

— Нат, погляди. Что-то странное с механизмом.

Пока Нат рассматривал кольцо, Пенебригг шепнул мне на ухо:

— Милая! Вот это поворот!

— Но человек был не тот, — тихо ответила я.

— Не важно.

Пенебригг не успел сказать что-то еще, Нат поднял кольцо.

— Вот и ответ, — портрет отцепился, и внутри оказалась прядь рыже-золотых волос.

Кристофер Линнет присвистнул.

— Волосы короля Генриха.

Сэр Барнаби посмотрел на кольцо с потрясением.

— Я не знал, что там такое есть.

— Что же, — мрачно сказал Олдвилль, — теперь мы знаем, что пошло не так. Редкие предметы сильнее, чем волосы.

— Ах! Но посмотрите на плюсы, — вмешался Самюэль Дипс. — Певчая не дотянулась до Скаргрейва, но она точно смогла прочесть мысли короля. Я никогда о таком не слышал, — он поклонился мне, вытянув ногу, обтянутую шелком. — Певчая, я выражаю вам свой восторг и почтение. Вы неоценимо помогли нашему делу.

Гул прошелся по комнате, а Пенебригг просиял и похлопал меня по руке.

— Молодец, отлично сработано, — прошептал он.

— То, что я узнала от короля, было важно? — спросила я.

— Да, — сказал сэр Барнаби. — Мы давно подозревали, что сердце короля на нашей стороне, что он против тенегримов. Но только теперь мы в этом уверены. И это радует. Это

значит, что если мы сможем избавиться от Скаргрейва и его воронов, королевство будет в хороших руках.

Олдвилль кивнул мне.

— И не только это. Мы знаем теперь, что ты можешь читать мысли на расстоянии. Это значит, что у нас больше шансов одолеть Скаргрейва, — он обратился к товарищам. — Нам нужно достать вещь Скаргрейва как можно скорее.

— Но как? — растерялся Дипс.

— Я буду на ужине с ним на этой неделе, — задумчиво сказал сэр Барнаби. — Но я вряд ли смогу украсть прядь его волос, так ведь? Я вызову подозрения.

— Не прядь, — кивнул Олдвилль. — Но хоть волосок? Один отыщется на его плаще или шляпе?

— Я попробую, — с сомнением сказал сэр Барнаби.

— Но не рискуйте, — сказал Кристофер Линнет. — Если вас раскроют, нам конец.

Из тревожного шепота я поняла, что многие согласны. Не слушая их, Олдвилль посмотрел задумчиво на меня.

— Скажите, мисс Марлоу, могли бы вы подготовиться к эксперименту на нашей следующей встрече или раньше, если потребуется?

Что-то в его взгляде вызывало у меня желание сбежать. Но я не хотела, чтобы он это понял.

— Конечно, сэр.

Зазвенели часы.

— Ох! — воскликнул сэр Барнаби. — Уже так поздно? Нам нужно уходить, иначе некоторым придется идти домой в темноте, — он махнул рукой. — Вы знаете, что делать.

Они знали, потому что уже собирали вещи и делились на группы.

— Мы уходим по очереди, чтобы не привлекать внимания, — сказал мне Пенебригг. — Но не бойся. Мы будем уходить в числе первых.

Я поправила платье, скрывая рубин, и увидела, что Нат идет к нам, мрачный, словно с похорон. Поймав мой взгляд, он замер, а потом отпрянул.

Остальные в комнате изменили отношение ко мне, но не он.

— Возвращайтесь в укрытия, — сэр Барнаби взывал к нашей готовности. — Еще многое нужно сделать, еще много опасностей впереди. Но сегодня мы видели чудеса, а с мисс Марлоу на нашей стороне мы точно увидим еще и не такое.

Пенебригг с гордостью улыбнулся мне. Но Нат выглядел еще мрачнее, чем раньше.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ ЗАЙТИ СЛИШКОМ ДАЛЕКО

На обратном пути мы присоединились к взволнованной толпе, спешащей добраться домой до заката. Хотя никто не останавливался, чтобы посмотреть на нас, я была насторожена, когда мы приблизились к переулку, где я видела ту женщину. В этот раз там никого не было, но пока мы проходили, мне упорно казалось, что за мной следят.

Ощущение быстро угасло, и мы добрались до дома Пенебригга. Нат задвинул засов, и я выдохнула и сняла плащ. Радость прошла, и теперь мне было холодно, я устала и была подавлена.

Пенебригг сразу предложил еду:

— Нам нужно перекусить. Нат, идем на кухню, поможешь мне приготовить, — он кивнул мне. — Отдыхай наверху, милая. Мы позовем тебя, когда все будет готово.

Я с радостью склонилась, чтобы повесить плащ, и чуть не столкнулась с Натом. Он отпрянул так резко, что мое лицо вспыхнуло.

Он вел себя, будто я была прокаженной, но я слишком устала, чтобы ругаться. Вместо этого я пошла по лестнице прочь от него. Каждая ступенька требовала усилий, но я не пошла в спальню, зная, что кровать принадлежала Нату. Я забралась выше, на чердак.

В длинной комнате было еще светло, даже в поздний час, но в западном окне я видела, как солнце скрывается за крышами, озаряя город растаявшим сиянием.

Сколько еще до сумерек? Полчаса? Меньше? На острове я бы знала точно, но не здесь. Побоявшись темноты, я чуть не ушла ниже, к свету и компании, где чувствовала себя смелее. Но я не хотела выглядеть трусливо в глазах Ната.

И я заставила себя остаться здесь. Если тенеграм снова сядет на крышу, я узнаю. Но вороны не знали, что я здесь, они не могли коснуться меня. Они еще даже не проснулись. Пока что я была в безопасности.

Но я все равно закрыла окна чердака и дымоход. Ставни закрывались просто, и шторы легко задвинули их. Я остановилась, чтобы зажечь свечу от остатков огня, чтобы не остаться во мраке.

Как только я закрылась от ночи, мне стало спокойнее. Опустив свечу, я ощутила тоску по дому. Неужели еще вчера мы с Норри были на острове? Казалось, прошел год.

О, Норри, где же ты?

Хотя сэр Барнаби уверял, что Невидимый колледж старается ее найти, я знала, что результата могло и не быть. А сама я никак не могла ее отыскать...

Или могла? Я с волнением подумала о песне лунного шиповника. Если я дотянулась до короля, может, смогу так достать и до Норри. Но у меня не было вещей Норри. Ни волос, ни предметов.

Могла ли я дотянуться до нее, потому что хорошо знала?

Вряд ли, но я должна была попробовать.

Я медленно сняла рубин и положила на стол рядом с собой. Комната замерцала нотами. Я прислушалась и уловила семена лунного шиповника, которые Пенебригг запер и спрятал. Но теперь я хорошо знала их песню, но, чтобы спеть правильно, я прижалась ухом к сундуку. Их песня была тихой, но сильной. Я спела ее и попыталась отыскать Норри.

Бессмысленно. Норри бела недосягаема.

Стараясь не думать о причине, я вернула рубин и принялась искать источники света.

Со свечой я искала лампу. Заметив одну на столе Ната, я поднесла свечу и ждала, пока фитиль загорится. Теплый свет озарил обложку цвета мха, обложку книги на столе Ната.

Книга Скаргрейва.

Я уставилась на нее. Да, она точно принадлежала Скаргрейву. Там был такой же знак на корешке, как и на кольце: ворон с вытянутыми когтями.

Конечно, одной картинке было мало для связи со Скаргрейвом. Это я поняла по кольцу. Но я помнила слова на встрече, и я задумалась, нет ли внутри какой-то записи или даже волоска, как говорил Олдвилль. Это могло помочь.

Я оглянулась на книгу и поежилась.

Не глупи. Книга тебя не ранит. Как и прядь волос. Это лишь предметы. Их нужно использовать, когда я буду готова.

Я схватила книгу.

Вот. Не так и страшно, да?

Моя уверенность росла, я ощутила любопытство, тягу к приключениям. Может, стоило подождать Ната и Пеннебригга, но я хотела проверить сама, без сверлящего взгляда Ната. Я поняла, что страхи нужно встречать прямо, чтобы понять, хватит ли сил справиться с ними. Так почему не проверить этот? Почему не поискать Скаргрейва самой?

Пока смелость меня не покинула, я сняла рубин и открыла книгу. На первой странице был знак владельца: подпись сильной размашистой рукой. *Люциан Ричард Артур Рейвендон*. Я прижала к надписи пальцы.

Без предупреждения меня окутала тьма, густая и удушающая. Мне становилось все холоднее. А потом тьма поднялась...

Книга. Я смотрела на книгу.

Не на ту, что до этого, а на книгу, что была старше, бежевая обложка была в пятнах и трещинах, напоминала человеческую ладонь. Множество серебряных цепей приковывало ее к каменной стене.

Гримуар. Я смотрела на гримуар глазами Скаргрейва. Меня охватила радость, смешанная с предвкушением Скаргрейва.

Что он предвкушал? Я попыталась найти, но детали не давались. Я словно стояла у защищенной комнаты, и у меня не было пароля, чтобы войти. Я только видела его глазами книгу, цепи и стену, и ощущала предвкушение, а теперь жуткое чувство, что за мной следят...

— Кто здесь?

Скаргрейв произнес эти слова. Но они словно исходили из моих легких.

Мне стало страшно. До этого важная часть меня всегда была отделена от чтения разума. Как бы сильно я ни ощущала другого человека, я понимала, что это не мои чувства. Но в этот раз было иначе. Я была заперта в части разума Скаргрейва и падала все глубже в него.

— Кто здесь? — в этот раз он прошептал.

Страх, что за мной следят, что меня найдут, словно принадлежал мне. И частичка меня, что все же была отдельно, понимала, что происходит. Скаргрейв не ощущал присутствие обычного нарушителя. Знал он или нет, но он ощущал меня.

Я приглушила свой страх и попыталась стать незаметной, бесплотной. Его горло расслабилось, пульс успокоился, и я ощущала это, как свое тело.

Но, прячась от него, я упустила нечто важное. Границы между нами пропали.

Рука замерла над книгой с серебряными буквами. Его рука? Моя рука? Была ли разница?

Частичка меня говорила, что да. Должна быть. Но остальная часть потерялась в ощущениях, в предвкушении, в тишине комнаты, в холоде, когда рука приблизилась к книге...

Рука и книга встретились. Вспышка, похожая на жар тысячи солнц, и тишину пронзил звук: карканье и какофония криков.

Вороны отвечали своему хозяину.

Нет! Я не хотела знать, не хотела слышать...

Потрясение вернуло меня в чувство, но я зашла слишком далеко. Я не могла вырваться. Вопящие тенегримы кружили, мое тело горело, и огненная тьма накрыла меня.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ ТЬМА

Эта тьма была подобна смерти, бархат был жарким, удушал, не давал издать ни звука, не давал понять время. В глубинах тишины я ощущала, как ко мне подступаются тенегримы.

А потом из тьмы донеслась одна понятная фраза:

— Три дня прошло, а она не отвечает.

Голос был решительным, юным и сильным. После бесконечных минут я вспомнила имя.

Нат. Вороны схватили и его?

Я пыталась открыть глаза.

— Видели? — снова Нат, но теперь с волнением в голосе. — Она моргнула. Точно.

— Так и было, — Пенебригг.

— Это хороший знак.

— Надеюсь, Нат. Признаюсь, такой лихорадки я еще не видел, — Пенебригг стал ближе. — Никто из нас.

Мои веки были тяжелыми, как камни, но я все же подняла их. Но, когда я попыталась что-то рассмотреть, я словно глядела сквозь расплавившееся стекло. Я видела, как солнце проникает в спальню Ната, а Нат и Пенебригг склонились надо мной.

— Смотрите! Она приходит в себя.

— Слава богу, — вздохнул Пенебригг. — Милая, ты можешь говорить?

Я пыталась издать хоть какой-то звук, но лишь дрожала и горела.

— Я принесу еще одеяло, — сказал Нат.

Когда он вернулся, я смогла, хоть и с трудом, прошептать благодарность.

— Она заговорила, — я еще никогда не слышала его таким радостным.

— Точно, — Пенебригг похлопал меня по руке. — Вот так, милая. Молодец.

Я пыталась снова заговорить. Я хотела рассказать о книге, предупредить...

— Что? — Пенебригг слушал мое бормотание и покачал головой. — Не могу разобрать.

А ты, Нат?

— Нет, — одно слово, но я ощутила силу его разочарования.

— Отдыхай, — сказал мне Пенебригг. — Отдыхай, и мы попробуем снова.

Я не хотела слушаться, но глаза слипались. Жаркая тьма нахлынула на меня снова. Но в этот раз в тишине дул прохладный ветерок. Вороны по одному улетали отсюда.

† † †

Я проснулась одна. Но впервые, после того как меня охватила тьма, мне было холодно.

От жара осталась боль в шее и покалывание в руках и ногах.

Я села и коснулась рубина на нее. Кто надел его? Пенебригг, ведь Нат вряд ли сделал бы это. Или я сама схватила его, чтобы попытаться спастись? А кто снял серое платье и юбки, оставив меня в нижнем платье? Тоже Пенебригг? Я пыталась вспомнить, но от этого только сильнее болела шея. И вместо этого я огляделась.

Судя по угасающему свету, близился вечер. Скоро нужно будет закрыть окно. Я не знала, можно ли доверять покалывающим ногам, так что ждала кого-то. Но тревога одолевала меня, и я выбралась из кровати, чтобы закрыть окно. Я не хотела снова открываться тенегримам.

Окно было в нескольких футах от кровати, но даже так меня подвели ноги. Я споткнулась, нижнее платье зацепилось за столбик кровати и порвалось. Выглядела я теперь

просто чудесно.

Я поднялась и выглянула в окно. И застыла. В дворике фигура в черном проникла в сарай Аристотеля.

Женщина? Или мужчина в длинном одеянии? Дверь закрылась слишком быстро, чтобы я разглядела.

Нужно предупредить Ната и Пенебригга.

Я закрыла ставни и натянула серое платье, обнаружив его у изножья кровати. Затянув корсет, я поспешила к лестнице. Внизу слышалось звяканье тарелок. Значит, они были на кухне.

Я пошла вниз, но ноги двигались неуклюже. Я споткнулась и чуть не пролетела остальные ступеньки. Я впилась в поручень, лихорадочный жар окутал меня, затмевая разум и заставляя забыть о задании. Мгновения в голове Скаргрейва нахлынули на меня, я услышала шорох крыльев воронов.

А потом новый звук: голос Пенебригга.

— Ты правильно сделал, что выбил ту книгу, Нат. Может, это и вернуло ее к нам.

— Кто знает? Может, я только сделал хуже, — неуверенно сказал Нат. — В этом и проблема магии. Никогда не знаешь точно.

— Да, — с вздохом согласился Пенебригг. — Не знаешь.

— Я знал, что ее чтение разума до добра не доведет, — сказал Нат. — Но я думал, что пострадают остальные. Я не думал, что и она пострадает, — пауза. — Еще и так сильно.

— Это лишь временное поражение, Нат, — к моему удивлению, заговорил сэр Барнаби. — Ты сказал, что она просыпалась, пыталась даже заговорить. Это хорошие новости. Понадеемся, что она скоро выздоровеет и снова споет для нас.

Его слова прогнали туман в моей голове.

Я не буду петь. Это вернет ту тьму. И я потеряю себя.

Я поднял себя, решив сказать им это. А потом вдруг вспомнила о женщине в сарае.

Я побежала по ступенькам как можно быстрее и ворвалась в комнату.

— Люси! — воскликнул Пенебригг. — Тебе не стоило покидать постель.

Я прижалась к стене.

— Кто-то в сарае Аристотеля.

Нат тут же убежал.

— Я за тобой, — крикнул ему Пенебригг. — Сэр Барнаби, посторожите заднюю дверь? — а мне он сказал. — Прячься, милая. В шкафу там есть скрытая дверца, что ведет в подвал. Если нужно, там есть выход наружу.

Я все еще пыталась понять, как работает механизм в шкафу, когда услышала, как открылась задняя дверь. Я пригнулась, и дверь закрылась с хлопком.

— Видите? — голос Ната был тихим и тревожным. — На ее руке метка Певчей!

Еще одна Певчая? Здесь?

Я выглянула. Пенебригг стоял ко мне спиной, в его руке была палка. Нат удерживал нарушителя. Я узнала серебряные волосы и белое лицо женщины из переулка. И я узнала метку на ее руке, белый завиток, как и у меня.

Она вырывалась, длинные бусы при этом позвякивали. Нат с удивлением отдернул руку.

— Она меня укусила!

Пенебригг заговорил громогласным тоном, таким я его еще не видела.

— Кто вы, мадам? И что вы делали в нашем дворе?

В свете свечи глаза женщины пылали злостью. Но она не говорила.

Сэр Барнаби вышел к свету. Я была удивлена, что и он был с пленником, и этот был в плаще с капюшоном.

— Может, она расскажет больше.

— Снимите капюшон, — приказал Пенебригг.

Дрожащая рука сдвинула капюшон.

Я вскрикнула.

Это была Норри.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ ВОССОЕДИНЕНИЕ

— Ты хоть понимаешь, как я переживала? — Норри прижала меня к себе. — Мне чуть не стало от этого плохо.

Я лишь с облегчением выдохнула. Норри была невредимой. Она была здесь. Моя песня ее не убила.

— Как только я услышала твое пение, мое сердце стало водой, — сказала Норри. — Я не знала, что делать. Что бы сказала твоя мама...

— Почему ты не отдала ее письмо? — я старалась говорить без укора, но слова вылетели сами. — Почему не сказала, что она была Певчей?

— Сказала? — Норри отпрянула. — О, дитя, я не могла!

— Но если бы я знала...

— Твоя мама сказала оберегать тебя. И не давать тебе петь, пока ты не будешь взрослой.

— Пока не исполнится двадцать один?

Норри замешкалась.

— Нет. Певчие обретают силы в пятнадцать.

— Мне и есть пятнадцать.

— Да, дитя. Да, — глаза Норри блестели, впервые после ее прибытия я увидела усталость на ее лице. — Я хотела рассказать в твой день рождения. Но как я могла отправить тебя в мир, что убил твою маму? Убил, ведь она не вернулась. И я была права, — ее губы дрожали. — Бедняжка. Она этого не заслужила.

Я не могла думать об этом.

— Но что с тобой случилось? Ты в порядке?

— Вполне, дитя. Я упала в поле у дома лорда Скаргрейва в Илинге. В этом поле сжигали ведьм, как мне сказали, — с благодарностью Норри посмотрела на пленницу Ната, которую отпустили, но Нат выглядел так, словно мог схватить ее снова, если получит повод. — Повезло, что меня нашла твоя крестная, а потом я нашла тебя.

Я моргнула.

— Моя... крестная?

— Леди Илейн Оделин, — сказала Норри, присев в реверансе. — Величайшая Певчая своего поколения.

Ужасно худая леди Илейн стояла прямо, как королева, ее сияющие глаза смотрели на меня.

— Значит, ты — Люси, — она склонила голову. — Ты очень похожа на маму.

Может, она была Певчей, но в ее голосе не было музыки, он был хриплым, как ржавая

цепь.

Я смущенно сказала:

— Я... вас не помню.

— Нет? — леди Илейн не расстроилась. — У нас будет время познакомиться ближе, ведь ты выросла, — она властно махнула на Ната, Пеннебригга и сэра Барнаби, что стояли за ней. — Но сперва скажи, кто эти люди? Они тебя обижали?

Нат сжал кулаки.

— Как вы смеете обвинять нас...

— Миледи, — сказал тут же Пеннебригг, — мы бы не стали обижать Люси...

Голос леди Илейн прозвучал резко и заглушил их.

— Дайте крестнице ответить самой!

— Они говорят правду, — сказала я, боясь ее бесцеремонности. — Они хорошо обходились со мной.

— Уверена? Если они тебе навредили, они за это ответят, — леди Илейн выглядела опасно.

— Они приютили меня и оберегали, — четко сказала я.

— Хорошо, — леди Илейн махнула на мужчин, словно прогоняла их. — Можете нас оставить.

— Оставить? — я уставилась на нее. — Зачем им уходить?

Нат потянулся за ножом.

— Мы никуда не уйдем.

— Миледи, мы не можем оставить нас одних, — сказал Пеннебригг, — ведь мы ничего о вас толком не знаем...

— Я — крестная Люси, — перебила леди Илейн. — Норри это подтвердила.

Норри приблизилась ко мне.

— Так и есть.

— Вот, — сказала леди Илейн. — Что еще вам нужно знать?

— Многое, — с пылом сказал Нат. — Все знают, что Скаргрейв убил всех Певчих. Если вы та, за кого себя выдаете, как вы сбежали от него? И как давно вы на свободе? И почему не использовали магию, чтобы уничтожить тенегримов?

Я встревожено смотрела на леди Илейн, желая, чтобы вопросы задала я. Да, Норри поручилась за нее. Но Норри ведь сама только прибыла. А если леди Илейн ее обманула?

— Магию? — повторила леди Илейн. Она перевела взгляд с Ната на меня, на миг она показалась безумной.

Я отпрянула, а она с диким взглядом схватила меня за руку.

— Не бросай меня, крестница! Если бы ты только знала, как я хотела тебя найти...

Я отошла от нее, Нат встал между нами с ножом в руке. За леди Илейн Норри тихонько застонала.

Но леди Илейн смотрела только на меня.

— Хочешь знать о моей магии? Она пропала, — ее хриплый голос оборвался, и она продолжила шепотом. — Тенегримы поглотили ее полностью.

† † †

— Я уже говорила, но повторю, что тебе нужно отдохнуть, — сказала леди Илейн с большей выдержкой, чем до этого. Она оставалась едкой, но уже не выглядела безумной.

Мы собрались на чердаке с едой и напитками. Сэр Барнаби, Пеннебригг и Нат настояли

пойти с нами, и я была этому рада. Леди Илейн могла быть мне крестной, но она была чужой для меня, мне нужны были союзники сильнее, чем Норри, которая пока дремала рядом со мной. Она обычно рано засыпала, так что в этой тусклой и тихой комнате она едва могла держаться.

Я же спать не хотела. Мне было холодно, требовалось одеяло, и я надеялась, что это знак, что лихорадка тенегримов отступает. Я склонилась над тарелкой с крошками, где до этого была жареная рыба и сыр, я сделала глоток чая с мятой. Я хотела, но и боялась слышать историю леди Илейн. Если великая Певчая не смогла одолеть Скаргрейва, то что я могу?

— Начну, конечно, со свой глупой кузины Агнес, — сказала с отвращением леди Илейн. — Дурочкой она была и до старости. Это она спела лорду Скаргрейву, не подумав о том, какую беду навлечет на всех нас, — она кивнула мне. — Но твоя мать узнала и пришла предупредить меня.

— Откуда она знала? — спросила я.

— Она не говорила, но, если кто и знал правду об Агнес, то это твоя мама. Агнес обожала ее, и твоя мама звала ее «тетя Розы». Ее фамилия была Розер.

Тетя Розы. От звука имени я ощутила прикосновение к щеке, увидела морщинистое лицо, глядящее на меня. Тетя Розы. Сколько мне было, когда мы посетили ее? Шесть? Семь?

— Ты так похожа на маму, — радостно сказала она.

Тетя Розы. Кузина Агнес. Женщина, которая из лучших побуждений навлекла ужас на все королевство.

Пронзительно посмотрев на меня, леди Илейн продолжила историю.

— Мы с твоей мамой отправились в Лондон, чтобы попытаться исправить ущерб, что причинила Агнес, и мы проникли в Тауэр, где хранился гримуар. Но мы не успели забрать его, лорд Скаргрейв обнаружил нас и приказал своим птицам напасть.

— Всем? — с подозрением спросил Нат. — Так он не действует.

— Но случай не был обычным, — голос леди Илейн стал еще более хриплым. — Тенегримы были недавно созданы, Скаргрейв почти ничего о них не знал. И он спустил на нас не пару птиц, а всю стаю.

Она повернулась ко мне.

— Твоя мама умерла почти мгновенно, — она замолчала, словно подбирала слова. — Не думаю, что она страдала. Миг агонии, и от нее осталась лишь горстка пепла.

Я смотрела на тусклый огонь, свечение углей и серый пепел на решетке. Мне было плохо.

— А вы? — спросил у леди Илейн сэр Барнаби.

— Я боролась, — сказала она с мрачным торжеством. — Тенегримы забирали мою магию так быстро, что я не могла победить их, но в последний миг я успела спеть песню побега, оставив горстку пепла, чтобы все подумали, что я тоже умерла. Но это была моя последняя магия.

— Но вы выдержали атаку воронов, — сказал Пеннебригг. — Мы думали, что Певчей это не по силам.

— Большинству — да. Но я была самой сильной в своем поколении, самой обученной, — она говорила с ледяной гордостью. — Ни у кого не было таких навыков и такого обучения.

— Если вы потеряли магию, — спросила я, — как вы нашли меня?

— По запаху, — леди Илейн кивнула на посапывающую Норри. — Ее я нашла так же. Я была уверена, что ослышалась.

— Вы нашли нас по запаху?

— Да, — сказала леди Илейн. — Я уже не могу сама применять магию, но я долго жила с этим, и могу чувствовать чары, особенно, когда их применял мой вид. Четыре вечера назад я ощутила свежий запах с востока. Раньше один запах мог рассказать мне больше о тебе и твоей магии, но это я потеряла, и я лишь могу понять, что это Певчая. Этого хватило. Я пошла на запах, он привел меня к Норри. А на следующий день я уловила запах в этой части Лондона. Я дошла до этого дома и с тех пор следила за тобой.

— Но зачем?.. — начал Нат.

— Достаточно, — глаза леди Илейн вспыхнули. — Я ответила на много вопросов. Моя очередь задавать их, — она пронзила меня взглядом. — Крестница, Норри сказала мне, что ты сняла камень в Канун Всех святых. Он с тобой?

Я вытащила рубин в ответ.

Даже леди Илейн была потрясена. Она склонилась, чтобы разглядеть его, а потом попросила медленно покрутить его, словно она была ювелиром.

— О, какой хороший, — прошептала она. — Очень хороший камень.

— Я его почти не снимаю, — сказала я. — Кроме чтения мыслей, но...

— Что? — руки леди Илейн напряглись. — Что за магию ты применяла, крестница?

Я рассказала ей.

— Ты вошла в разум лорда Скаргрейва магией лунного шиповника? Без защиты? — она с ледяной яростью повернулась к сэру Барнаби, Пенебриггу и Нату. — Вы ее заставили?

— Никто не заставлял, — сказала я. — Это я хотела попробовать.

Объяснение лишь сильнее разозлило леди Илейн.

— Все вы ужасно беспечны! Конечно, я ощутила магию в воздухе. Странно, что ее не учуяло все королевство.

Я коснулась рубина.

Леди Илейн взглянула на меня.

— Никогда больше не снимай камень.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

КАМНИ

Моя ладонь застыла на камне.

— Никогда не снимать? Почему?

— Потому что камень тебя защищает, — сказала леди Илейн, в голосе слышалась сдержанная злость. — Камень есть у каждой Певчей. Его создают ее мама и крестная, он защищает ее от Дикой магии, которой много в мире.

— Дикая магия? — спросила я.

— Что это? — настороженно спросил Нат. Пенебригг и сэр Барнаби выглядели растерянно за ним.

— Вы ничего не знаете? — возмутилась леди Илейн. — Дикая магия всюду. Во всем — семенах, камнях, ветре, дожде, даже в самой земле — есть своя музыка, своя песня. В древние времена мы, Певчие, слушали это пение и создавали так свои песни.

— Тогда что в этом плохого? — спросила я.

— Не все в этом мире желает нам добра, — мрачно сказала леди Илейн. — Многое

желает нам зло. Кровь Певчих слабеет, нам стало проще обманываться ими, следовать их песням к своему разрушению и смерти. Потому наши предшественницы создали камни. Они подавляют песни Дикой магии и отгоняют их от нас...

— Как это работает? — с интересом перебил сэр Барнаби. — Она ведь не носит камень на ушах, да?

— Конечно, нет, — в голосе леди Илейн было презрение, словно она объясняла очевидное дуракам. — Сердце слышит Дикую магию. И потому сердце нужно защищать от песен, что могут нам навредить. Пока Певчая держит камень у сердца, она будет в порядке.

— Кхм... ясно, — неуверенно кивнул сэр Барнаби.

Нат и Пенебригг выглядели так, словно хотели задать еще вопросы, но первой заговорила я.

— Я слышала пение и до того, как сняла камень. В саду на острове. Как это?

— Порой такое бывает, — признала леди Илейн. — Особенно, когда Певчая юна, сильна и очень уязвима, как ты. Когда Дикая магия очень сильна, например, в Канун Всех святых, она может использовать твои желания против тебя.

— Не понимаю, — сказала я.

— О чем ты думала в день, когда услышала ту музыку? — глаза леди Илейн мерцали. — Хотела оказаться дома? Или желала приключений? Волнений?

Откуда она знала? Я отвела взгляд, мне не нравилось, что меня легко читали.

— И Дикая магия тебя услышала, — тихо сказала леди Илейн. — Услышала и позвала домой, а потом подвергла самой большой опасности. Так Дикая магия и делает. Потому ты должна носить камень. Если Дикая магия достигнет тебя так — только очень сильная магия — то она все равно не сможет причинить вред. Но, если ты снимешь камень ипустишь магию в сердце, она может тебя ранить.

— Интересно, — пробормотал сэр Барнаби.

Леди Илейн пронзила его злым взглядом.

— Вы не поняли, сэр. Певчая, снявшая камень и открывшая сердце Дикой магии, вскоре окажется в ловушке, ее предадут или еще хуже. Люси уже свой урок выучила.

Все смотрели на меня.

— Первая ошибка была твоей и только твоей, — сказала мне леди Илейн. — Она возникла из-за неведения, но менее серьезной от этого не стала. Ты услышала ветер в Канун Всех святых, и ветер пел так сладко, обещал так много. И ты видишь, к чему все это привело. Ты улетела из безопасного места и потеряла Норри.

Я не могла ничем оправдать себя. Леди Илейн была права, я все испортила.

— Но, будто этого было мало, эти люди вовлекли тебя в еще более ужасные ошибки. Они не могли быть так же слепы, как ты, к опасностям, — она пронзила их ледяным взглядом. — Джентльмены, чем вы думали? Слушать ветер глупо, но слушать семена лунного шиповника, еды тенегримов — кошмарно!

Пенебригг и сэр Барнаби виновато переглянулись. Нат смотрел на свои ладони.

Лицо леди Илейн было мертвенно-бледным в темной комнате, ее хрипящий голос все равно казался мелодичным.

— Певчая, исполняющая песню лунного шиповника, может зайти так глубоко в чужой разум, что не найдет путь обратно. Ее сердце будет биться в такт с чужим, она забудет о своем существовании. Опаснее, если другой человек обладает силой и решит навредить ей. Тогда Певчая может погибнуть. Даже если она выживет, отпечаток чужого разума останется

на ней, сделает ее восприимчивой к его влиянию. Вот это, — она вскинула руки в беспомощном гневе, — вы сотворили с моей крестницей.

Я побелела, вспомнив последние мгновения в голове лорда Скаргрейва, каркали вороны.

— Это не все, — сказала леди Илейн. — Тенегримы могут учуять действие Дикой магии, из всех песен их сильнее всего притягивает песнь лунного шиповника. Подстрекая Люси, вы открывали ее и себя их ужасам.

— Тенегримы знают, где мы? — выдохнул Пенебригг.

— Если бы они знали, вы бы уже были в Вороньей яме, — сказала леди Илейн. — По словам Люси, она пела только днем, когда тенегримы спали, кроме раза, когда она в сумерках вошла в сознание Скаргрейва, и вороны проснулись. Пока они вылетели, запах Дикой магии рассеялся, следы сдул ветер, — она добавила, — но не далеко. Не заметили, что тенегримы этим вечером кружат над городом? Что-то их беспокоит. Может, дело в этом.

— Мы смотрели только на Люси, — заявил Нат. Пенебригг кивнул. Они были потрясены, как и сэр Барнаби. Кружащие тенегримы пугали их так же, как и меня?

— Мы уже проиграли? — спросила я. — Надежды победить нет?

Встав перед угольками, леди Илейн выглядела утомленнее, чем раньше.

— Нет, не проиграли. Пока что. Я могу обучить тебя безопасному пению. Пению с камнем.

Безопасному способу? Который не приведет меня в разум Скаргрейва? Я посмотрела на леди Илейн с надеждой.

— Расскажите больше, — сказал Пенебригг, очки вспыхивали на его лице.

— Это тайные знания, они передаются только Певчим, — отмахнулась леди Илейн. — Вам нужно лишь знать, что на это уйдет время. Может, много времени.

Она посмотрела на меня.

— Мы должны найти безопасное место. Вдали от Лондона, Скаргрейва и воронов...

Сэр Барнаби, Пенебригг и Нат переглянулись.

Леди Илейн сорвалась:

— В чем дело?

— Плохие новости, — сказал Пенебригг. — Сэр Барнаби пришел сказать нам о новых мерах, что Скаргрейв объявил сегодня насчет Певчих. Что-то его насторожило...

— Чтение разума! — сказала леди Илейн.

— Возможно, — признал Пенебригг. — Но он приказал, что каждого, выходящего из города, должны проверять на метку Певчей.

Страх поднимался во мне, удушая.

— И никаких исключений, какими бы ни были дела, — продолжил сэр Барнаби. — У ворот будут дополнительные дозорные, а еще на мостах и у реки. Назначали новых охотников на Певчих, и Вороновые будут помогать им в этом. словно вернулись те дни, когда охота на Певчих была на пике.

— Вороновые? — повторила леди Илейн. — Уверены? — сэр Барнаби кивнул, две красные точки появились на ее белых щеках. — Хотите, чтобы я уберегла ее от этих адских гончих? Без магии, денег, друзей...

— У вас есть мы, — сказал Пенебригг.

— Но у меня нет дома, укрытия для нее, — сказала леди Илейн. — Я постоянно в бегах, но меня все равно много раз чуть не поймали.

Нат, Пеннебригг и сэр Барнаби снова переглянулись.

— А если...? — начал Нат.

— Именно, — сказал Пеннебригг. Сэр Барнаби кивнул.

— Считайте, что это решено, — он сказал леди Илейн. — Я знаю место, что безопасно в этом городе, где прочные стены, что не позволят вас услышать. Вы и мисс Марлоу можете остаться там, и вы обучите ее всему, что знаете.

— И она покончит в тенеграми, — сказал Нат.

Я услышала слабое эхо птиц и поежилась. Я должна была отыскать силы снова встретиться с ними. Может, с магией леди Илейн...

— Нет, — сказала леди Илейн.

Ореховые глаза Ната стали холодными.

— У вас есть другой план?

— Ты просишь невозможного, — сказала леди Илейн. — У меня нет для этого чаропесен. Тенеграмы лишили меня их, и не только их. Я помню немного песен, они могут уберечь крестницу, но не позволят ей одолеть Скаргрейва.

Я вжалась в стул. Я могла надеяться лишь на жизнь в бегах, вдали от Скаргрейва?

Я смотрела в смятении на леди Илейн, Пеннебригг щелкнул пальцами.

— Мы забыли о манускрипте! Нат, принесешь его?

Нат уже был на ногах. Через миг он вернулся с двумя листами пергамента в руке.

— Вы можете это прочесть? — спросил он у леди Илейн.

Она выхватила манускрипт.

— Где вы это взяли?

— В библиотеке на севере. Нашли пару лет назад, — сказал Пеннебригг. — Любопытно вышло. Мы слышали...

— Не время, — перебил сэр Барнаби. — Можете сказать нам, что там, леди Илейн? Мы уверены, что это важно, ведь манускрипт был хорошо скрыт. Это песня для разрушения тенеграмов?

Леди Илейн осмотрела страницы.

— Нет.

Острое разочарование било больно. И горько. А потом леди Илейн подняла голову, ее глаза были огромными, взгляд — странным. Она сказала:

— Это кое-что лучше.

— Лучше? — повторила я. Что она имела в виду?

Леди Илейн замешкалась и снова посмотрела на манускрипт.

— Я видела это давным-давно. Я помнила каждую ноту, а потом тенеграмы забрали их из моей памяти. Вы правы: это очень важная чаропесня.

— И для чего она, миледи? — поинтересовался Пеннебригг.

Леди Илейн сказала хриплым шепотом:

— Она уничтожит сам гримуар.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ ПЛАНЫ И ВОПРОСЫ

— А тенеграмы? — спросила я. — Если они останутся у Скаргрейва, то какая разница, уничтожим мы гримуар или нет?

— Как только не станет гримуара, его творения пропадут с ним, — сказала леди Илейн. — Включая тенегримов.

— Вы уверены? — спросил Нат.

— Да. Так работает наша магия.

Атмосфера в комнате улучшилась. Пеннебригг и сэр Барнаби переглянулись с надеждой.

— Мы можем строить планы, — сказал сэр Барнаби. — Леди Илейн, как долго вы будете учить крестницу этой песне?

— Не меньше шести месяцев, думаю. Может, дольше, — леди Илейн провела рукой по длинной нити бусин. — Ее прогресс будет зависеть от ее одаренности и дисциплины. Но она неопытна, у нее неверный опыт. Не стоит ожидать чудес.

Эта сухая оценка меня расстроила.

— Эту песню можно исполнять, где угодно? — спросил сэр Барнаби.

— Нет. Она должна держать гримуар в руках.

Я подумала о книге, прикованной к стене, которую видела глазами Скаргрейва. Моя рука и его рука двигались... Нет! Нельзя так думать. Я должна оставаться собой, не размывая края. Я заставила себя вернуться в реальность, в задымленную комнату, где посапывала Норри.

Сэр Барнаби обхватил пальцами подбородок.

— Нам нужно найти способ отправить ее в Тауэр незамеченной, довести ее до комнаты Скаргрейва, где хранится гримуар. Это будет сложно.

— Да, — согласилась леди Илейн. — Но я могу помочь в этом. Я помню скрывающую чаропесню.

— Чары невидимости? — спросил Пеннебригг.

— Не такие сильные. Песня не даст остальным заметить ее, но те, кто будут пристально смотреть в ее сторону, что-то увидят — силуэт или вспышку. Они смогут ее так выследить. Но песня поможет ей, если она научится двигаться тихо и осторожно, умело скрываться.

— Нат может научить ее, — сказал Пеннебригг. — Он делал для нас много работы в Тауэре, он знает скрытые места там. Что скажешь, мальчик мой? Научишь ее всему, что умеешь?

— Постараюсь, — сказал Нат, на миг я увидела энтузиазм в его глазах. Он простил меня за чтение его разума?

Может, нет. Я не успела ответить, а он уже помрачнел.

А чего я ожидала? И какая разница? Он был здесь не для того, чтобы заводить друзей, как и я. Мы хотели победить. Для него — и для всех здесь — я была лишь инструментом.

— Но, конечно, главным учителем будет леди Илейн, — сказал мне сэр Барнаби. — Пока вы будете учиться, мы будем планировать мятеж к моменту, когда гримуар будет уничтожен.

— Уничтожения книги мало? — удивленно сказала я.

— Скаргрейв останется живым, продолжит управлять королем, — сказал сэр Барнаби.

— Может, нет, — сказала леди Илейн. — Скаргрейв долго использовал силы книги, он почти связан с ней. Это слышно по его голосу. Уничтожение книги может убить его.

— Это было бы кстати, — сказал сэр Барнаби. — Но мы должны быть готовы взять все в свои руки.

— Жаль, что мы должны уничтожить книгу, — сказал Пеннебригг, опечалившись. — Хотелось бы сначала ее прочитать. Кто знает? В ней могут быть не только плохие песни, а

что-то, достойное спасения...

— Нет, — голос леди Илейн был резким. — В этой книге только зло. И тенегримы — меньшее из него. Нам лучше покончить с книгой.

— Согласен, — поддержал Нат. — Но странно слышать, что Певчая настроена против магии.

Я фыркнула:

— Думаешь, мы не знаем, что магия плохая, когда видим ее?

— А вы знаете? — сказал Нат, и я опешила, услышав в его голосе больше тревоги, чем враждебности.

— Конечно, знаем, — сказала леди Илейн. — Эта книга ужасна. Ее нужно уничтожить. И песня не может быть готова на половину. Или все, или ничего.

— Хорошо, — сказал Пенебригг. — Вы наш ответ получили.

— Тогда решено, — леди Илейн посмотрела на меня. — Я научу тебя петь безопасно, крестница. И ты уничтожишь книгу.

Я кивнула.

Леди Илейн повернулась к сэру Барнаби.

— Ведите нас в укрытие, чтобы мы приступили к работе.

† † †

Сэр Барнаби говорил о комнатах среди лабиринта подвалов дома Гэддинг чуть поодаль от комнаты, где встречался Невидимый колледж. Но было поздно идти туда сегодня, уже наступил комендантский час, хотя у сэра Барнаби и был пропуск, мы не смогли бы пройти незамеченными всей компанией. Мы соорудили кровати для Норри и леди Илейн на чердаке и договорились, что уйдем следующим утром.

Когда я проснулась, было еще темно, и я была уверена, что первой спущусь на кухню. Но, спускаясь по лестнице, я учуяла запах каши. Я открыла дверь кухни и увидела Норри, мешающей в котелке.

На звук моих шагов она обернулась, прижав ладонь к сердцу.

— Люси!

— Я тебя напугала? Прости, — я обняла ее и потянулась к черпаку. — Я это сделаю.

На острове Норри прогнала бы меня. Здесь она без слов отдала черпак и села на лавочку.

— Не стоит готовить для нас, — сказала я. — Это слишком. Ты ведь только прибыла, — я хорошенько размешала густеющую кашу.

— Я подумала, что мне будет проще, если занять чем-то руки, — тихо сказала Норри.

Я сняла котелок с огня и опустилась на колени рядом с ней.

Даже после сна она выглядела на десять лет старше, чем была на острове. Ее кожа была тусклой, глаза окружали морщины. Но меня сильнее расстраивало, какой потерянной она выглядела. А как иначе? Я утащила ее из дома.

— Прости, — виновато сказала я. — Прости, что притащила тебя сюда.

— Тише, дитя, — она покачала головой. — Пришло время. Я теперь это вижу. Может, это к лучшему. Хотя, признаю, я скучаю по своему саду. В Лондоне зелени мало. Я рада, что мы вскоре уйдем.

Она спала, когда мы строили планы.

— Норри, я должна кое-что рассказать...

Я объяснила ей, что мы будем жить в подвалах дома Гэддинга, и Норри побледнела.

— Мы будет жить под землей?

— Они думают, что так безопаснее всего.

— Возможно. Но я не люблю подвалы, дитя. Или пещеры, или что-то в этом роде. Мне там не по себе.

— Ой, — я не хотела снова расставаться с ней, особенно, когда мы только нашли друг друга. — Они подумали, что это лучшее место. Остаться в доме слишком опасно, а из Лондона она нас вряд ли смогут вывести. Хотя ты одна, может,...

— Нет, нет. Я хочу присматривать за тобой, — Норри похлопала меня по руке. — Не думай обо мне. Я просто устала. Я давно не была в подвале, может, в этот раз будет иначе. И там ведь просторно?

— О, да.

— И там будет свет? — ее голос дрогнул.

— Конечно.

— Тогда я буду в порядке. Не переживай, — она погладила мою руку и встала. — А теперь немного каши?

Я словно вернулась на остров, мы сидели вдвоем и завтракали. Когда мы доели, Норри уже выглядела сильнее и больше напоминала себя. Я была этому рада. Выдержит ли она пару вопросов? Я не была уверена, но проверить стоило. Я все еще многого не понимала.

Я опустила ложку.

— Норри, ты когда-то читала письмо, что мама дала тебе? Которое ты спрятала в горшок на подоконнике?

— Нет. Оно было для тебя, а не для меня.

Я помрачнела. Я надеялась, что Норри читала его, что она расскажет, о чем оно было.

— Она говорила с тобой о своей магии?

— Нет, — Норри рассеянно водила ложкой по тарелке. — Честно говоря, дитя, я не хотела знать.

Мне было сложно понять.

— Тебе не было любопытно?

— Это было не мое дело, — сказала Норри. — Я приглядывала за тобой, верно? Я не помогала ей колдовать. Магия пугала меня, и твоя мама знала это. Она была доброй, она старалась не применять ее рядом со мной. Она сделала это только в конце, чтобы спрятать нас.

— Какой она была? Песня, что принесла нас на остров? — увидев выражение ее лица, я спешно добавила. — Если ты можешь рассказать, — я уже усложнила все для нее.

— Нет, — Норри глубоко вдохнула, — ты уже достаточно взрослая, чтобы знать ответы. И мне надоело хранить секреты. Все равно все происходит не так, как хочется. Я поняла это, когда вошла и увидела, как ты поешь.

Норри надоело хранить секреты? Мне плохо в это верилось.

— На что это было похоже? — спросила я.

— Это было ужасно, — Норри смотрела на пол. — Воронка пения, воя, ветра и воды. Наши руки пытались разъединить. Это было хуже, чем когда ты принесла меня обратно. Я закрыла глаза и крепко держала вас обоих, пока все не закончилось.

Меня охватило разочарование. Я столько всего забыла.

— Почему я не помню?

— Она этого не хотела.

— О? — я этого не понимала.

— Это было слишком для ребенка, так она сказала. А если бы ты вспомнила, то могла бы оказаться в опасности, запев. И она спела тебе песнь забвения. Она боялась, что песня заберет слишком много, что ты даже забудешь ее, но она сказала, что должна это сделать.

Я годами ругалась на свою плохую память, было потрясением узнать, что такой ущерб нанесла мне мама.

— Это можно исправить? Воспоминания можно вернуть?

— Боюсь, что нет. Твоя мама сделала так для твоего блага, так она сказала, — увидев мое лицо, Норри добавила. — Прости, дитя. Она хотела как лучше.

Волна потери разбилась об меня. Моя мама так сильно хотела меня защитить. Но какой ценой? Мои воспоминания о ней — и о своем прошлом — были похожи на осколки витража, и половины кусочков не хватало.

— Я не помню и леди Илейн, — сказала я, страдая из-за потерь.

— Не помнишь, — сказала Норри. — Но это не связано с твоей мамой. Ты видела ее лишь раз, когда только родилась, когда она с твоей мамой сделала твой камень. И больше, насколько я знаю, ты ее не видела.

— Да? — удивление отвлекло меня от печали. — Она этого не упоминала.

— Она могла не захотеть говорить об этом, — сказала Норри. — Но правда в том, что они с твоей мамой плохо ладили. Это не из-за тебя, — добавила она. — Их ссоры начались задолго до твоего рождения.

— Из-за чего?

— Не знаю. Это могло быть что угодно, любой пустяк. Леди Илейн ты уже видела. А твоя мама была упрямой, не любила, когда ей указывали, что делать. Не удивительно, что они не всегда ладили, — Норри строго посмотрела на меня. — Но то, что твоя мама спорила с леди Илейн, не значит, что и ты должна. Она — мудрая женщина. Многие из нас ее уважают. И твоя мама уважала ее в глубине души, иначе не пошла бы к ней, услышав о воронах.

Норри собрала наши тарелки и отнесла к рукомойнику. Я проследовала за ней и спросила:

— Если леди Илейн не приходила к нам, то откуда ты ее знаешь?

— О, я ее знала очень давно, — сказала Норри. — Когда мы были юными. Теперь она постарела, но у нее те же кости, глаза, тот же... характер. Ее ни с кем не спутать, да?

— Точно, — гордая леди Илейн и приземленная Норри. Как они могли встретиться? — Вы выросли вместе?

— Нет. Я была служанкой из деревни, работала в большом доме на семью твоей мамы, а она была величественной юной леди, часто посещавшей их. Она впечатляла. Она была очень красивой, мужчины и юноши постоянно ходили за ней. Кто-то говорил, что их к ней тянула магия. Не знаю точно, но я как-то раз увидела, как она стала невидимой на моих глазах. Мне было тогда не по себе.

Я слышала шаги в холле. Норри, похоже, тоже слышала их.

— Пока что хватит, — сказала она. — Одно дело отвечать на вопросы, а другое — сплетничать. Не стоит переходить границу. А теперь будь хорошей девочкой и достань мне тарелки с той полки.

Я спустила их, а в комнату прошли Пеннебригг и Нат, а за ними и леди Илейн. Мое время наедине с Норри пока что закончилось.

Я хотела задать больше вопросов, когда мы доберемся до дома Гэддинга. Ответы, сплетни — я была бы рада всему, что рассказала бы мне Норри. Моя память была полна дыр, я хотела их заполнить.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ ПОД ЗЕМЛЕЙ

После завтрака мы отправились в дом Гэддинга двумя отдельными группами, чтобы нас не заметили. Мы с Натом и Норри пошли первыми.

— Повезло, — сказал Нат перед тем, как мы вышли на серую улицу. — Туман густой, поможет нам укрыться.

И все равно идти было опасно. Из-за тумана я дрожала от холода, разговоры, что слышались на зловонных улицах, пугали еще сильнее:

...Вороновы...

...стражи у ворот...

...всюду охотники на Певчих...

Я боялась, что мы потеряем в тумане Ната, но в этот раз он оставался близко, всего в шаге от меня. Он подхватил Норри под руку, когда она стала отставать, и она будто набралась у него сил и смогла дойти до аптеки.

Как только мы спустились, Норри застыла.

— Я... не могу.

Я шла за ней и едва видела мерцание лампы Ната впереди. Стараясь не думать о тьме и том, что она скрывает, я коснулась ее дрожащей спины.

— Что такое?

— Это, — закрыв глаза, она указала на потолок. — Земля давит на нас. Готова поглотить нас...

— Нет, Норри, этого не будет. Не думай об этом, — я пыталась сама так не думать. Это было сложно в затхлом воздухе.

— Не могу, — она почти всхлипнула. — Прости.

Я пыталась успокоить ее, но коридор сужался, и я могла лишь похлопывать ее по дрожащим плечам.

Вспышка света, Нат возвращался с лампой.

— Что такое?

Норри молчала.

— Ей не нравится под землей, — быстро сказала я. — Это ее пугает.

Я боялась, что он начнет ругаться, но вместо этого он заговорил мягко, как с птицей.

— Не вы первая боитесь, поверьте, — сказал он. — Но не переживайте. Все будет хорошо.

Я вспомнила кошмар из головы Ната. Темные стены. Тесные стены, царапающие руки и колени...

Да, Норри не была первой.

— Возьмите меня за руку, ладно? И смотрите на лампу, — сказал ей Нат. — Вот так. Смотрите на лампу и думайте о солнце, тепле и летнем дне. Открытый луг, залитый солнцем, синее небо над головой. Глубоко вдохните...

Его голос продолжал, успокаивающий и добрый, без едкости. Я едва узнавала голос

Ната, но, пока слушала, мои плечи тоже расслабились.

Норри тоже отреагировала. Он уговорил ее сделать шаг, потом другой, и она пошла по коридору.

— Мы почти пришли. Подержите лампу, пока я открою дверь? Смотрите на свет, вот так. Смотрите на теплый огонь. И мы идем дальше...

Мы прошли в подвалы, и стало лучше. Все еще было темно, но коридоры стали выше и шире, свежий воздух проникал в это место.

В свете лампы я видела, что Норри стало лучше, хотя она все еще смотрела на лампу.

— Спасибо, — прошептала я Нату.

— Не стоит. Она сделала это сама, — он кивнул Норри. — Худшее уже позади.

Я верила ему, пока мы не добрались до выделенных комнат. Мы пересекли порог, и я упала духом. Первая комната — самая большая, как сказал мне Нат, — была маленькой, с низким потолком и пыльной, окон не было. Внутри не получалось понять, где дверь, так хорошо она была скрыта.

Сэр Барнаби назвал это укрытием. Как по мне, это больше напоминало темницу. Судя по лицу Норри, она думала так же.

Только Нат был бодрым. Он осторожно опустил Норри на прочный стул, поставил лампу на стол рядом с ней.

— Приятно снова здесь побывать.

— Ты здесь уже был? — спросила я.

— Очень много раз. Раньше тут была лаборатория алхимии сэра Барнаби.

Я окинула взглядом грязные стены комнаты.

— Серьезно?

— Да. Давно это было. НК теперь больше интересуют эксперименты на практике... хотя времени на них нет. Мы здесь встречались где-то год назад, — он кивнул на корзины в углу. — Похоже, вам оставили припасы.

— Пока что.

— Думаю, приносить это будут регулярно. Местный повар на нашей стороне, а никто не готовит пирог с мясом лучше него, — он оглянулся на приоткрытую дверь за нами. — Я проверю другую комнату, там должны быть кровати и одеяла.

Я хотела пойти за ним, но увидела, что Норри дрожит.

— Холодно? — спросила я.

— Н-немного.

Я укутала ее в свой плащ, она закрыла лицо. Не только холодно. Я опустилась рядом с ней.

— Норри, что я могу сделать?

Она закрывала ладонью глаза.

— М-мне нужна минутка, чтобы привыкнуть к месту, — она снова поежилась.

— Всё на месте, — сказал Нат, вернувшись. Он посмотрел на нас и подошел к камину. — Я проверю, можно ли место согреть.

Он открыл черный ящик в центре камина.

— Что это? — я задала вопрос не из интереса, а чтобы разбить холодную тишину для Норри.

— Огневая коробка, — Нат засыпал внутрь угли, а потом разжег огонь. — Согревает лучше простого огня.

— Да? — мое любопытство невольно вспыхнуло. — Такая маленькая коробочка?

— Да, — он отошел от потрескивающего огня и закрыл дверцу. Я посмотрела на Норри, не зная, что она думает о приборе, но ее глаза были закрыты. Она забыла о нас.

— Вот так, — Нат покрутил рычаги и с удовлетворением посмотрел на черный ящик. — Еще шесть часов уголь можно не добавлять.

Я начала беспокоиться о том, как буду справляться с ящиком, когда он уйдет.

— Научи меня, что делать. Я такое еще не видела.

— Это новое изобретение.

— Твое? — догадалась я.

Он смутился.

— По большей части. Но мне помогал НК. Нам нужно было что-то безопаснее открытого огня, использующее уголь. К счастью, тут хорошая циркуляция воздуха, хоть мы и под землей. Комнаты быстро согреются.

Я посмотрела на ящик, радуясь всему, что быстро согреет комнату.

— Долго ты его делал?

— Около года, — сказал Нат. — Кристофер Линнет и еще несколько человек помогали с планами, а потом нужно было проверять и исправлять ошибки. А ошибок было много. Второй ящик чуть не взорвал нас.

Я испуганно посмотрела на стены.

— Так сажа на них...

— От пожара, — подтвердил Нат. — Но не беспокойся. Я не буду экспериментировать, пока вы здесь, как и остальные из НК...

Норри рядом со мной приглушенно всхлипнула.

— Норри, что такое? — я склонилась, пытаюсь обхватить ее ладони, но она согнулась, и я не могла дотянуться. — Комната?

— Вес на нас, — выдохнула она. — Будто погребены заживо...

Я пыталась успокоить ее, как и Нат, но ничего не работало. Она сжималась, дрожа так сильно, что я боялась, что она ранит себя.

— Милая Норри, не надо, — я попыталась обнять ее. — Не терзай себя, — но она меня едва замечала. Ее дыхание участилось. Я посмотрела на Ната. — Что делать?

— Лучше увести ее отсюда, — сказал он.

Выгнать Норри?

— Нет, — выпалила я, не успев подумать.

Нат собирался спорить, но его перебил тихий стук. Он пошел к двери.

— Сигнал доктора Пенебригга. Похоже, у него опять проблемы с замком.

Нат отодвинул засов, мимо прошла леди Илейн. Пенебригг шел следом. Леди Илейн оглядела комнату, а Пенебригг остановился рядом со мной.

— Мисс Норри плохо?

Я все объяснила, потирая при этом спину Норри. Она дрожала. Я не знала, понимала ли она мои слова.

— Мы можем ей что-то дать?

Пенебригг с сомнением опустил взгляд.

— Можно поискать маковый сироп, чтобы она поспала. Но это не решит проблему. Если ей не нравится под землей, ей будет сложно пробыть здесь даже день, о месяцах никто не говорит.

Тряхнув бусами, леди Илейн подошла к Норри.

— Она не может так здесь оставаться.

Нат согласно кивнул.

— Мы не можем тут ее оставить. У нее откажет сердце.

Норри задрожала под моей рукой. Я хотела, чтобы она была со мной, как мама, если честно. Но я не хотела, чтобы она страдала. И не хотела, чтобы она так рисковала.

Я повернулась к Нату.

— Как быстро мы сможем ее вывести?

Очень быстро. Пока Нат сооружал носилки из плаща и найденных в комнате вещей, Пенебригг объяснял план. Они хотели вынести Норри по секретному проходу в подвалах выше. Там были скрытые комнаты с небольшими окнами, куда проникал свет и воздух.

— Она может остаться там, пока ей не станет лучше. А потом мы заберем ее через путь для слуг.

Нат отдавал мне быстро указания, как работать с огневым ящиком, поворачивать замки и насчет всего, что мне нужно было знать. Он закончил, а Норри дышала так быстро, что потеряла сознание. Мы укутали ее в одеяла и подняли на носилки, стараясь спешить.

Я не успела понять, а уже сжимала руку Норри на прощание. Нат и Пенебригг подняли носилки.

Я чуть не вызвалась идти с ними. Но я знала, что мне нужно оставаться в темноте. В глубинах с учительницей. Я хотела быть с Норри. Я придержала дверь, пока они уносили потерявшую сознание Норри на носилках.

Когда они ушли, в комнате стало просторнее, ведь нас осталось лишь двое. Но почему-то комната теперь казалась еще теснее.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ УРОКИ

Пытаясь не думать о том, сколько этажей дома Гэддинг надо мной, я повернулась к леди Илейн.

— Они будут в порядке?

— Думаю, да, — сухо сказала она. — Не переживай об этом. У нас есть дела важнее.

Важнее, чем здоровье Норри? Я нахмурилась.

Леди Илейн поняла, о чем я думаю.

— Для всех, и для Норри, опаснее Скаргрейв. Только ты можешь нас спасти. И мы не можем отвлекаться от цели. Нужно обучить тебя быть Певчей. Остальные тревоги нужно оставить в стороне.

Это звучало жестоко, но в ее словах была логика. Я попыталась слушать ее.

— С чего начать? — сказала леди Илейн. — Об этом я спрашиваю себя. Ты глупая, нетерпеливая, поразительно несведущая... и твои инстинкты прискорбны.

Меня словно ударили по лицу.

— К счастью, не все потеряно, — продолжила леди Илейн. — Ты из хорошей семьи, а кровь влияет на многое. Твой дар использовался неправильно, но выглядит сильным. Твой камень указывает на это. Камень есть у каждой Певчей, но редкие такие необычные, как твой. Если ты будешь меня слушаться, то, надеюсь, у нас все получится.

Мои щеки перестали пылать, хотя еще помнили удар.

— Я сделаю все, что вы скажете, — пообещала я. Я сделаю все, чтобы одолеть Скаргрейва и спасти нас.

Леди Илейн долго смотрела на меня в тишине, словно проверяла силу моей решимости. А потом она резко кивнула и сказала грубее обычного:

— Начнем. Но откуда? — она провела рукой по бусинам. — Если бы ты начала учиться со мной с десяти лет, как обычно, у нас было бы пять лет, чтобы изучить магию Певчих. Но наша ситуация далека от обычной, времени мало. Нужно сосредоточиться на важном. Но ты должна понимать и нашу историю. Так что начнем с простого вопроса. Как работает магия Певчих?

Было так просто, что я боялась, что это ловушка.

— Через песни?

Леди Илейн недовольно отряхнула руки.

— Не отвечай как напуганный зайчонок.

Я постаралась звучать уверенно.

— Магия работает через песни.

— Верно. Чаропеснями мы заставляем предметы, животных и растения исполнять наши приказы.

— Только предметы, животных и растения? — смело спросила я, раз это нравилось крестной. — Не людей?

— Уже нет. Когда-то давно были Певчие, которые легко это делали. Ниниан, например, заточила волшебника Мерлина в камень, — леди Илейн вздохнула. — Но такое было доступно древним Певчим, это уже не по силам нам.

— Доктор Пенебригг говорил, что раньше Певчие...

Леди Илейн остановила меня взглядом.

— Нельзя полагаться на то, что говорили другие. Они вредили тебе, заставляли снимать камень... — она поджала губы. — Забудь все, что они говорили тебе, слушай только меня. Понятно?

Я знала, какой ответ ждала крестная.

— Да, леди Илейн.

— Как я и говорила прошлой ночью, Певчие могут работать с двумя видами магии. Дикая магия запрещена. А Проверенной магии я тебя научу, — она сделала паузу. — Но, пока мы не начали, я хочу проверить, что основное правило понятно. Никогда и ни за что не снимай камень.

— Я поняла, — камень почти сиял, пока я говорила. — У каждой Певчей есть камень?

— Да.

— Где ваш?

Я думала, леди Илейн не ответит.

Но потом она потянулась под шерсть своего платья и достала молочно-белый камень, подернутый дымкой и в трещинах.

— Когда-то он был ясным, как твой, — сказала леди Илейн. — А это сделали тенегримы. Когда у моего камня была сила, он сиял, как бриллиант, был тяжелым, как золото. А теперь он тусклый и весит не больше ракушки. Магия ушла.

— На острове мой камень был тусклым, — сказала я. — Не был рубином.

— Потому что ты не использовала тогда силы, — сказала леди Илейн. — Наши камни меняются и растут с нами, тянутся к добру или злу. Твой камень может измениться снова,

когда мы начнем учиться Проверенной магии.

— И безопасные песни... можно петь с камнями?

— Да, — сказала леди Илейн. — Ты будешь учить их на слух, так делала и я, когда была ученицей.

— Они не записаны? — удивилась я. — Нет манускриптов, как давал доктор Пенебригг?

— Песни редко записывают. Обычно Певчие учат песни на слух, поколение передает знания другому. Жаль, что при этом сила слабеет, каждые знают разные песни, и много великих песен было утеряно. Моя крестная знала только три чаропесни, и все они работали плохо.

Это не радовало.

— Что делали ее песни?

— Зачаровывали замки. У многих Певчих есть специальность, такой была у нее.

Я была разочарована, но старалась не показывать этого.

Леди Илейн удивленно посмотрела на меня.

— Ты ждала чего-то выдающегося? Нет, не отрицай. Я это вижу. Но почти все что-то запирают — секреты, сокровища. Так что талант, связанный с замками, важен, — она замолчала и добавила уже мягче. — Но я рада видеть у тебя тягу к чему-то большему. Когда я была в твоём возрасте, у меня была такая же тяга, и это помогло мне стать сильной.

Я попыталась представить леди Илейн в юности. Норри говорила, что она была красивой. Представлять было сложно.

— Моя крестная не понимала, — продолжила леди Илейн. — Она говорила, что замки — мое призвание, и я должна это принять. И хотя мне это удавалось, я обнаружила, что могу учить и другие чаропесни. Они не давались просто, но после тренировок я научилась им.

— Кто научил вас?

— Сначала я училась у других Певчих. Но когда они поняли, что я делаю, они отвернулись от меня. Им хватало того, что у них было, и они говорили, что и мне нужно смириться, — леди Илейн поджала губы. — Конечно, я не была рада. А чему радоваться? Древние Певчие не принимали ограничений в магии. И я решила найти другой путь. Если мне не хотели помогать нынешние Певчие, может, помогли бы прежние.

Волоски на моей шее встали дыбом.

— Вы... вызвали мертвых?

— Мертвых? — леди Илейн вскинула брови. — Люси, я Певчая, а не некромант, — она покачала головой от моей глупости и сказала. — Я изучала наше прошлое, как ученый: по старым книгам и манускриптам.

— И вы изучали гримуары, как тот, что есть у Скаргрейва?

— О, тот я никогда не видела, — сказала леди Илейн с горечью. — Агнес не говорила мне, что у нее есть эта книга, хотя так можно было бы избежать бед. Но я могла лишь найти обрывки того, что искала: очертания песни, упоминания о мелодии. Но со временем я отыскала достаточно, чтобы начать воссоздавать древнюю магию. Требовалось много сил и терпения. И постоянное внимание к деталям.

Я кивнула, ведь этого ожидала леди Илейн.

Она холодно посмотрела на меня.

— Есть ли это у тебя? Тебе понадобятся эти качества, это точно. Я научу тебя всему, что знаю и помню, но я не могу практиковать магию сама. Все будет зависеть от тебя. И это

будет сложнее, чем ты думаешь.

Я встретила ее испытывающий взгляд.

— Я выучу все, чему вы меня научите.

— Тогда опусти руки и слушайся меня.

Я подчинилась, желая выучить первую чаропесню. Но крестная собиралась начать не с пения.

Она посмотрела мне в глаза.

— Я должна научить тебя, как дышать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ДЫШАТЬ

Было не так и просто дышать по-новому. Необдуманый вдох, легкий выдох — об этом крестная сказала мне забыть. Теперь мое дыхание должно быть обдуманным.

Я старалась следовать указаниям леди Илейн, но шли часы, и мне казалось, что я тону.

— Не так быстро, — рявкнула она, когда я выдохнула. — Не дыши, как собака, — и через миг. — Нет, и не так. Ты звучишь, как пробитая волынка.

Так прошел весь день, пока леди Илейн не отпустила меня.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты начинаешь понимать основы. Практикуйся каждый возможный миг. Даже пока спишь, если можешь. Мы продолжим уроки, когда ты освоишь это.

Оставшись одна, я рухнула в кресло, чувствуя себя почти так, словно я воевала с собой. Дышать обычным образом казалось роскошью, и теперь у меня не получалось. Горло пылало, грудь сдавило. Я смотрела на черную печку и думала о том, могла ли хоть какая-то магия стоять такой боли.

Да. Ответ пришел из глубины души. Безопасная магия стоила любой цены. Что угодно, только бы не попасться воронам! И леди Илейн предлагала мне это: безопасный способ петь. Я должна найти смелость научиться этому.

Решив показать свое рвение, я тренировалась, стараясь дышать новым странным образом часами. Я мало спала, тревожась за Норри.

Я все еще дышала по-новому с переменным успехом, когда Нат позвал нас два дня спустя. Как только он пришел, я спросила:

— Как Норри? — было ужасно не знать.

— Хорошо, — сказал он, к моему облегчению. — Как только она увидела окно, ей стало лучше, а теперь она готовит для нас с Пенебриггом. Она очень скучает по тебе, конечно, она даже почти готова спуститься сюда. Но, думаю, ей лучше этого не делать.

— Точно, — я не хотела, чтобы она снова через это проходила. — Скажи ей, что я тоже сильно скучаю, но ей стоит оставаться там.

— Скажу, — Нат проверил дверь и огляделся. — Где леди Илейн?

— Спит. Мы занимались допоздна прошлой ночью.

— О, — он остался у двери, растерявшись. — Может, это не лучшее время для урока?

— Не страшно, — но, как только мы устроились у огневого ящика, я ощутила от него запах осени — последних листьев, дыма Лондона и острый и не подходящий этой комнате привкус яблок. От этого у меня перехватило дыхание, я закашлялась.

Нат вскинул брови.

— Что-то не так проглотила?

— Не совсем, — ответила я. Он заинтересовался, но я молчала. Изучать магию было сложно, я не смогла бы объяснить это тому, кто ненавидел ее. И леди Илейн дала ясно понять, что такие дела нельзя обсуждать со всеми.

Я сосредоточилась на ровном и медленном дыхании, а Нат рассказывал мне о Тауэре и отрядах стражи и Вороновых, охранявших его.

— Гримуар в комнате Скаргрейва, — сказал он, — а она на самом низком уровне Белой башни, очень близко к тенеграммам. И рядом с комнатой, которую ты захочешь избегать: комнате кормления.

— Кормления? — мне не нравилось название.

— Туда приводят узников и отдают тенеграммам.

Я с трудом управляла дыханием, но Нат не замечал.

— Стены толщиной в десять футов, — сказал он. — Я нарисую тебе карту Тауэра.

Он работал, а я думала только о дыхании. Не о комнате кормления, только не об этом... Когда я посмотрела на его рисунок, где были и тайные ходы, я вдохнула иначе, с потрясением. Он хорошо рисовал, и набросок был красивым.

— Как ты это сделал? — спросила я.

— Что сделал?

— Запомнил все и так точно изобразил, — я провела пальцем по краю рисунка. — Это как маленький идеальный мир.

Он повернулся ко мне, явно не ожидавший похвалы. Я снова ощутила поток между нами, словно мы были не просто невольными союзниками, словно мы как-то знали друг друга.

Но это бред...

Он отвел взгляд.

— На опасный мир это похоже больше, — он подвинул рисунок ко мне, хотя старался не подбираться ко мне близко. — Лучше запомни его. Я опрошу тебя, когда вернусь.

Я взяла себя в руки и начала снова правильно дышать.

— Когда ты вернешься?

— В субботу, — сказал он. — Жди меня.

Он ударил по больному месту. Комната без окон давила на меня.

— Куда я могу деться, если я заперта тут под землей?

В его глазах блеснуло сочувствие?

— Я буду здесь, — пообещал он.

Я отвела взгляд от изящного рисунка, а он уже ушел.

† † †

Наконец, после утомительных тренировок дыхания леди Илейн позволила мне пройти дальше, но это оказались постоянные повторения поддерживающих тонов.

Я впервые услышала, как она поет. Уверенно, властно, но хрипло. Тенеграммы уничтожили и ее голос? Или она всегда так звучала? Я решила не спрашивать, вряд ли этот вопрос ей понравился бы.

Вместо этого я обращалась с нотами, как с огнем, раздувала их из огонька до пылающего костра, а потом заставляла угасать. Нота за нотой, и так весь день. Работа была трудной, но приятной, ведь, хоть я и пела на одной высоте...

— Никаких фраз, — предупредила леди Илейн, — никаких звуков...

...но чаропесни были близко.

Я ошибалась. После поддерживающих тонов мы перешли к соединяющим нотам, а потом к трелям и глоссандо, двигаясь вверх и вниз.

Желая показать себя, я с рвением приступала к каждому испытанию, стараясь не показывать нетерпение. Но мысленно ворчала. Я была здесь не для того, чтобы леди Илейн сделала меня обученным музыкантом. Я хотела научиться магии. Но здесь магии не было ни капли.

Некоторые упражнения точно были полезны. Но разве они были нужны сейчас? Когда ставки так высоки?

— Именно из-за того, что ставки высоки, мы должны быть осторожны, — сказала сухо леди Илейн, когда я спросила. — Иначе твои новые умения осушат тебя. Ты же не хочешь проиграть Скаргрейву?

Я не хотела.

И хотя я старалась подавить возмущение в себе, уроки с каждым часом казались все скучнее, и так проходил каждый день. Приходилось напоминать себе постоянно, как мне повезло, что я могла учиться безопасной магии.

Все ухудшалось и то, что я застряла под землей. Хотя я не страдала, как Норри, но я понимала ее реакцию. После жизни рядом с морем находиться здесь было тяжелее вдвойне: я тосковала по свету и свежему воздуху, как рыба в сети тоскует по морю. Порой мне снилось, что я снова на острове, западный ветер играл с моими волосами, океан сиял, как само солнце. В плохие ночи мне снилось, как меня сжигают заживо. Но я каждый раз просыпалась в затхлом воздухе подвала, и от этого убежать не получилось бы.

Порой я думала, что не смогу спеть ни одной ноты. Но я пела. Снова и снова, и леди Илейн постоянно поправляла меня.

Отдых наступал во время других уроков, которые давал мне Нат.

† † †

После первого визита уроки с Натом проходили под надзором леди Илейн. Он настойчиво спрашивал у меня карту Тауэра, учил использовать отмычку, показывал, как тихо двигаться по комнате. И все это в наших комнатах. Приближались святки, и он сказал леди Илейн, что, чтобы научить меня полному искусству скрытности, нужно тренироваться в другом месте.

— Сначала мы пройдем дальше в подвале, — сказал он, — а потом сможем двигаться по дому Гэддинга.

Я покину эти комнаты и увижу солнца. Это звучало прекрасно. Конечно, это будет опасно, я понимала это. Но награда стоила риска.

Леди Илейн прищурилась.

— Уверен, что это необходимо?

— Мы не можем все время прятаться здесь и делать вид, что так можно научиться ходить по лестнице, — сказал Нат. — Если она пойдет в Тауэр без настоящей тренировки, она не справится. Ей лучше тренироваться именно так.

После жарких споров леди Илейн сдалась, но с условием, что она будет сопровождать нас. Втроем мы ходили по подвалам, потом добрались до темных кладовых за кухнями. Я все лучше могла передвигаться по ступенькам и проникать в укрытия, и леди Илейн становилось сложнее успевать за нами. Но она все равно не отступала.

И одним вечером за ужином она сказала мне:

— За этим юношей нужно следить. Мне не нравится, как он на тебя смотрит.

Я чуть не подавилась пирогом с мясом.

— Смотрит на меня?

— Это было ожидаемо. Ты не красавица, да? Но ты Певчая. А он в восприимчивом возрасте.

— Нет, — мое лицо пылало. — Вы ошиблись. Нат на меня так не смотрит.

— Я знаю, что видела.

— Нет, — повторила я. — Не может быть. Он говорит со мной только о делах. И он ненавидит мою магию так сильно, что не приближается ко мне.

Но это было не так. Я отодвинула пирог. Нат казался задумчивым, когда я была рядом с ним, словно он мыслями был далеко. Но он уже не старался избегать меня, как раньше. Пару раз, когда мы изучали карты, наши пальцы почти соприкоснулись. Но Нат словно не заметил этого, так что это не считается.

— Понадеемся, что я ошиблась, — сказала леди Илейн. — Но такое бывает редко.

— Вы ведь ему не сказали? — от этой мысли мои щеки снова вспыхнули.

Леди Илейн фыркнула.

— За кого ты меня держишь?

За это я была благодарна. Я бы умерла от стыда, если бы она высказала Нату свои подозрения. А они точно были ошибочными.

К счастью, чем дольше леди Илейн была с нами, тем больше она в этом убеждалась. И она отказалась сопровождать нас.

— Я не стану тебя удерживать, крестница, — сказала она одним вечером, — ведь ставки высоки, — она пронзила Ната взглядом. — Не пользуйтесь моим отсутствием, молодой человек. Ни в коем случае.

Мое лицо покраснело, а Нат сказал:

— Она не пострадает рядом со мной. Обещаю.

— Ловлю на слове, — леди Илейн укуталась в шаль. — Если она не вернется через два часа, я пойду вас искать.

Крестная ушла, и я выдохнула, поняв, что задержала дыхание.

Наконец, я смогла ощутить вкус свободы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Как только леди Илейн пропала из виду, Нат сказал:

— Слушай. Думаю, нам пора подняться на чердак.

Для этого нужно было преодолеть шесть этажей.

— Так высоко?

— Да. Большая часть пути скрыта, вряд ли мы кого-то встретим. Но помни: всегда держись тени. И не позволяй нервам овладеть тобой.

Но мы встретили по пути худую служанку, несущую ведро с углем по лестнице. Но мы услышали скрип ведра, света было мало, так что мы легко скрылись от нее.

Мы забирались по оставшимся ступенькам в абсолютной тишине, Нат, как обычно, держался в стороне. И лицо его было задумчивым.

Крестная зря его подозревала.

Наконец, пройдя коридоры, двери и комнаты, мы добрались до западного чердака. Потолок был под наклоном высоко над моей головой, но, судя по пыльным ящикам и старой мебели, его не использовали. На другой стороне комнаты в маленькое окошко проникал вечерний свет. Я замерла на миг и посмотрела туда. После стольких недель в темноте я словно стояла на солнце, хоть небо снаружи уже темнело.

— О, я забыл, — сказал позади меня Нат.

Я развернулась, ожидая, что он даст еще одну подсказку насчет передвижений по дому. Но он вытащил мятый сверток из черного пальто.

— Норри передала тебе это.

— Норри? — я удивленно посмотрела на него.

— Да, — его губы растянулись в улыбку. — Она сказала, что у тебя шестнадцатый день рождения.

Я была так поглощена новой жизнью, обучаясь пению, что не считала дни. Леди Илейн не говорила о празднике.

Нат протянул сверток.

— Не будешь разворачивать?

Я развязала шнурок. Знакомый запах меда, имбиря и корицы донесся до меня.

— О! — в ткани скрывался десяток сладких коричневых звездочек. — Пряники Норри.

Я сморгнула слезы. Когда я была маленькой, и мы еще жили в Англии, я обожала имбирные пряники. Норри всегда давала мне выбрать форму: звезды, полумесяцы, сердца и короны. Как я всегда ждала, когда их вытащат из печи! И я скучала по пряникам на острове, ведь там не было специй.

— Вот, — я протянула звездочки Нат. — Угощайся.

— Твоим подарком? — Нат с наигранным возмущением покачал головой. — Нет. Я-то каждый день ем то, что готовит Норри. Это все твое.

Я закрыла глаза, наслаждаясь запахом.

— Она в порядке? Норри?

— В порядке, но скучает по тебе, — сказал Нат. — Постоянно говорит о тебе.

— Да? — я взглянула в глаза Ната. — И что она говорит?

— О, я уже услышал все о твоём детстве, — бодро сказал он. — И о том, как ты упала в пруд, когда тебе было четыре. И о том, как ты притворялась русалкой на берегу острова...

— Она тебе это рассказала? — я отвела взгляд, щеки пылали. — Как стыдно.

— Нет, — серьезно сказал он. — Это мило. Меня никто таким не помнит, — он начертил на стене спираль. — Я даже не знаю, какое у меня настоящее имя. Родители умерли, когда мне было три, и дядя, если он и был им, просто звал меня «мальчишка». Думаю, мама звала меня Нат, но я уже не уверен.

Я глубоко вдохнула. Глупо было жалеть себя за то, что Норри рассказала пару историй.

— Прости, — сказала я. — Я почти ничего не помню о своей маме, и я знаю, как это больно. Но у тебя все было намного хуже.

— Может, нет, — он пожал плечами. — Но нет смысла спорить об этом. Теперь у меня есть место, имя и семья, это важно.

— Семья? — повторила я.

— Пенебригг. У нас разные фамилии, я взял себе фамилию Уолбрук, как улица, на которой мы живем, но он все равно семья, — он кивнул на пряники в моих руках. — Попробуешь? Норри захочет узнать, понравилось ли тебе.

— Скажи ей, что она готовит лучше всех в мире, — я попробовала звездочку. — Мммм...

Нат улыбнулся и подошел к окну. Я завернула пряники и присоединилась к нему. Снаружи было видно просторный сад, спускающийся к Темзе, зеленые вершины деревьев виднелись в тумане.

— Позднее, чем я думал, — в голосе Ната была тревога. — Закат близко. В таком тумане не поймешь.

Тенегримы. Он не сказал, но я понимала, о чем он думает. Пока мы говорили, я почти забыла о них.

Как беспечно.

— Как ты вернешься? — спросила я.

— Я? О, способов множество. И, если уж все будет плохо, я могу переночевать здесь, — он отвернулся от окна. — Я беспокоюсь о тебе. Нам нужно спустить тебя. Но сначала мне нужно кое-что тебе показать.

Я прошла за ним по кладовым на чердаке, пока мы не добрались до вестибюля, где было много дверей, но не было окон. Он зажег свечу трутницей, которую носил в кармане, и указал на одну из дверей.

— Похожий замок в кладовых Тауэра. Попробуй открыть.

Он смотрел, как я атакую замок инструментами, что он дал мне, я боялась, что все перепутаю. Но замок поддался, и он похвалил меня.

— Ты быстро учишься.

— В плане замков, — сказала я, не подумав.

Он тут же понял.

— С магией не так?

— Не стоило этого говорить.

— Надоели все эти упражнения?

Я с тревогой посмотрела на него. Откуда он знал об этом?

— Ты подслушивал? — мое лицо пылало при мысли, что он слышал мои ошибки. — Как ты мог?

Его лицо стало белым.

— Грубо слышать это от тебя. Не ты ли заглянула сама в мои воспоминания?

— Это другое.

— Не для меня.

Его смелые слова сбили меня. Если у меня была причина злиться, у него было на тысячу больше. Я влезла в его разум. И я сделала это магией, от этого было еще хуже.

— Прости, — медленно сказала я. — Но, если это поможет, я обещала, что это не повторится.

Он смотрел на мое лицо, словно взвешивал мои слова. Видимо, весы склонились в мою пользу, потому что он расслабился.

— А я не шпионил, — сказал он. — Это нельзя назвать подслушиванием. Я не мог не уловить обрывки, когда приходил.

— Обрывки? — мне было не по себе, что он мог многое услышать.

— У двери я порой кое-что слышу. И леди Илейн шепчет, когда я там. Думает, что я не слышу. Но это не так. И твое лицо...

— Мое лицо?

Он посмотрел на меня в теплом свете свечи.

— Ты несчастна, — сказал он. — Это увидит любой, у кого есть глаза.

Внезапная доброта в его голосе сломила меня. Я знала, что должна сменить тему, поговорить о чем-то другом, а не про уроки магии. Этого ожидала леди Илейн. Но слова вылетели сами.

— Если мне придется снова петь ей гаммы, я придушу себя.

— Все так плохо?

Я смотрела на то, как свободно он стоял, его щеки были обветренными, от его одежды пахло дымом и улицей.

— Не представляешь.

— Ты будешь удивлена, — он смотрел мне в глаза, а я с уколом стыда вспомнила его ужасные воспоминания. Но он говорил мирно. — На твоём месте я бы тоже был не рад. Пенебригг понимает, что я люблю экспериментировать, и он поощряет мои мысли, — он посмотрел на меня с сочувствием. — Но леди Илейн другая.

Я снова ощутила искру понимания между нами, глубокую связь, скрытую за словами. К моему смятению, в этот раз это было связано с осознанием его силы и близости.

Это ощущение было неприятным, и я хотела отогнать его. Я задула свечу и побежала к двери, что вела к лестнице.

— Идем.

Я повернула ручку, Нат бросился ко мне.

— Не та дверь...

Я уже вышла. Нога поехала по скользкой черепице крыши дома Гэддинга, горячий черный туман окутал меня. Я отпрянула, но, перед тем как закрыла дверь, что-то завопило и вспыхнуло, как огонь во тьме. Я застыла, жгучий ужас пронзил меня, и я услышала хлопанье крыльев в тумане.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ ПЛОХОЙ ПОВОРОТ

Я горела, меня сжигали на шесте. Тенегримы нашли меня. Они поглотят меня...

Прошла невероятно долгая минута, дверь закрылась. Ужас отпустил меня, и я опустилась на пол.

— Тебя не увидели, — сказал тихо Нат в темноте. — Туман густой, света не был. Если бы тебя заметили, то приблизились бы. Этого не было. Он улетел дальше.

Мне было не по себе. Когда я открыла дверь, я хотела сбежать от него. И я была бы рада убежать, как только голова прояснится. Но сейчас я ощущала благодарность. Он закрыл дверь. Уберег меня.

Нат зажег свечу и осмотрел мое лицо.

— Тебе от этого плохо?

— Д-да, — выдавила я. — Хуже, чем обычно.

— Может, случившееся с чтением разума сделало это хуже для тебя.

— Возможно, — мысль была неприятной. Я поежилась. — Не верится, что на тебя это так не влияет.

— Не совсем так, — сказал Нат. — Я замечаю их. И чувствую страх. Но он не затмевает все. Не знаю, почему.

— Но ты не любишь огонь... — я замолчала. Я не хотела напоминать о чтении его мыслей. Я испортила свое извинение?

Его взгляд оставался спокойным.

— Не люблю? Нет. Я бы так не сказал. Но у меня больше опыта в этом. Может, это помогает.

— Защищает от тенегримов?

— О, если они нападут, я быстро проиграю. Думаю, в этом я такой же, как все. Но если они пролетят мимо, я выдержу. Отчасти поэтому Невидимый колледж просил меня шпионить для них.

— Хотелось бы, чтобы у меня было так.

— Не переживай, — сказал Нат. — Важно, что ты в безопасности. Не о чем беспокоиться.

Нет. Были тысячи причин беспокоиться, начиная с того, что я еще не научилась петь ни одной ноты магии, что защитит меня от Скаргрейва или его воронов. Но хотя бы мое сердце уже унималось.

— Пора возвращаться, — сказал Нат. — Леди Илейн будет ругать меня.

Мои ноги дрожали, вряд ли я могла двигаться. Но Нат был прав, леди Илейн будет злиться. И я встала, отошла от него и долго спускалась по ступенькам.

† † †

Когда мы вернулись, леди Илейн была вне себя от гнева и тревоги, мое сбивчивое объяснение ее не успокоило.

— Больше никаких вылазок, — сказала она, — пока Люси не изучила магию и не может себя защищать.

Я думала, что Нат возразит, но он этого не сделал.

— Меня все равно не будет, — сказал он. — Ожидайте меня через пару недель, не раньше.

— Задание Невидимого колледжа? — спросила я.

— Да.

Я хотела знать больше, но он вряд ли рассказал бы мне, еще и при крестной. Под ее надзором я сухо попрощалась. Он ответил таким же тоном и ушел.

Следующие недели я скучала по нему сильнее, чем ожидала. Пока его не было, нас каждую неделю проверял кто-то из членов Невидимого колледжа — обычно, сэр Барнаби или Олдвилль. Но эти визиты были короткими, не такими, как у Ната.

Если Нат и смущал или злил меня, он оставался глотком свежего воздуха в этом замкнутом месте. Порой я листала рисунки и карты, что он оставил мне, но не для того чтобы выучить (это я уже сделала), а потому что его уверенные рисунки напоминали мне о мире снаружи. Я даже изучала надписи, что оставил на краях некоторых бумаг: уравнения, вопросы и наброски новых изобретений. Смелые линии его букв и подчеркивания открывали мне его любовь к новым идеям и экспериментам.

Большую часть времени я проводила в работе с леди Илейн.

После ужаса на крыше я удвоила усилия овладеть каждым уроком, хоть и скучным. Я не хотела снова оказаться в такой ситуации.

Я тренировалась целыми днями, порой и по ночам, и это утомляло и меня, и крестную. Хотя она держалась прямо, ее лицо бледнело, а критика становилась резче.

Утомившись, леди Илейн дремала днем, оставляя меня тренироваться одну. И так было

лучше, чем под ее надзором.

† † †

Целую неделю я старалась, даже когда леди Илейн спала. На восьмой день я передумала. Леди Илейн храпела в спальне, между нами были две закрытые двери, и я знала по своему опыту, что ничто не разбудит ее в ближайшие полчаса. Она не узнает, если я немного нарушу режим.

Я решила отдохнуть.

Когда я села у огневой коробки, я поняла, как сильно устала. Я была уставшей, одинокой и подавленной. Начался январь, Ната не было почти месяц. И что я успела за это время? Стала лучше петь гаммы и трели, лучше дышать и поддерживать тон. Но я не приблизилась к магии.

Тихий стук в дверь заставил меня вскочить на ноги. Укутавшись в плащ, я шагнула вперед, а дверь открылась. К моему разочарованию, пришел не Нат, а Самюэль Дипс, его кружева были помяты, а пуговицы — застегнуты неправильно.

— Певчая, я прошу об услуге, — руки Дипса дрожали, когда он поклонился мне. Он молил. — Один из наших пропал. Мой кузен по имени Иосия Квик. Он ушел две недели назад, понес важные вести союзникам на севере. Он должен был вернуться в четверг, но от него ничего не слышно. Мы думаем, что он прячется, но не знаем, где. Вы можете его найти?

— Я? — НК хотел, чтобы я пошла его искать? — Мне нельзя покидать дом Гэдинга...

— Я бы вас и не просил, — быстро сказал Дипс. — Я прошу лишь использовать магию.

— Магию?

— Вашу силу читать разум. Или вы нашли магию лучше этой?

— Нет, — я покраснела, признав, как мало выучила. — Но...

— Не бойтесь, — сказал Дипс. — Чтения разума хватит. Мы пойдем, где Иосия.

— Вы не понимаете, — сказала я. — Я не могу этого сделать.

— Так и сказал Совет, что это теперь запрещено. Но зачем нужна Певчая, если она не использует магию? Вы нужны ему, мадам. Нужны нам. И я принес все, что потребуется: волос с его гребня, один из его платков, — он провел руками по пуговицам плаща и вытащил флакон, спрятанный среди швов. — И лунный шиповник, конечно.

Уберите. Я должна была это сказать. Но, увидев флакон и силуэт семян в нем, я притихла, и эта странная тишина родилась не только из страха, но и из желания. Я потрясенно поняла это. После долгих недель гамм и трелей все во мне хотело ощутить силу магии, любой магии. Даже Дикой. Даже магии лунного шиповника.

— Так что, Певчая? — сказал Дипс с мольбой во взгляде. — Вы споете песнь лунного шиповника?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ СТАРАЯ ПЕСНЯ И НОВАЯ

Я смотрела на флакон, а дверь снова распахнулась. Я оглянулась.

— Нат!

Он был в плаще, его обувь была грязной, и он недовольно смотрел на нас. Но его внимание привлекли семена лунного шиповника передо мной.

— Ты вернулся, — сказала я.

— И вовремя, — его голос был опасно ровным, он указал на флакон. — Это то, о чем я

думаю?

— Лунный шиповник? — сказал Дипс. — Да. Она споеет...

— Нет, — сказала я Дипсу. Тяга к Дикой магии пропала. — Я же сказала, что не могу.

Простите, но это так.

— Не удивительно, после случившегося в прошлый раз, — сказал Нат, но уже мягче.

— Только из-за того, что у нее возникли проблемы, когда она вошла в разум Скаргрейва... — начал Дипс.

— Проблемы? — потрясенно повторил Нат. — Она чуть не умерла, господин Дипс.

Дипсу вдруг стало не по себе.

— Чуть не умерла? — сказал он мне. — Я не знал. Сэр Барнаби сказал только, что возникли непредвиденные трудности.

— Он решил, что лучше не обсуждать ее слабости подробно, — сказал Нат.

— Он вообще не хотел о ней говорить, — сказал Дипс с горечью в голосе, повернувшись ко мне. — Он сказал, что мы оставим вас на полгода, чтобы вы изучили магию. Словно вы уже ее не использовали! Это ужасная трата времени.

— Я думала, в НК всем все рассказали, — сказала я Нату.

— Детали каждой миссии? Нет, — сказал Нат. — Мы бы так не выжили. И ты — хорошо охраняемая тайна. Редкие из нас знают, где ты. Дипс — один из них, — он недовольно посмотрел на коллегу. — Мы думали, что вам можно доверять.

— Конечно, можно, — сказал с жаром Дипс. — До последнего вдоха.

Нат указал на флакон.

— Зачем тогда вы принесли это?

— Я хотел лишь узнать, где мой кузен Иосия, и как он. И все.

— Я слышал, что он пропал, — сказал Нат. — Мне жаль. Но вы знаете, что такое случилось и раньше, и мы не искали решения проблем в магии.

— Но теперь все хуже, — возразил Дипс. — Заметил, сколько дозорных отправил в патрули Скаргрейв? А сколько людей за месяц он отправил в комнату кормления? Он все крепче сжимает Лондон. Если он схватил Иосию, то мы будем следующими, и тенегримы узнают наши секреты. Мы должны спасти моего кузена.

— Не Люси, — тихо, но твердо сказал Нат.

— Но риска нет, — сказал Дипс. — Это Иосия, а не Скаргрейв. Мы знаем, что это его волос, его платок, ошибки нет.

— А если Иосия мертв? — спросил Нат. — Если его схватили? Если он стал одним из Вороновых? Что тогда случится с Люси? Она может умереть.

Повисла неприятная тишина, мы обдумывали это.

— Она — единственная Певчая, — сказал Нат.

— Бедный Иосия, — вздохнул Дипс, но уже не спорил, он убрал лунный шиповник в плащ.

— Где вы взяли эти семена? — спросил Нат. — Сэр Барнаби не позволил бы вам принести их сюда.

— Это не его. Это мои, — Дипс покраснел. — Я... оставил немного после одной из экспедиций.

— Что? — Нат был возмущен.

Дипс поспешил защитить себя:

— Мне было любопытно. И их тут совсем чуть-чуть. А потом пропал кузен, и...

— Остальное я знаю, — сказал Нат.

— Я был осторожен, — сказал Дипс с красным лицом. — И вреда не было.

— И не будет, — сказал Нат, — потому что мы отдадим это сэру Барнаби, — он пошел к двери.

Дипс замешкался, но неохотно последовал за Натом. У двери он поклонился мне.

— Мадам.

— Простите, — мне не нравилось, как жалко звучат слова. Он пришел в надежде на помощь, а я прогнала его ни с чем. — Надеюсь, ваш кузен вернется.

— Я тоже, — печально сказал Дипс. — Но мы не можем рисковать вами. Я понимаю.

Нат коснулся засова.

— Хотел бы я прийти снова на неделе, но не смогу, — сказал он мне. — Мне нужно уходить. Я вернусь до конца месяца.

Опять уходить? Я пыталась скрыть разочарование.

— Леди Илейн спит, — сказала я. — Если вы успеете уйти до того, как она проснется...

Мне не нужно было заканчивать. Нат уже торопил Дипса. Перед тем, как закрыть дверь, он посмотрел на меня.

— Семена не навредили тебе?

— Нет.

Пристальный взгляд, а потом вспышка улыбки.

— Хорошо.

Дверь закрылась, и он пропал из виду.

† † †

Минуты спустя леди Илейн прошла в комнату, ведя себя величественно, как обычно. Несмотря на сон, ни один волосок не выбился из ее прически.

— Я слышала голоса.

— Наверное, это была я, — ничего хорошего не будет, если она узнает, о чем Дипс меня просил.

— Звучало ниже, чем твой голос, — с подозрением сказала леди Илейн.

— Я... пробовала низкие тона. И тренировала дыхание.

Тренировки. Упражнения. И никакой магии.

Ее хриплый голос стал бодрее.

— Да? Давай послушаем, что ты делала.

Я не порадовала ее в этот раз, как и в следующий.

— Это и близко не хорошо! — возмутилась она. — Ты должна быть безупречной.

На следующий день она злилась еще сильнее, ведь Самюэль Дипс помешал нашим утренним урокам, сказав, что пришел проверить работу огневой коробки. Хотя леди Илейн не дала ему задержаться, он успел шепнуть мне, что его кузен вернулся в Лондон невредимым.

Я повеселела, ведь судьба Иосии не давала мне покоя, и принялась за упражнения с новой силой. Люди наверху рисковали жизнями, чтобы противостоять Скаргрейву, которого все еще беспокоило вмешательство, и я должна была не отставать от них.

Три долгих дня спустя я исполнила все идеально. И я смогла повторить это столько раз, сколько попросила леди Илейн. Я радостно улыбнулась ей.

— Похоже, этому ты научилась, — сухие слова леди Илейн были невероятной похвалой. — Думаю, дальше можно попробовать чаропесню. Очень простую, для

разжигания огня.

Проверенная магия! Но что-то меня тревожило.

— Какого огня? — спросила я. — Как у тенегримов?

— Нет, — леди Илейн была оскорблена. — Я бы тебя такому не научила, даже если бы умела. Песни для разжигания обычного огня, полезного огня свечи или камина.

Я была так рада, что забыла, что нужно дышать, как Певчая.

Леди Илейн заметила огрех.

— Не расслабляйся, крестница, — предупредила она. — Когда Певчая поет, она должна исполнять все точно, ведь малейшая дрожь, вдох могут сбить песню, и она не сработает, или, что хуже, сработает не так, как должна была.

— Я буду осторожна, обещаю, — послушно сказала я.

— Хорошо, — сказала леди Илейн. — Начнем, — она поставила свечу на широкий каменный выступ. — Посмотрим, сможешь ли ты зажечь это.

— Как? — начала я.

— Я расскажу. Слушай, — она подняла руку, и я притихла. — Встань передо мной и очисти разум.

Я заняла позицию, которой меня научили: ноги расставлены на небольшом расстоянии, руки по бокам. Леди Илейн встала так же, и вскоре мы дышали в унисон.

— Вот первая строка заклинания, — леди Илейн исполнила мелодию, ее голос был грубым, но четким. — Спой ее.

— Я не разобрала слов.

— Там нет слов, которые ты понимаешь. Помни лишь: каждый звук — часть целого, а целое беспомощно, пока в нем нет всех частей.

— Но как я выучу заклинание, если не понимаю, что пою?

— Выучишь на слух, как и каждая Певчая до тебя, — сказала леди Илейн. — Чаропесни многослойны и сложны, и даже одаренные Певчие понимают их годами. Многие никогда и не находят смысл. Но песни хватает, чтобы сработала магия, даже если нет понимания. Слушай внимательно и спой в ответ так же, как я.

Во второй раз ее ноты ударили по моим ушам. Мой голос дрожал, когда я повторяла их.

— Работай над дыханием, — сказала леди Илейн. — Еще раз.

Это пение не было похоже на Дикую магию. От этого пения гудело в голове, горело горло. Но я не отступала, пела фразу снова и снова, столько раз, сколько она приказывала.

Наконец, леди Илейн просияла.

— Спой точно так же. Еще раз!

Я спела, придерживаясь той же интонации.

Бледные губы крестной растянулись в улыбке.

— Мы сделаем из тебя Певчую.

† † †

Слова леди Илейн придали мне в тот день уверенность. Но через две недели от уверенности не осталось и следа. Я упражнялась часами, но не могла спеть разжигающую чаропесню. Близился конец января, и мы с леди Илейн начали отчаиваться.

— Еще раз, — мрачно сказала леди Илейн, сороковой урок длился уже четвертый час. — Еще раз.

Я спела снова. Напряжение, интонация. Я знала, как все должно быть, чтобы получилась магия. Но дыхание дрогнуло, я не допела фразу, и это не исправлялось.

— Не понимаю, — сказала леди Илейн. — Это простейшая чаропесня в репертуаре. Это должно быть пустяком, — она покачала головой. — Ты не стараешься.

Я покраснела.

— Поверьте, стараюсь.

— Сложно поверить. И если это так, все пропало. Нам нужны чаропесни скрытности и песня, что разрушит гримуар, а они намного сложнее.

Я отвела взгляд.

— Знаю.

— Будь тверже, — приказала леди Илейн. — Сильнее.

Я попыталась снова исполнить песню. Но это пение мне не давалось, и чем сильнее я пыталась, тем неприятнее оно казалось, словно я заставляла тело делать то, что оно не должно было. Горло болело, и даже самые нежные ноты обжигали грудь.

Леди Илейн поджала губы.

— Работай усерднее! Еще!

Я попыталась снова... и не справилась.

Тишина после песни была ужаснее всего.

— Ты сдерживаешь себя, — возмутилась леди Илейн. — Ты намеренно сдерживаешь себя.

— Нет, — я старалась держать голос ровным, я устала и почти плакала. — Я все отдаю этой песне.

— Ты так говоришь, — леди Илейн так впилась в свои бусы, что я подумала, что они порвутся. — Но если это так, то я могу лишь заключить, что я ошиблась насчет твоего дара. У тебя нет таланта и силы, я не угадала. Может, ты уже растратила свою силу.

Я в ужасе посмотрела на нее.

— Такое возможно?

— С Дикой магией все возможно, — она закрыла глаза, словно мой вид вызывал у нее отвращение. — Какой бы ни была причина, ясно, что я зря тебя учила. Уроки закончены.

— Но...

— Никакой мольбы. Ты — разочарование, печальный конец великой семьи. Я закончила, — она пошла к двери, что вела в ее спальню, и захлопнула ее за собой.

Я стояла у огня и дрожала. Как она могла так меня бросить?

Она знала, что я ничего не стою. Я была последней в роду, была ошибкой.

Нет. Я не могла слушаться этих мыслей. Я смогу. Я буду упражняться снова и снова, пока не смогу.

Но мысли были пустыми. Слова леди Илейн в голове звучали намного громче:

Ты — разочарование.

Я закончила.

Я расхаживала по комнате, стараясь прогнать ее голос. Но стены сдвигались вокруг меня, как в гробу, давили, и я едва могла дышать...

Я должна выйти. Должна. Должна.

Я схватила лампу, отодвинула засов на двери и выбежала.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ ИГРА С ОГНЕМ

Сначала я думала только о беге, о радости побега. А потом поняла, куда меня несут ноги: в комнату, где собирался Невидимый колледж.

Место было хорошим. Скрытым, может, даже лучше многих мест здесь.

Я скользнула в пустую комнату, поставила лампу на стол и огляделась. Я приходила сюда пару раз с Натом, но одной здесь находиться было странно. Комната была создана для толпы, стулья стояли так, чтобы передо мной сидели зрители. Я вспомнила чтение мыслей, что проводила здесь, и то, к чему это привело, и поежилась.

Комната была неудобной. Хуже того, на столе передо мной стояла незажженная свеча такого же размера и формы, как та, которую я пыталась зажечь с леди Илейн. Норри сказала бы, что это знак. Сказала бы, если бы могла сюда спуститься.

Но знак чего? Моего поражения? Стыда?

Или знак того, что мне нужно пытаться?

Я схватилась за стол. А если я спою здесь, без леди Илейн, стоящей за мной и критикующей все? Сработает ли тогда чаропесня?

Призрак надежды придал мне сил. Пока решимость не растаяла, я сосредоточилась на свече и запела.

Ничего не случилось. Я пыталась три раза, но свеча стояла передо мной, холодная и безжизненная.

Я закрыла лицо. Леди Илейн была права — моя магия ушла? Я никогда не могу колдовать песней?

Был лишь один способ проверить. Рука потянулась к рубину на шее. Если я сниму его и не услышу музыку, то пойму, что магия пропала.

Но смогу ли я снять его? Камень защищал меня от опасностей Дикой магии, опасностей, что стали еще сильнее после долгих недель, проведенных без их влияния. А если я услышу Дикую магию? Что тогда?

В горле пересохло, я подняла рубин над головой. Я послушаю лишь секунду. Но я должна понять, осталась ли магия.

Цепочка соскользнула с моей головы. На миг не было ничего, кроме тишины. Я расстроилась.

Через миг мир окрасила музыка, окружая меня, очаровывая, радуя.

Я обещала себе секунду. Но радость от Дикой магии поглотила меня. Я словно убивала половину себя до этого, а теперь снова стала целой.

Песни тянули меня, играли со мной, просили озвучить их.

Я сказала им, что не буду их петь. Правда. Но послушать ведь можно? Я опустила рубин рядом со свечой и слушала мелодии в комнате. Может, это было иллюзией, но я словно отчасти понимала, что они мне говорили. Я стала слышать лучше после обучения? Тогда бесконечные трели того стоили.

Я стояла, думая, а мое внимание привлекла тихая искрящаяся мелодия. Она говорила об огне, жаре, свете и тепле, она шла от свечи, точнее, из воздуха над свечой.

Это была песня, разжигающая пламя.

Так мне говорил разум. Или сама песня говорила со мной? Но было сложно не заметить родства между этой песней и чаропесней, которой я пыталась овладеть.

Я послушала песню снова. Она была бодрой и яркой, как свеча на окне темной зимней ночью. В ней не было ничего страшного, похожего на огонь воронов. Она была безопасной, насколько такой могла быть песня.

Я напела одну ноту, потом другую. Одна песня. Разве может навредить всего одна песня?

Днем тенегри́мы спят, и если я немного поиграю с Дикой магией, они ее не учуют. И если она сработает, то я пойму, что еще могу колдовать. Стоило проверить это.

Я позволила песне овладеть мной. Ее нельзя петь в стиле крестной, контролируя дыхание. Песне нужно было, чтобы я подстроилась под нее, чтобы зажгла музыку.

Последняя дрожащая нота, и меня пронзила вспышка жара, но не ужасного, как у тенегри́мов, а яркого, золотого.

Свеча зажглась.

Я смотрела на сияющую свечу. Огонь. Я создала песней огонь. После потрясения меня охватила радость. Я была Певчей, и моя сила все еще горела ярко.

— Что это такое?

Я обернулась. Нат стоял в нескольких футах позади меня, напряженный, как дикий кот.

Я отпрянула и спрятала камень в складках юбки.

— Что ты здесь делаешь?

— Я вернулся прошлой ночью. Шел навестить тебя, — он перевел взгляд с меня на огонь, а потом опять на меня. — Почему ты без камня?

Я не хотела говорить ему, но это и не требовалось.

— Ты использовала Дикую магию, — сказал он ошеломленно. Звучало это так, будто я совершила хладнокровное убийство.

Я вскинула голову.

— И что? Это мое дело, не твое.

— Твои дела касаются всех. Мы зависим от тебя. А ты играешь с огнем, — злость пылала на его лице, он шагнул ко мне и оказался так близко, что я видела золотые искры в его глазах. — Кто тебя заставил? Крестная?

— Нет! Она оторвет мне голову, если узнает. Прошу, не говори ей, — говорила я быстро и тихо, желая, чтобы он понял. — Это был эксперимент.

— Эксперимент? — он звучал потрясенно.

— Да. Как твой.

— Но ты могла нас сжечь. Ты могла сжечь дом Гэддинга...

— Как и ты со своей огневой коробкой? — он притих. — Признай: твоя работа такая же опасная, как и моя. Это тебя не останавливает. Особенно, когда нужно что-то узнать. Почему я не могу так же?

— Все не так просто.

— Почему? Потому что это не наука? Потому что я девушка?

— Потому что ты колдуешь.

Я нахмурилась.

— Зачем мне вообще спорить с тобой? Ты закрыт от магии. Ты ненавидишь все, связанное с ней, включая меня.

Он испуганно посмотрел на меня.

— Я никогда не говорил, что ненавижу тебя.

— Ты сказал, что я такая же, как тенегри́мы, — это все еще ранило.

Он покраснел.

— Это было до того, как я узнал тебя.

Его слова удивили меня. Он хотел сказать, что передумал?

— Твоя магия сложнее, чем я думал, — сказал он. — Она не свободна, не проста. Ты трудишься для этого так же сильно, как я для своих изобретений. Может, даже сильнее.

Я глубоко вдохнула. Сильнее за эти недели меня еще не хвалили, и говорил это человек, от которого я ожидала это меньше всего.

— Но это не отменяет факта, что твоя магия опасна, — продолжил он с мрачным видом. — А если тенегримов привлечет запах?

— До ночи запах рассеется.

— Возможно. Но твоя крестная говорила и о других опасностях... Дикая магия может обмануть тебя и ранить, — он покачал головой. — Что с тобой, Люси? Ее магия для тебя не достаточно хороша?

— Я должна была, — сказала я. — Должна была понять...

— Что понять?

— Могу ли я еще использовать магию, — это ощущалось как признание.

Повисла долгая пауза.

— Что заставило тебя думать, что ты не можешь? — спросил он.

— Не важно.

Он скрестил руки на груди.

— Что? — было ясно, что он не отстанет, пока не получит ответ.

— У меня не получалось, — призналась я. — Как бы я ни старалась, я не могу освоить магию леди Илейн.

Он вскинул бровь.

— И ты решила обратиться к Дикой магии, несмотря на риск?

— Это не опасно. Это не как чтение разума. Я лишь зажгла свечу, — я отпрянула и задула огонек. — Видишь? Она потухла.

Я хотела на этом закончить, но песня огня задержалась в воздухе, желание творить музыку и магию оставалось сильным.

Нат шагнул вперед, голос был напряженным.

— Ты ведь не будешь зажигать ее снова?

— Это не опасно. Увидишь, — песня слетала с моих губ, она хотела показать ему, что безобидна. Но гнев во мне, оставшийся от спора, вес недовольного взгляда с Натом питали музыку. Я смягчила голос и попыталась совладать с песней. Да, так было лучше. Песня была сильной, но я управляла ею...

Кто-то подбежал ко мне, вмещиваясь в мою концентрацию.

— Что ты делаешь? — завизжала леди Илейн. — Прекрати! Прекрати немедленно!

Песня во мне взорвалась, и огонь вырвался в воздух.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ ОТКРОВЕНИЯ

Огонь вспыхнул на свече и зашипел, потухая. Леди Илейн ревела:

— Что ты творишь?

Я в панике надела кулон на цепочке через голову. Музыка в комнате пропала, и огонь превратился в точку света на свече. Во внезапной тишине я слышала только злое рычание леди Илейн, она стояла передо мной с яростью во взгляде.

— Считаешь меня дурой, которая не узнает звуки Дикой магии, услышав их?

Мое желание защититься омрачилось тенью сомнения, но я держала голову высоко.

— Я подумала, что вы со мной закончили.

— Не когда ты ведешь себя так, — леди Илейн повернулась к Нату. — Ты, — выдавила она. — Как ты ее заставил?

— Он ничего не сделал, — сказала я раньше него. — Он злится на меня так же, как и вы.

— Можешь идти, — сказала леди Илейн Нату. Он не сдвинулся, она повысила голос. — Я сказала тебе уходить!

Нат посмотрел на меня, но, к моему удивлению, на его лице была не злость, а тревога.

— Хочешь, чтобы я остался? — тихо спросил он.

Я покачала головой. Это моя битва, а не его.

— Прошу, иди.

Он ушел, и леди Илейн сказала низким каменным голосом.

— Ты расстраиваешь меня, крестница. Ты отбросила все, чему я тебя учила, и начала практиковать Дикую магию за моей спиной...

— Только раз! И только потому, что вы сказали, что у меня не осталось сил...

— Я не хочу слушать твои оправдания, — сказала крестная жестким голосом. — Я знаю правду: что-то в тебе противится мне. Что-то в тебе хочет идти по неверному пути.

— Но я...

— Ты такая же, как твоя мать, — голос леди Илейн перебил мой, как хлыст.

Я лишилась дыхания. Как это связано с моей мамой?

— Ее силы хватило бы на нас двоих, она была сильнее меня. Но она не слушала, — леди Илейн прожигала меня взглядом, словно смотрела на призрака. — Я говорила ей, что она должна быть аккуратной. Осторожной. Нужно практиковаться и практиковаться. Она была моей подопечной и ученицей, она была обязана слушать меня. Но она перечила мне на каждом шагу, как ты. И все мои дары она отвергала.

Это так? Это не было похоже на добрую маму, которую я помнила. Но Норри сказала, что моя мама и леди Илейн не ладили, может, причина была в этом...

— Ее интересовала только Дикая магия, — сказала леди Илейн. — Я просила ее прекратить это. Я говорила ей, что не потерплю этого под моей крышей, — она скривила губы. — Я не думала, что она сбежит.

Я не знала, что сказать. Леди Илейн будто говорила с кем-то еще в комнате, не со мной.

Через миг она посмотрела на меня, словно вдруг вспомнила, что я здесь.

— После этого я видела ее лишь дважды, — добавила она уже спокойнее. — Первый раз, когда она принесла тебя, малышку на руках. Она знала, что по закону Певчих я была твоей крестной, старшей из ближайших родственников, и она пришла, чтобы сделать камень. Хоть она и любила Дикую магию, но знала, что у тебя должен быть камень. Юные Певчие без него слишком уязвимы, их может сбить коварная магия на пути. Я думала, что мы помиримся, но, когда я узнала, что она все еще играет с Дикой магией, я была в ярости. Я пыталась показать ей, что она рискует не только своей жизнью, но и твоей. Мы поссорились, и она ушла. Восемь лет она пряталась от меня, Дикой магией скрывала свои следы. И вас не получилось бы найти, не использовав Дикую магию самой, а я этого не хотела. И я не видела ее, пока она не пришла ко мне с новостями о Скаргрейве и гримуаре, — голос леди Илейн дрожал. — Она не сказала мне, что сделала с тобой, хоть я и просила. Это мне сложно простить даже сейчас.

Я все еще думала о том, что она сказала раньше.

— Она использовала Дикую магию восемь лет?

Это показывало, что Дикая магия не всегда вела к катастрофе и смерти.

— Она была неисправима, — процедила леди Илейн. — И она не раскаивалась.

— Но вы сказали, что Певчие, использующие Дикую магию, долго не живут.

— У нее были способности, — проворчала леди Илейн. — У некоторых такое бывает, но большинство отказывалось использовать это.

— А она — нет. Почему?

Леди Илейн поджала губы.

— Потому что ее соблазнили. Так делает Дикая магия. Она манит. Соблазняет. Дает огромную силу. Конечно, это ее манило. Она говорила, что ей нравится ее свобода, радость, хотя я не понимала, что она под этим подразумевала.

Зато я понимала. Я вспомнила об ощущении целостности, когда услышала снова дикую музыку, о горячем огне во мне, когда я пела разжигающую песню. Мама тоже так чувствовала?

Леди Илейн помрачнела.

— Это ей не помогло в конце. Когда тенегримы напали на нас, Дикая магия подвела ее. Такая эта магия. Она дает силу, но она обманчива. Она предает, когда этого ожидаешь меньше всего. А у нее больше ничего не было, ни дисциплины, ни выученных песен, ни долгих годов практики Проверенной магии. Она использовала Дикую магию так, как не смогла бы работать с Проверенной, даже если бы помнила ее. Ее камень треснул.

— Треснул?

— Дикая магия может вредить нашим камням так же сильно, как тенегримы, но рисунок трещин разный. Если учесть, какую сильную магию использовала твоя мать, удивительно, что ее камень протянул так долго.

Рука невольно потянулась к рубину.

— Почему вы меня не предупредили?

— Я думала, что нет необходимости. Ты пообещала, что будешь меня слушаться.

Я поднесла рубин к свету, мы с ней искали повреждения.

— Все еще целый, — сказала крестная, чуть склонившись.

— И чтение разума Скаргрейва не навредило ему?

— Нет. Я рассмотрела камень в ночь, когда мы встретились, и я бы увидела повреждения, если бы они были. Твой камень сильный, как и у твоей матери, он уцелел. Но так не будет всегда, если ты продолжишь применять Дикую магию. Еще одна попытка разжечь огонь, прочесть мысли. Что угодно может быть последней соломинкой, и появится трещина, или камень разобьется полностью. И ты, как своя мать, окажешься против тенегримов без защиты. Ты знаешь, что с ней произошло.

Я слышала обвинения в голосе леди Илейн, и это меня разозлило.

— Но вы были там. Вы знали правильные песни. Почему вы ее не спасли?

— Думаешь, это так просто? Пару песен, и все хорошо? — леди Илейн скривилась. — Пойми: мои песни были самыми сложными из тех, что я знала. Они требовали мастерства, хитрости и многих лет практики. Даже я со своими умениями едва смогла спастись. Твою маму поглотили так быстро, что я не успела ничего сделать, — она отвернулась от меня, будто воспоминание было невыносимым. — И если ты думаешь, что это не причиняет мне боль каждый день, крестница, то ты ошибаешься.

Я уязвлено молчала. Крестная могла быть резкой, но ее боль была настоящей. Леди Илейн расправила плечи и повернулась ко мне.

— Хватит. Прошое в прошлом, — гнев покинул ее голос, оставив только боль и решимость. — Я зря отвернулась от тебя. Ты медленно, очень медленно, обучаешься Проверенной магии, но сила у тебя есть, это ясно. Я подозреваю, что у тебя есть талант, как у твоей матери, и у тебя есть дисциплина, чего я никогда не видела у нее. Если будешь слушаться, ты сможешь стать великой Певчей.

Я нахмурилась. Леди Илейн помнила лишь горстку чаропесен, так? Как же тут стать великой?

Но когда я высказала это, леди Илейн покачала головой.

— Не думай об этом. Если так должно быть, так будет, но ты должна погрузиться сердцем, телом и разумом в то, чему я тебя учу. И больше не использовать Дикую магию.

— Я и не собиралась больше так делать, — сказала я, но знала, что это лишь отчасти правда. Когда я сняла рубин, и музыка очаровала меня, было сложно сопротивляться.

— Никто не может сразу делать все. Так возможно только с Дикой магией.

— Я же сказала, я больше не сниму камень, — я не хотела погибнуть, как мама, которую предала Дикая магия, пока ее окружали тенегримы. Может, Проверенная магия была не такой сильной, но она была безопасной. И после того, как я побывала в сознании Скаргрейва, я хотела этого больше всего.

Я посмотрела на свечу перед собой.

— Позвольте мне попробовать еще раз.

— Что попробовать?

Я задула свечу.

— Зажечь ее вашим способом.

— Ты достаточно сделала для одного вечера, — начала леди Илейн.

Но я уже начала петь, дыша так, как она меня учила.

Я смогу.

Чаропесня все еще казалась чужой, обжигала и причиняла боль голове, но в этот раз было проще. Я поняла от Дикой магии, как применить разжигающую песню, и как она должна работать. И с каждой нотой мой голос поднимался с силой и непреклонностью.

Но свеча не горела.

Я направила все мысли на это и пела, сосредоточившись на каждой ноте, фразе, на каждом изгибе.

Последние ноты срывались с губ, фитилек оставался холодным и черным.

Я расстроилась и допела финальную ноту, низкую и длинную.

Песня закончилась. Все. И я провалилась. Я отвернулась, руки дрожали.

Леди Илейн потрясенно вдохнула.

Я развернулась. На фитильке подрагивал огонь, слабый, но он там был.

Я заставила чаропесню работать.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ МАСТЕРСТВО

Следующие недели прошли в пении и магии. Каждый день я изучала что-то новое, порой мне казалось, что я развиваются почти с каждым часом.

Но не все было так просто.

— Еще раз! — продолжала рывкать леди Илейн день за днем, час за часом. Она была требовательнее обычного, она ругала меня за то, что я пела слишком громко, слишком тихо, слишком пронзительно, слишком низко, слишком страстно, слишком бойко, слишком беспечно. Некоторые дни проходили только в постоянных повторениях. — Еще раз! И в этот раз пой правильно! — я слышала приказы даже во снах.

Но критика леди Илейн жалила не так сильно, как раньше. Медленно, с ошибками и болью я училась нужным чаропесням, и это было важно.

И хотя на это уходило больше времени, чем нам бы с леди Илейн хотелось, я быстрее продвигалась с другим магическим заданием: чтением манускрипта Певчей с песней, разрушающей гримуар.

Страницы были покрыты зачеркиваниями и потертостями, казались нечитаемыми сперва, но я слушала объяснения леди Илейн и начинала понимать связь между символами на каждой странице и звуками чаропесни, которые они обозначали.

Леди Илейн хлопнула в ладоши от радости.

— К этому у тебя талант.

Я смотрела на страницы, поглощенная их загадками.

— Прекрасный дар, — говорила леди Илейн, но теперь рассудительно. — И очень полезный. Он тебе пригодится.

Я отвела взгляд от пергамента.

— Я думала, что манускрипты Певчих редко записывали, и что Скаргрейв все их сжег.

— Он сжег мою библиотеку, — голос леди Илейн подернулся гневом и сожалением. — Но он не сжег все, я уверена. Что-нибудь еще осталось, — она указала на строку на странице. — Хватит разговоров. Пропой это мне. И держи голову именно так, как я тебя учила.

Я продолжала работать с манускриптом, порой замечала, как леди Илейн смотрит на меня с гордостью, а порой и со сдержанным уважением. И уважение усилилось, когда, после часов болезненных упражнений, я заставила чаропесню скрытности работать.

— Отлично, отлично, — прошептала леди Илейн. — Я едва тебя вижу, хотя тебя озаряют свечи. И ты невидима в тенях.

Было поразительно видеть, как пропадает мое тело, и я чуть не упустила песню в некоторых моментах. Но постоянные упражнения помогали мне. Хотя голова ужасно болела, я дышала правильно четверть часа, и магия песни оставалась со мной, пока я не закашлялась.

— Это начало, — сказала леди Илейн, когда я снова стала видимой. — Но мы должны повысить твою выносливость.

Наши уроки стали длиннее и напряженнее, и я становилась все лучше, а леди Илейн поддавалась и начинала рассказывать мне истории. Сначала это были кусочки о ее приключениях как Певчей, но потом она рассказывала и истории тихим голосом о том, как женщины из нашего рода скрывали свою магию от своих мужей («Мужчинам нельзя доверять. Ни мужьям, ни отцам, ни сыновьям»), как ее муж считал неслыханным ее тягу к чтению («Повезло, что я умела отпирать замки»), и как она так и не родила детей, но хотела их («Если бы я могла выбирать, все они были бы дочерьми»).

Она рассказывала мне и о проблемах моих предшественниц, о их победах. Вместо острова теперь мне снились Ниниан и Мелузина, а еще Элеанор Аквитанская. Я знала их истории — их победы, трудности и поражения — и от этого хотела еще сильнее показать

себя достойной Певчей.

Но, даже рассказывая истории, крестная оставалась отчужденной. Если я задавала вопрос, на который она не хотела отвечать, она просто пропускала его. Если я повторяла вопрос, она замыкалась.

Но и у меня были секреты.

† † †

Один из секретов касался Ната.

Я видела его всего три раза после того, как он застал меня, исполняющей Дикую магию. Два его визита прошли под надзором леди Илейн, и я думала, что она была причиной неловкости между нами. Но во время его третьего визита, в начале марта, леди Илейн позволила нам немного прогуляться по дому Гэддинга, и неловкость осталась.

Мы шли в галерею менестрелей над большим залом, и я ощущала напряжение между нами. Я осознавала все движения Ната, и он тоже был насторожен, хотя, может, потому что меня было сложно увидеть. Я дошла до того, что могла удерживать эффект песни скрытия целый час, если дышала правильно и держала песню в голове. Если бы Нат присмотрелся, он бы заметил мерцание воздуха там, где я была, но только и всего.

Когда он впервые врезался в меня, я услышала, как он резко вдохнул.

— Больно? — спросила я.

— Нет.

— Тогда что не так?

Нат ответил не сразу.

— Мне не нравится, что я не понимаю, где ты.

— Но таков план, да? — я пыталась говорить и правильно дышать. — Только так я достигну успеха, если меня никто не увидит.

— Конечно, — он отпрянул. — Но опасно быть рядом с незаметным чтецом мыслей.

— Ты это никогда не забудешь, да? — тихо сказала я.

Он развернулся.

— Что?

Он не рассчитал расстояние и подошел так близко, что его губы почти задели мою щеку. От испуга я перестала дышать и мгновенно стала видимой.

И в этот миг я увидела страх в его глазах. Но не только это, а кое-что еще, от чего у меня перехватило дыхание.

Наверное, об этом взгляде говорила леди Илейн.

— Люси, — сказал он.

Но кто-то шел, и сказать больше он не успел. Мы скрылись в тени, в этот раз он держался на расстоянии вытянутой руки от меня. После этого он молчал, а я была напряжена еще сильнее.

Может, я бы попыталась сказать что-то, если бы знала, что грядет. Ведь когда мы вернулись к леди Илейн, Нат сообщил, что его не будет месяц или больше. Невидимый колледж отправлял его на север, где могла оказаться роща лунного шиповника. И хотя между нами возникла неловкость, я знала, что буду ужасно скучать.

Но это, конечно, я не обсуждала с леди Илейн.

† † †

Что еще я скрывала от крестной? Много, от моих вылазок в дом Гэддинга, пока она спала, до моих тревог о Нате. И я скрывала страхи и сомнения насчет моего развития как

Певчей. Леди Илейн говорила, что магия и сомнения не уживаются. Но сомнения не отпускали меня.

Я улучшала свои умения, да. Но, несмотря на постоянные уроки, ни одна из чаропесен не давалась легко. Когда я уставала, тревожилась или плохо себя чувствовала, они становились почти невозможными. Неделю я болела, и голос был таким хриплым, что я не могла колдовать им. Но меня тревожило больше не это, а то, что, если песни и работали, они казались неправильными.

Я пыталась обсудить это с крестной.

— Я будто пою, запертая в ящике, — возмутилась я. — Это не естественно.

— Конечно, нет, — холодно ответила леди Илейн. — Ты меняешь природу, крестница. Это не должно быть просто.

И мне приходилось считать это ощущение успехом. Может, так и было. Но мне часто казалось, что меняю я себя, а не природу. Когда я пела, я словно толкала свой голос в чужое горло. Даже правильно дышать все еще было трудно, и в худшие дни я задыхалась, будто тонула.

Из-за этого даже простые чаропесни превращались в испытание. Сложные чары, как скрытность, требовали правильного дыхания все время, которое я хотела оставаться невидимой. И это было пыткой.

И все же я боролась с каждым заклинанием, что давала мне леди Илейн. И постепенный мрак марта отступал, и я начинала ощущать тепло весны, когда проникала наверх, а мои навыки стали лучше. В начале апреля я уже могла оставаться скрытой три часа.

Еще две недели я работала над другой важной песней. Песней, которая уничтожит гримуар. Пока я делала это, я старалась отогнать тревоги о Нате. Я напоминала себе, много раз, что он был умным и смелым, умел избегать опасности. Конечно, он был в порядке. Но шли недели, он не возвращался, а мои страхи усиливались.

† † †

— Признаюсь, я тоже беспокоюсь, — сказал мне Пеннебригг, когда наступила его неделя визитов ко мне. Я была рада видеть его, как и посылку, что он передал от Норри с ее любовью, но когда он рассказал о своих страхах, мне стало не по себе. Если тревожился Пеннебригг, то был настоящий повод для беспокойства. — Мы получали вести от них через нашу цепь союзников до прошлой недели, — сказал он. — Там ходят солдаты, как они и ожидали, и много дозорных, потому они не могут добраться до места. А потом вести пропали. И уже неделю не приходит ни слова.

Я напомнила себе, что кузен Дипса, Иосия Квик, пропал, но вернулся в Лондон невредимым.

И Пеннебригг вспомнил о том же.

— Такое случалось и раньше, конечно. Они где-то спрятались, и мы скоро их услышим. Скажи лучше: как там твоя магия?

— Неплохо, — осторожно сказала я, леди Илейн могла нас слышать. Она продолжала верить, что мое обучение магии — священный секрет. Когда посетитель из Невидимого колледжа проявлял нетерпение, она напоминала о своей позиции и выгоняла их.

— Ты скоро будешь готова? — спросил он.

— Думаю, очень скоро.

Леди Илейн подошла к нам, как порыв холодного ветра.

— Доктор Пеннебригг, уверена, вам есть, чем заняться. И нам тоже. Люси не станет

лучше без уроков.

— Конечно, конечно, — Пенебригг встал и обхватил мою руку. — Береги себя, милая. И старайся не беспокоиться из-за Ната.

Он мог с таким же успехом просить звезды не сиять.

Чтобы сдерживать страхи, я заставляла себя работать усерднее, чем раньше, всю неделю. Глаза крестной сияли, когда она смотрела, как я учусь.

— Песни разрушения среди самых сложных, — сказала она. — Особенно, эта. Но ты хорошо справляешься.

Когда Невидимый колледж попросил меня показать свои результаты, леди Илейн разозлилась.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ

Когда пришла делегация из Невидимого колледжа, я спала. Обычно я не спала днем, но я работала ночью до этого над песней разрушения, и мне хотелось отдохнуть. Я проснулась, услышав возмущения леди Илейн:

— Вы хотите, чтобы моя крестница выступила, как обычная чародейка?

— Сейчас, если можно, — я тут же узнала голос Ната. Он вернулся! Узел во мне ослаб, а потом затянулся, когда я попыталась спрятать даже от себя, как я рада его возвращению.

— Ни сейчас, ни потом, — заявила леди Илейн.

Я пришла в себя при звуке ее отказа. Но, когда я прошла в комнату, я удивилась, ведь пришел не только Нат. Рядом с ним у огня были Пенебригг, сэр Барнаби и Исаак Олдвилль.

Нат стоял, опустив голову, и не поприветствовав меня. Не зная, что делать, я посмотрела на леди Илейн.

— Я не против показать им...

— Нет, — леди Илейн была непреклонна. — Их просьба не обсуждается.

— Что? — потрясенно сказал Олдвилль, возвышаясь над нами. — Нет уж, мадам. Мы укрыли вас, кормили и оберегали месяцами, рискуя собой. Пора вам показать результат.

— Как вы смеете так со мной говорить? Моя крестница — не слуга, работающая по найму...

— Простите, миледи, — сказал Пенебригг леди Илейн. Он жестом попросил Олдвилля замолчать. — У нас беда, и нам сложно подбирать слова. Плохие новости.

Нат поднял голову, его лицо было изможденным.

— Вы не нашли роцу лунного шиповника? — догадалась я.

— Нашли, — сказал Нат. — Вот только Скаргрейв нас опередил.

Я прижала ладонь ко рту. Это была катастрофа.

Нат скривился. Только тогда я заметила то, что должна была увидеть сразу: его левая рука, наполовину скрытая плащом, была перемотана окровавленными бинтами.

— Ты ранен! — сказала я.

Он отдернул руку, чтобы спрятать.

— Выглядит хуже, чем есть.

— Что случилось?

— Вороновые охраняли лунный шиповник. Мы поздно заметили их.

— И потеряли двоих из лучших людей, — лицо сэра Барнаби не выражало эмоций, но

его рука крепко сжимала трость.

— Их поймали? — спросила я.

— Схватили, — сказал сэр Барнаби. — И они застрелились.

— Застрелились? — испуганно повторила я, все еще глядя на повязку на руке Ната.

— Это лучше, чем оказаться у тенегримов, — сказал Пенебригг. — Иначе все пропало бы.

— Вы сказали, что защитите нас, — обвиняла уже всю делегацию леди Илейн. — Сказали...

— Мы старались, — вмешался сэр Барнаби, постучав тростью. — Но никто не идеален. Мы не можем тратить время, Скаргрейв получил роццу. Шпионы говорят, что он снова кормит тенегримов. В этот раз есть яйца.

Яйца? Ужас сдавил мое горло. Я неузнаваемым голосом спросила:

— И сколько их?

— Не меньше сотни, — сказал Олдвилль.

— И сколько осталось до их вылупления?

— Мы не уверены, — сказал сэр Барнаби, — ведь не знаем, когда точно яйца были отложены. Но обычно яйца воронов вылупляются спустя три недели.

— Уже скоро, — слабо сказала я.

— Еще есть время, — Пенебригг поправил очки, пытаясь все уладить. — Через пять или шесть недель птенцы покинут гнездо впервые, пройдут месяца, и они станут взрослыми. Мы думаем, что только тогда у них открываются все силы.

— Не скрывай правду, — сказал сухо Олдвилль. — Мы не знаем ничего о птенцах тенегримов. Может, они вылупятся с уже открытыми силами. Или у них окажется аппетит еще сильнее, чем у взрослых тенегримов. Это будет видно. Но каждый день теперь будет склонять весы в их пользу.

Он был жесток, но говорил честно.

— И я должна воспользоваться шансом сейчас.

Пенебригг посмотрел на меня поверх очков с тревогой.

— Только если ты готова.

— Потому мы и пришли, — сказал сэр Барнаби. — Чтобы понять, готовы ли вы. Если вы нам покажете...

— Конечно, — сказала я.

— Нет, — леди Илейн схватила меня за руку. Я ощущала, как ей не нравится отчитываться перед этими людьми, как она не хотела делиться подробностями с незнакомцами. И я немного ее понимала, ведь и мне было сложно делиться такими личными вещами.

Леди Илейн сказала поверх моей головы сэру Барнаби.

— Она переоценивает себя, бедняжка...

Мое сочувствие к ней пропало.

— Я покажу вам, что умею, — сказала я сэру Барнаби. Я стяхнула руку леди Илейн и запела.

— Нет, — леди Илейн бросилась ко мне. — Ты не должна...

Но песня скрытности уже работала. Я становилась прозрачной и таяла.

— Боже правый, — пробормотал Пенебригг.

Даже Олдвилль был под впечатлением.

— Слабое мерцание... нет, упустил.

Сэр Барнаби сел и взволнованно схватился за трость.

— Нат пытался нас подготовить. Но это невероятно.

— Хватит уже, — сказала крестная.

— О, я еще не закончила, — сказала я, стараясь правильно дышать. Я спела остальные песни, которым она меня научила. Я открыла замки, которые Нат оставил мне для тренировки. Я повернула ключи, не касаясь их. Я разожгла огоньки на свечах, загорелся и факел, огонь вспыхнул ярче. Все, кроме леди Илейн, открыли рты от потрясения.

Олдвилль пришел в себя первым.

— Певчая? — тихо обратился он к воздуху.

— Здесь, — сказала я, стараясь не смеяться, когда Олдвилль попытался отыскать меня взглядом. — У огня.

— Ах, — он все еще не нашел меня, и это его расстроило. — Но ты не спела песню, разрушающую гримуар.

— Как она может петь ее без гримуара? — отметил Пенебригг.

Олдвилль повернулся к моей крестной.

— Песня не работает на других книгах?

— Конечно, нет, — возмутилась леди Илейн. Ее гнев касался и меня, и Олдвилля. — Гримуар не похож на другие книги. Все это знают.

— А в теории? Вы даже не пробовали? — настаивал Олдвилль.

— Нет, — я отошла от огня с разочарованием. Было неудобно учить песню, не видя ее эффекта. — Но я могу попробовать.

Олдвилль вытащил из кармана книжечку и помахал ею.

— Нет, — рявкнула леди Илейн. — Плохая идея.

— Не вижу, почему, — сказал Олдвилль. — Это глупая книжка, все теории из нее я опроверг. Она идеально подходит.

— Нет, — повторила леди Илейн. — Ты не должна...

Если бы я ждала ее разрешения, то это тянулось бы вечно. Никто не видел меня, я могла делать все, что хочу. Я забрала книгу из руки Олдвилля, убежала от протянутой руки леди Илейн, и песня разрушения полилась из меня.

Она была невероятно сложной, близкой к Дикой магии, с яркими гласными, но я не понимала звуки. Я долго запоминала их и теперь хотела исполнить идеально.

К моему потрясению, чары сработали раньше, чем остальные. Я не успела допеть первую фразу, а книга рассыпалась в моих руках.

Я потрясенно замолчала.

Нат присвистнул.

— Она это сделала!

Леди Илейн широко улыбнулась.

Пенебригг и сэр Барнаби почти танцевали. Даже Олдвилль был рад.

Я слабо улыбнулась, но мыслями осталась с нотами спетой песни. Почему она так странно сработала?

Вопрос отвлек меня, и я забыла правильно дышать. Увидев тень своей руки, я спохватилась и попыталась вернуть магию. Но поздно, моя хватка на чарах скрытности уже ослабла. Вздохнув, я отпустила песню и стала видимой.

Крестная улыбалась, и остальные поздравляли меня.

— Потрясающее выступление, — взгляд Пенебригга за мерцающими очками был гордым.

— Впечатляет, — сказал Олдвилль. — Очень впечатляет.

— Точно, — согласился сэр Барнаби и стукнул тростью. — Если мы отправим вас завтра в Тауэр, у вас будут козыри.

— Завтра? — улыбка леди Илейн пропала. — Нет. Это не обсуждается.

— Чем скорее, тем лучше, миледи, — сказал сэр Барнаби. — Времени мало.

— Еще неделю, — потребовала леди Илейн. — Неделю, чтобы отточить ее навыки.

— Мы не можем ждать так долго, — осторожно сказал Пенебригг.

— Но мы сможем за это время сыграть свою роль, — согласился сэр Барнаби. — Мятеж организовать сложно, хоть мы и долго готовились.

Олдвилль не обрадовался, но кивнул.

— Хорошо. Но только неделю.

Леди Илейн склонила голову.

— Хорошо. А теперь идите, а мы займемся делом.

Она принялась прогонять их, Нат повернулся ко мне.

— Твоя рука, — начала я.

— Заживет, — сказал хрипло Нат. — Не переживай. Тебе есть о чем думать.

Он был прав. Я должна была отрепетировать песни, пересмотреть карты и увидеть тысячу мелочей до похода в Тауэр.

Но я переживала, ведь Нат уходил и прятал руку. Я думала о его поражении и утомленно опущенных плечах. Он так и не посмотрел мне в глаза. И я думала о тех, кто сражался вместе с ним, кто застрелился, лишь бы не встретиться с тенеграми.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ ВОПРОС СИЛЫ

Они ушли, а я повернулась и увидела, как леди Илейн смотрит на огонь. Она снова улыбалась. Она словно лелеяла секрет, которым не хотела делиться.

— Что вы мне не рассказываете? — спросила я.

Она посмотрела на меня, ее улыбка стала шире, она выглядела так же, как когда я разрушила песней книгу Олдвилля.

— Та песня, — это был выстрел во тьму, но я была уверена, что права. — Почему она уничтожила книгу так быстро? Страницы рассыпались в моих руках.

Леди Илейн пожала плечами.

— Обычная книга не продержалась бы столько, сколько гримуар Певчей.

— Но дело не только в этом, мне кажется.

— Почему же?

— Потому что песня ощущалась неправильно.

Леди Илейн закатила глаза.

— Тебе все песни не нравятся.

— Эта была другой, — я попыталась объяснить. — Она ощущалась не как песня разрушения.

— Откуда тебе знать? У тебя нет навыка, чтобы сказать это.

Да, у меня не было глубокого понимания песен, как у великих Певчих. Но с каждым

уроком я оттачивала слух и навыки, и теперь некоторые ноты для меня кое-что означали.

— В музыке столько жизни, — сказала я. — Разве это не странно для песни разрушения? И было еще кое-что странное, — я замолчала на миг, пытаюсь подобрать слова. — Что-то звучало почти... притягивающе.

Я ждала, что крестная снова закатит глаза. Но она замерла, на ее лице застыло выражение гордости, смешанной с опаской.

— Очень пронизательно, — сказала она.

— Пронизательно?

— Сядь, — сказала она мне. — Я должна кое-что тебе рассказать.

И мне не хотелось этого слышать. Но я села.

— Что ты знаешь о гримуаре? — спросила леди Илейн.

— О гримуаре Скаргрейва?

— Не называй его так, — возмутилась леди Илейн. — Он никогда ему не принадлежал.

— Но...

— Он украл его, но гримуар не принадлежит ему. Он наш. Это собрание магии Певчих, сокровище Проверенной магии. Его создала одна из нас, Певчая, понимающая песни живых существ, использовавшая это знание, чтобы создать сильные чаропесни. Одной из них был чаропесня тенегримов. Там еще сотни, и все они в гримуаре, все проверены и безопасны для исполнителя. Книга была потеряна для нас веками.

— Но всего семь лет назад Скаргрейв...

Леди Илейн нетерпеливо потрянула головой.

— Не Скаргрейв изначально забрал ее у нас.

— А кто?

— В некоторых историях говорится, что сама Певчая спрятала ее по своим причинам. Другие говорят, что совет Певчих украл ее. В любом случае, везде говорится, что гримуар закрыт сильной и редкой чаропесней, которая должна была продержаться хотя бы двадцать одно поколение, — леди Илейн печально покачала головой. — Конечно, никто из Певчих Золотой эпохи не мог знать, что будет потом. Когда время истекло, сковывающие чаропесни и другие знания оказались забыты. Сам гримуар казался лишь легендой. По моим подсчетам, я родилась в двадцать третьем поколении, а старые истории уже волновали только меня.

Я подумала о женщине, открывшей гримуар для Скаргрейв.

— А ваша кузина Агнес?

Леди Илейн замерла.

— Да, можно сказать, что у нее был интерес. Но она не говорила со мной об этом, и мне пришлось догадываться самой по кусочкам. Мне было двадцать пять, когда я узнала о гримуаре, и я решила отыскать его. Но найти не удалось, конечно. Как-то это умудрилась сделать Агнес. И она глупо открыла книгу, чтобы помочь Скаргрейву, и предала наши силы, — леди Илейн пересекла комнату и положила ладонь на мое плечо. — Ты это исправишь, крестница. Песня, которой я тебя научила, не разрушит гримуар. Все будет куда лучше. Она позволит тебе захватить его.

Я потрясенно уставилась на нее.

— Захватить?

— Да, — сказала крестная, ее голос стал ниже. — Это твое наследие по праву рождения.

Я схватилась за подлокотник, словно тонула. Над моей головой словно смыкалось море.

— Вы соврали, — я встала. — Вы врили мне — нам — с самого начала.

— Конечно. Иначе те люди меня остановили бы.

— Но вы врили и мне!

— Ты бы выболтала правду тому мальчику. Ты слишком вспыльчива, крестница. И легко доверяешь.

— Действительно, — сказала я. — Ведь я поверила вам.

— Лучше мне, чем им, — сказала леди Илейн. — Люди, которых ты называешь друзьями, заставили бы тебя рисковать до смерти, и ради чего? Чтобы ты служила им и их интересам? Мы можем сделать это лучше.

Я смотрела на ее лицо. Она могла врать и сейчас. Или не врать, но верить в то, что было неправдой.

— Почему вы так уверены, что это та песня? А если вы ошиблись? Книга Олдвилля разлетелась в моих руках, так ведь?

— Конечно! — сказала леди Илейн. — Я была в ярости, что ты решила спеть им. Я не знала, что сделает песня, могут ли у них пробудиться сомнения и подозрения, когда они услышат ее. Но стоило понять, что это вне их знаний. Но в песне такая сила, что обычная книга ее не выдержала. Не сомневайся, когда ты споешь эту песню, ты получишь гримуар. И его магия, прошлое и настоящее перейдут к тебе. Скаргрейв перестанет владеть тенеграми, и они станут твоими.

Моими? Их вопли снова раздадутся в моей голове. Я вскинула руки, словно отталкивала гримуар.

— Нет!

— Не хочешь силы? — мрачный голос леди Илейн становился недовольным. — Люси, ты с ума сошла? Сила защищает нас. Позволяет выжить. Без нее мы уязвимы перед врагами. Ты ведь этого не хочешь? Род Певчих почти оборвался. На нас охотятся, мы — добыча. Если у тебя не получится, наш вид вымрет. Ты этого хочешь?

Я стояла, лишённая дара речи, а она коснулась тонкой рукой моей щеки.

— Ты моя крестница, не забывай. Я хочу, чтобы у тебя было то, чего не было у твоей мамы: богатая, сильная жизнь, где никто не осмелится навредить тебе, твоим дочерям и тем дочерям, что последуют за ними. Если ты забереешь гримуар, у тебя это будет. Это станет началом новой Золотой эпохи Певчих. Никто не посмеет выступить против тебя.

Потому что у меня будут тенеграмы.

— Нет, — повторила я.

— Как это понимать?

— Я не хочу эти силы. Я не буду присваивать гримуар, — я отошла от нее. Она хотела так легко меня заманить? Но я не чья-то пешка. Ни ее, ни кого-то еще. — Должен быть другой способ одолеть Скаргрейва.

— Нет, — сказала леди Илейн. — Только эта песня. Если хочешь его победить, ты должна ее спеть и принять гримуар и его силы.

— Но любая магия разрушается, — я вспомнила ее уроки. — У всего есть свой конец.

— Порой не в наших силах отыскать его, — сказала крестная. — У нас этот случай. Прими факты, крестница. Есть лишь один путь — принять гримуар.

— Нет, — упрямо сказала я.

Глаза леди Илейн помрачнели.

— Ты такая же, как твоя мама.

— Мама?

— Да. Она тоже противилась этому.

Я уставилась на нее.

— Вы хотели, чтобы моя мама забрала гримуар?

— Нет, — леди Илейн вскинула голову. — Я знала песню, у меня были силы, и я хотела забрать книгу у Скаргрейва. Но твоя мама остановила меня, а потом пришел Скаргрейв со своими воронами, и мы проиграли.

Леди Илейн приближалась, ее бусы постукивали при ходьбе.

— Я не позволю этому повториться. Понимаешь? Ты споешь эту песню и заберешь гримуар, и имя Певчих снова станет великим.

— Нет, — прошептала я. Я не буду чьей-то пешкой. Я пятилась от нее и врезалась спиной в деревянную дверь.

Она шла ко мне.

— Ты примешь гримуар и будешь рада.

— Нет, — я надавила на засов за спиной.

Ее руки потянулись ко мне, и я убежала.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ

ПОГОНЯ

Я бежала без оглядки, думала лишь о том, что нужно оказаться подальше от крестной. Я слышала шаги позади. Она преследовала меня? Я оглянулась и увидела вдали ее платье. Чтобы оторваться, я пошла выше по пыльным проходам и покрытым паутиной лестницам. Я поднималась все выше, пока не добралась до маленькой кладовой на чердаке.

Остановившись, чтобы перевести дыхание, я услышала шум людей и лошадей во дворе. Я пошла посмотреть, что происходит, и мое плечо схватили сзади.

— И что ты здесь делаешь? — прошипел Нат. Он не ждал ответа и тащил меня к двери. — Скорее возвращайся в подвалы.

Я вырвалась и встала напротив него.

— Почему?

— Потому что Скаргрейв здесь.

Я застыла.

— Здесь? В этом доме?

— Внезапный визит, — мрачно сказал Нат.

— Он что-то подозревает?

— Никто не знает. Он и раньше приходил без предупреждения, по дружбе. Но в этот раз людей больше, чем обычно. Они во дворе, и сэр Барнаби пытается узнать, что им нужно. Нет, не выглядывай в окно! Тебя могут увидеть. Иди вниз и не высовывайся.

— А ты?

— Олдвилль уже ушел, мы с Пенебриггом тоже уйдем, как только сможем. Мы боимся за тебя.

— Тогда я пойду, — сказала я и застыла.

— Что такое? — спросил Нат.

— Леди Илейн! — хоть я и злилась на нее, но не хотела, чтобы она попала в руки Скаргрейва.

— А что с ней?

— Я убежала, и она погналась за мной. Она может бродить где-то...

— Убежала? Почему? Нет, забудь. Нет времени. Скажи, где ты ее видела?

— Лестница у старой реки, — я сбилась, поняв расположение. — Там тайный проход, соединяющий банкетный зал с садом. Она могла пройти в ту дверь...

Нат едва слышно выругался.

— Я приведу ее, — сказала я.

— Только этого нам не хватало, — сказал Нат. — Иди вниз, крестную оставь мне. Будет катастрофой, если Скаргрейв найдет вас.

— Но если я спою песню скрытности...

— А всюду будут бегать слуги, и Скаргрейв у двери? Нет, — сказал Нат. — Так станет только хуже. Я поищу твою крестную. Если будешь быстрой, то спустишься и без магии. Так безопаснее для нас. Хватит разговоров, беги.

Было больно признавать, но он был прав.

— Хорошо, — сказала я. — Я пойду. Но моя крестная...

— Я приведу ее к тебе.

† † †

Когда я спустилась по первой лестнице, я поняла, что времени нет. Путь, что вел к тайным лестницам, кишел слугами. Я смотрела из ниши за гобеленом, как мимо бегают служанки и пажи, готовя все к внезапному визиту лорда-защитника. Гобелены покачивались от их движений, я чувствовала себя ужасно уязвимой.

Хотелось стать невидимой.

А почему нет? Я могла становиться такой, почти такой. Конечно, Нат не советовал так делать, но он всегда опасался магии, и он не знал, насколько опасен дом. Если петть не на виду было опасно, то оставаться на виду было еще хуже.

Я закрыла глаза, вспоминая все, что узнала о доме во время вылазок с Натом. Тайный проход открывался в комнате леди Гэддинг, и там лучше всего было применить чаропесню. Это было близко, и толстые стены не дали бы услышать песню.

Выждав момент, я выбежала в комнату, где начинался проход. Оказавшись там, я прошла к середине прохода. Так тихо, как только могла — едва слышно — я запела.

Чары осторожно окутывали меня, отделяя от остального мира. Я чувствовала, как тает мое тело.

Песня закончилась, и я вышла из прохода, улыбаясь от радости. Легкие уже горели от правильного дыхания, поддерживающего силу песни, но песнь скрытности никогда еще не работала так хорошо. Я проходила зеркала, висящие по обе стороны, и видела лишь слабое мерцание в воздухе там, где было мое сердце. Я прислушивалась, но не улавливала звуков тревоги.

Я была почти в безопасности.

Но моя маскировка не была идеальной. Если со мной столкнутся люди, они поймут, что я там. А впереди было самое людное место дома, лестница, ведущая к кухням, гудела, как улей. Придется искать другой путь, не такой шумный, но для этого нужно сперва пересечь галерею менестрелей, которая была над большим залом и просматривалась. Не лучший вариант, ведь сэр Барнаби принимал гостей в зале, но других путей не было.

Я приближалась к галерее, когда снизу зазвучали низкие голоса. Гости уже пришли в большой зал? Мне ждать, пока они уйдут в другие комнаты?

Нет. Галерея была пустой, я должна была использовать шанс.

Но пока я шла по ней, голос отделился от остальных и заставил меня замереть. Он потрясал, как сильное лекарство, и был ужасно знакомым.

С кружащейся головой я посмотрела вниз и увидела Скаргрейва, стоящего на черно-белой плитке. В своем черном плаще и сапогах он напоминал короля на шахматной доске, короля, побеждающего в игре.

— Есть догадки, почему я пришел к тебе? — сказал он.

— Нет, мой дорогой Скаргрейв, — сэр Барнби говорил холодно, рука ровно лежала на трости.

Скаргрейв царапнул шпорами по полу.

— До тебя не доходили мои новости?

Я впиалась в поручень, понимая, что мне нужно бежать.

Я не успела двинуться, один из людей под моим балконом, один из сопровождающих Скаргрейва, пробормотал что-то о вороновых яйцах.

— Тихо, Джайлс! — сказал его товарищ.

Тот Джайлс, которого я слышала в библиотеке Скаргрейва? Возможный охотник на Певчих? Я склонилась через поручень, чтобы услышать больше, и нога скользнула на чем-то маленьким, твердом и круглом. Камешки? Орехи? Они ужасно зашумели и упали вниз.

— Что это? — Скаргрейв развернулся, оглядываясь. К моему ужасу, он скользнул взглядом по балкону и остановился на мне. — Там! Смотрите! Что-то мерцает.

Я пригнулась за поручень и побежала к другому концу балкона и двери. Внизу творилось смятение.

— Призрак, — простонал один из людей Скаргрейва.

— Дьявол, — сказал другой.

— Певчая! — завопил Скаргрейв. — За ней!

Я пересекла порог, стрела врезалась в дерево рядом со мной.

Я побежала по коридору, добралась до висячей лестницы, где столкнулась с отрядом людей Скаргрейва, бегущих ко мне.

— Кто поймает ее первым, получит десять тысяч гиней! — кричал за ними их капитан. — Смелее! И хватайте ее живой, тогда мы отдадим ее воронам.

— Я что-то вижу, — крикнул мужчина. — На вершине лестницы!

Еще одна стрела просвистела по воздуху.

Я бежала так быстро, что рубин бился о мою грудь. Я знала дом лучше, чем они, и оставалась на шаг впереди, но я уже не могла правильно дышать, и чары скрытности рассеивались. Левую руку становилось видно, и моя тень появилась на полу. Я не могла так добежать до подвалов. Я забежала в ближайшее укрытие — тайный проход у приемной.

Я успела добраться до ширмы перед проходом, когда преследователи вошли в комнату.

— Слушайте, — крикнул один из них. — Это пение?

— Она позади, — решил другой. — Возвращаемся.

— Нет, она здесь. Я уверен.

Хотя я пряталась за ширмой, они были слишком близко, и я не решалась отодвинуть панель, открывающую проход. Я вообще не двигалась.

Я ждала, замерев, и услышала вдали крик.

— Что это? — сказал один из мужчин.

Дверь открылась, другой отчитался:

— Нас отзывают. Они нашли ее!

О, нет, не нашли.

Но мужчина был уверен.

— Мы нужны внизу. Быстрее!

Они спешно покинули комнату.

Боясь, что это ловушка, что они врут, я молчала за ширмой. Но, пока я ждала, дом затихал вокруг меня. Я сдвинулась с места и выглянула. Там никого не было.

— Ура! — из приоткрытого окна донесся крик.

Прячась за шторами, я посмотрела вниз. Двор был полон солдат, прибывало все больше. По приказу Скаргрейва они вели трех пленников к карете.

Пленники были связаны и с кляпами во ртах, и я не сразу узнала их. А потом узнала, и мне стало не по себе. Крестная, Пеннебригг и Нат теперь были у Скаргрейва.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ТАУЭР

Я потрясенно смотрела, как солдаты формируют ряды. Кольцо людей окружило карету.

— В Тауэр! — закричали они. — К тенегримам!

Солдаты пошли, карета поехала, дернувшись, и леди Илейн, Пеннебригг и Нат упали на пол.

Я потянулась за рубином и подавила крик. Как мне их спасти?

Следовать за ними в Тауэр. А потом спасти магией.

Но при этом получить гримуар?

Не думай об этом сейчас.

Просто беги.

Карета выезжала за врата, окруженная солдатами.

Да, нужно идти.

Сначала нужно было спеть. Чаропесня невидимости рассеялась настолько, что я видела не только свои руки и ноги, но и силуэт платья. Изменение облика займет время, но другого выбора не было.

Скрывшись в тайном проходе, я песней растворила себя. В этот раз я использовала каждую каплю концентрации, чтобы магия была самой сильной. Последняя нота покинула меня, и пошла к двери, а она открылась. Кто-то пришел за мной. Один из солдат Скаргрейва? Один из шпионов?

Я хотела бежать. Позади меня стукнула трость.

— Мисс Марлоу! — едва слышный шепот, но я узнала голос. Не солдат, а друг.

Я развернулась.

— Сэр Барнаби?

— Он самый, — сказал он в темноте. — Я был в комнате леди Гэддинг, когда услышал ваше пение — тихое, милая, очень тихое — и я догадался, где вы.

— Как Скаргрейв нашел их? — прошептала я.

— Думаю, они были в банкетном домике. Слуги сказали, что ваша крестная выбежала в сад, чему я плохо верю...

Я это знала. Я могла лишь представлять, как разозлил и расстроил ее мой побег. Если Нат и Пеннебригг не смогли ее уговорить, она могла сделать что угодно.

— ...но я сам не видел, иначе и меня схватили бы, — продолжил сэр Барнаби. — Скаргрейв расставил солдат по дому, но я смог избежать их. И теперь нашел вас, и я уберегу вас, не бойтесь. Идемте...

— Я иду в Тауэр, — сказала я.

— Тауэр? — я слышала его отчаяние. — Дорогая мисс Марлоу, это невозможно. Не сейчас, когда Скаргрейв встревожен. Вы не доберетесь до гримуара.

— Но я должна спасти наших друзей.

— Нет, мисс Марлоу. Нет, — он не сдавался. — Поверьте, вам нужно спасти себя.

Я молчала. Он хотел, чтобы я бросила людей, что так дороги для меня?

— Они бы со мной согласились, — сказал он. — Все они. Они всегда знали, что Скаргрейв убил бы их, если бы мог. Но что нас всех уничтожит, так это если погибнете вы. Это убьет наши надежды, все, что мы делали.

— Я не могу просто уйти...

— Вы должны. Боюсь только, что это будет не так просто. Я отправил посланников к нашим членам НК. Многие сбегут из города сразу, забрав с собой вашу опекуницу, и...

Это хорошо. Будет проще действовать, если я буду знать, что за Норри присмотрят.

— ...но некоторые из нас останутся здесь, чтобы защитить вас. В Лондоне есть места, которые знаю только я, где можно вас спрятать. Так будет лучше, раз мы не можем вывести вас из города. Вы умеете становиться невидимой, так что это можно осуществить. И я пока что хочу отвести вас по одному из туннелей...

Я не слушала его дальше. Я ушла от него тихо и быстро.

— Мисс Марлоу? — недовольный шепот. — Вы здесь?

Я добралась до двери. В щель было видно, что снаружи никого нет.

— Мисс Марлоу! — сэр Барнаби шел за мной, но его трость и тьма замедляли его.

Он не успел меня догнать, я вышла из тайного прохода и сосредоточилась на том, что мне нужно попасть в Тауэр.

† † †

Когда я вышла во двор, Скаргрейв и его узники уже ушли.

Я никак не могла догнать их. Солдаты шли по главным улицам, и мне приходилось выбирать тихие переулки, где я бы ни в кого не врезалась.

У подъемного моста Тауэра я увидела, как карета проезжает в арку ворот, солдаты были с обеих сторон. Я побежала по мосту, но не достаточно быстро. Врата Тауэра закрылись передо мной.

Боясь, что мерцание меня выдаст, я прижалась к стене. Что теперь?

Удача была на моей стороне. Другая компания мужчин, ехавших верхом на лошадях, уже приближались к Тауэру. Я прошла за ними через врата, надеясь, что почти невидимая Певчая не испугает лошадей. Через пару мгновений врата закрылись за мной, чуть не прищемив мои юбки.

Но я вошла.

Я пошла за людьми через другие врата, но они оторвались от меня, и мне пришлось укрыться у стены и смотреть на луг. Особые стражи Тауэра, Надзиратели, были всюду, как и солдаты Скаргрейва, и многие из них были Вороновыми. Я спешно вспоминала карты Тауэра, которые рисовал мне Нат. Передо мной была центральная часть, огромная Белая башня, в честь которой получило название это место. И туда увели трех пленников: Ната, Пенебригга и мою крестную.

Дверь за ними закрылась, я смотрела на Тауэр. Непрístupная крепость была построена больше пятисот лет назад, в ней побывало множество королей и королев. Нат говорил, что никто не смог напасть на крепость. Это не удивляло, каменные стены были в сто футов высотой, это потрясло меня, когда я услышала об этом от Ната, но впечатление было еще сильнее, когда я оказалась перед крепостью, думая, как попасть внутрь.

Мне нужно было попасть в Белую башню. В ее глубинах была комната кормления, куда отправят моих друзей ждать тенегримов. И неподалеку комната Скаргрейва, где гримуар прикован к фундаменту Тауэра.

Я не хотела забирать гримуар. Нет. Но мне нужно было идти в Белую башню, если я хотела узнать, есть ли другие варианты спасения.

Колокол обозначил время. До заката три часа. Надо мной флаги Тауэра — черные вороны на красном — развевались на ветру, словно тенегримы били крыльями в триумфе.

Я не могла позволить этому произойти.

Я оттолкнулась от стены и пошла к Белой башне так быстро, как только могла.

† † †

К моему удивлению, попасть внутрь оказалось просто. Мне всего-то нужно было идти следом за группой мужчин с королем в центре. Стражи были заняты, кланяясь и салютуя Его величеству, и они не заметили мерцание за ними.

А внутри Тауэра начались проблемы. Надзиратели были всюду, ходили по трое или четверо, их алебарды и мечи были наготове, и мне приходилось прижиматься к стенам, чтобы проскользнуть мимо них.

Три фальстарта, пять раз я почти столкнулась, и я добралась до нужной лестницы, единственной в Тауэре, что вела в подземелья. Надзиратель стоял рядом, но, к счастью, не преграждал путь.

Я думала, как обойти его, и мимо меня промчался тощий паж.

— Пропустите, пропусти-и-и-ите!

За ним на лестницу вышла группа людей. Десять мужчин или больше? Я не хотела считать их, а отступила в угол, за доспехи.

— Пропустите короля и лорда-защитника!

Скаргрейв в Белой башне?

Мое сердце колотилось, а он появился в поле зрения, его голос был тяжелым от раздражения и тревоги.

— Ваше величество, вы не должны здесь находиться. Прошу, уходите.

Генри был настроен решительно:

— Король имеет право приходить туда, куда хочет, милорд.

— Нет, — Скаргрейв перечил ему. — Если от этого в опасности его жизнь. А вы в опасности, мой господин. Мне сказали, что узников заперли в комнате кормления, и вы поможете королевству, если останетесь в своих комнатах со стражей...

Он смотрел на Генри, а все — на него. Я прошла мимо них и побежала по ступенькам.

Я должна их спасти.

Двигаясь быстро, я спускалась по винтовой лестнице, тяжело дыша. Когда лестница привела в тусклый коридор, я остановилась. Я спустилась. Но где я теперь?

Передо мной была железная решетка, она закрывала путь в комнату кормления и комнату Скаргрейва. Я могла открыть ее песней, но тогда все узнают, что я здесь. Лучше подождать, пока кто-то пройдет, тем более, я слышала шаги.

Я прижалась к стене и застыла. Я видела тень кончиков пальцев своей левой руки.

Может, стоит отступить. Но много людей спускалось по лестнице, я не могла вернуться.

Я спрятала ладонь в правый рукав и сосредоточилась на поддержании оставшейся магии. Несколько непрозрачных кончиков пальцев — не беда, если я удержу магию. Прошу, идите быстрее. Я умоляла эти шаги ускориться.

И они сделали это. Десяток Надзирателей спустился в коридор с ключами наготове. Когда они открыли ворота, я скользнула внутрь до них. Я побежала по коридору...

...и попала в комнату, полную Надзирателей. Отпрянув, я смотрела, как они держат пики и алебарды в тусклом свете факелов. И среди шума стражи было слышно высокий пронзительный крик.

Мне стало не по себе. Крик напоминал леди Илейн.

Пятясь в тень, я искала ее, но не видела в суматохе. Но я увидела открытую огромную черную дверь на другой стороне комнаты, ворон был вырезан на камне над ней. За ней были другие двери, квадратные, мрачные. Я узнала их по рисункам Ната. Это был вход в комнату кормления.

Слишком долго я стояла и смотрела на них, приросла к месту и забыла, как дышать. А потом я взяла себя в руки. Но я чувствовала, что магия угасает.

Раздались крики. Пика Надзирателя направилась на меня.

— Голова! Видите? Голова и руки!

— Еще одна Певчая!

— Схватить ее!

Они бросились за мной.

Я не видела другого варианта и пошла в толпу Надзирателей, опустившись на четвереньки. Я добралась до двери и обнаружила перед собой Ната. Он был связан, с кляпом, и он не двигался на каменном полу. Шестеро мужчин подняли его и втолкнули в проем.

А потом они увидели меня.

— Что за...?

— Вас ждет смерть, если она сбежит! — раздался сзади крик.

Грубые руки схватили меня, моя магия угасла. Я стала видимой. Не было времени петь, кляп сунули мне в рот, я не успела и вдохнуть. Веревка обвила мои руки, связывая их, Надзиратели порвали мой рукав, чтобы увидеть метку Певчей.

Они обрадовались, увидев метку в свете факела.

— Наше золото, ребята!

Связав мои ноги, они бросили меня в темную дыру. Я ударилась о пол, и все почернело.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ В ЛОВУШКЕ

Я проснулась в темноте, что-то шуршало в зловонной соломе. Крестная, Пеннебригг, Нат? Или что-то еще...

Крысы?

Я сжалась. Я не хотела, чтобы они нашли меня.

Взмахнув связанными руками и ногами, я перекатилась и прислонилась к стене, почти сев. Но веревки натянулись, крепко сковывая меня.

Если веревки не поддавались, может, получится убрать кляп? Я потерла им о каменную

стену, надеясь, что он сползет, но лишь оцарапала щеку.

Шорох стал громче. Что-то шло ко мне, я слышала тихое дыхание рядом с собой. Я отдернула связанные ноги, надеясь отпугнуть его.

— Это я, — прошептал Нат.

Его голос был неожиданностью, а потом его рука задела мой плащ, он искал кляп. Я успела подумать, что он свободен, а потом вздрогнула, веревка кляпа впилась сильнее мне в щеку.

— Тише, — сказал он и убрал кляп. Его пальцы принялись за узлы на моих запястьях, но он не касался моей кожи. Это было из-за того, что он знал, что веревки ее натерли, или потому что все еще не хотел так приближаться даже при таких обстоятельствах?

— Как ты освободился? — прошептала я.

— Есть уловки, — тихо сказа он. — Напряг мышцы, зная, какие узлы они используют. И немного удачи. Они были не так жестоки со мной, как должны были. Может, их отпугнули бинты.

— Твоя рука, — вспомнила я. — Она могла пострадать еще сильнее.

— Она еще работает. Это важно. И если из-за этого они недооценили меня, то мне очень повезло, — он последний раз потянул за веревки на руках. — Вот. Должно получиться.

Веревка съехала, он принялся за узлы на моих ногах.

Я вытянула онемевшие руки и встряхнула безжизненными пальцами.

— Как остальные?

— Я уже развязал Пенебригга, — сказал Нат. — Но он все еще без сознания. На его голове огромная шишка, и мне не нравится, как он дышит.

Веревка упала с моих ног, и я пошевелила покалывающими ступнями.

— А крестная?

Нат молчал.

— Ты ее еще не освободил? — спросила я.

Он не отвечал, и я нахмурилась. Они недолюбливали друг друга, да, но...

— Ее нет, — сказал он.

— Нет? — я не сразу поняла значение слов. — Она... умерла?

— Мне жаль, — тихо сказал он.

— Нет, — мой голос дрогнул.

— Не позволяй им услышать себя, — предупредил он голосом, что был не громче выдоха.

Я с ужасом прошептала:

— Что случилось?

— Она запаниковала, когда нас привели к комнате кормления, и бросилась на Надзирателей. В схватке у нее сполз кляп, и она завизжала.

Я вспомнила тот крик. Я уткнулась лицом в ладони.

— Они подумали, что она поет, — сказал Нат. — Запаниковали и ударили ее по голове. Было слышно, как хрустит кость. Думаю, она умерла еще до того, как они бросили ее сюда.

— Она здесь?

— Люси, не...

Но я уже ползла в темноте. Я отыскала край ее платья, а потом ее рукав.

— Леди Илейн?

Ответа не было. Я коснулась ее холодной безжизненной руки и поняла, что Нат прав: ее нет. Весь ее огонь — гнев, амбиции, страсть — угас.

Нат заговорил, казалось, вечность спустя.

— Люси? Нам нужен план.

— План?

— Чтобы ты попала к гримуару.

Потеря затмевала все, я чуть не рассказала правду, что я могла лишь присвоить гримуар, а не уничтожить. Но что-то сдержало слова. Может, холодный вес руки леди Илейн, может, боязнь реакции Ната. Я была уверена, что он разозлится. И он будет еще злее, если узнает, что я была готова принять гримуар.

Меня вело не желание, а отчаяние. Другие планы провалились. Скаргрейв вот-вот убьет нас, и кто знал, скольких еще, кроме нас. Леди Илейн была права: выход был лишь один, и я должна была это сделать.

Отпустив ее руку, я повернулась к Нату.

— Я снова себя скрою. Я могу петь тихо, стены здесь толстые...

— Нет, — сказал он. — Они услышат тебя. Здесь есть отверстия для воздуха...

— Если услышат, это к лучшему. Не нужно будет самим открывать двери. Когда они придут увидеть, что не так, я выбегу и отправлюсь к гримуару.

— А там две решетки, две двери и куча Надзирателей? — голос Ната был полон скепсиса. — Не выйдет. Теперь они ожидают невидимую Певчую. Они схватят тебя, увидев мерцание.

— Я должна попробовать, — возразила я.

— Это того не стоит. Есть другой путь.

— Другой?

— Да, — сказал Нат. — Но тебе он не понравится.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ БЕЗУМИЕ

Он был прав. Мне он не нравился. Ни капли.

— Через Вороновую яму? С ума сошел?

— Это единственный выход, — сказал Нат. — Помнишь карты?

В темноте я вспомнила три комнаты, что он нарисовал для меня: комнату кормления, Яму и комнату Скаргрейва, где на стене был гримуар.

— Дверь отсюда открывается в Яму, — сказал Нат, — а там на другой стороне есть дверь в комнату Скаргрейва. И там нет никаких стражей.

— Потому что там тенегримы, — напредила я ему. — Это куда хуже.

— Они не проснутся до заката, у нас должен быть еще час. Может, два.

Я задумалась.

— А яйца?

— Еще не вылупились, — сказал Нат. — Я спрашивал сэра Барнаби, он уверен в этом.

— Но у него были лишь слухи.

— У него есть и другие источники, — сказал Нат. — Он — глава наших шпионов.

— Но если они ошиблись, и уже поздно? А если мы окажемся в Яме на закате?

— Если так, то нам конец, даже если мы будем не в Яме. Но у нас есть время. Я уверен.

Я слышал колокол часов, когда нас привели.

Я покачала головой.

— Это безумие.

— Это лучший вариант.

— Да, — я вздохнула. — Хорошо. Где дверь?

† † †

Нат знал, где дверь. Но дело было не в картах, а в том, что он наткнулся на дверь, пока развязывал Пенебригга.

— Два шага вперед, один влево, — направил он меня.

Он пошел первым. Через миг я услышала тихий шорох.

— Замок не самый лучший, но, думаю, я его вскрою.

— Чем?

— Шпильками. Я всегда прячу их в шве плаща, и их не нашли. Наверное, спешили меня связать. Проверишь пока Пенебригга?

Я нашла его в темноте как раз в момент, когда замок щелкнул.

— Вот так, — прошептал Нат. — Как он?

— Не двигается, — ответила я. — Может, тебе стоит с ним остаться, — хотя я не была рада мысли идти туда одной, но я была обязана предложить.

— И оставить тебя наедине с опасностью? — Нат почти разозлился. — Это точно безумие.

— Но...

— Нет, — гнев покинул его голос, осталось только тепло. — Мы пойдем вместе. Да. Пенебригг сказал бы так же.

Мы пойдем вместе. От его слов мне стало не так страшно в темноте. Впервые за долгие часы я улыбнулась.

А когда ты получишь гримуар? Что он скажет?

Я прогнала мысль, но с ней ушла и улыбка.

† † †

Мы устроили Пенебригга удобнее, и Нат потянул дверь. Я чуть не упала в обморок, когда она открылась. Влетят ли вороны?

Но влетел только запах пепла, от которого я чуть не задохнулась.

— Плоды лунного шиповника, — сказал Нат. — Много их, судя по запаху. Их еще скармливают воронам. Может, у них больше проблем с яйцами, чем мы думали.

Обрадовавшись этому, мы пошли по узкому коридору. Через десять шагов или чуть позже запах стал еще сильнее, и мы уперлись в еще одну дверь.

— Заперто, — Нат попытался вскрыть замок. — Не получается.

— Что такое? — я опустилась у двери. Возле замочной скважины я потрясенно обнаружила слабый запах магии, почти скрытый зловонием ямы. Я пыталась вспомнить, что крестная рассказывала мне о таких запахах.

— Здесь магия, — сказала я. — Чары, защищающие воронов.

— Скаргрейв, — сказал Нат.

— Но ты сказал, что он не умеет использовать магию.

— Сам — нет. Но раньше он казнил волшебников и пытался вытянуть из них секреты. Порой он убеждал их сотворить пару заклятий перед смертью.

Я не хотела думать об этих смертях. Я сосредоточилась на замке.

— Леди Илейн учила меня песне, что взломает замок. Меня услышат?

— Стоит рискнуть, — сказал Нат.

Мы были далеко от Надзирателей, но Нат все же закрыл дверь за нами. В удушающем воздухе я пыталась правильно спеть отпирательную песню.

Когда замок щелкнул, я потянула за ручку. Она поддалась со скрипом, но дверь не сдвинулась.

— Похоже, заклинило.

Я дернула ручку, Нат толкнул дверь.

Она вдруг распахнулась, и мы растянулись на пороге. А потом дверь закрылась со зловещим стуком.

Я лежала на каменном полу и ощущала запахи места: не только пепел, но и сгустившийся дым. А потом я услышала во тьме звук, от которого замерло сердце. Шелест крыльев.

— Люси? Ты в порядке?

Что-то было не так. Я чувствовала, что воздух с каждым мигом становился все теплее.

— Свет, — мой голос дрожал. — Мне нужно видеть, — но когда я попыталась призвать огонь, голос дрожал так сильно, что петь я не смогла.

— Почему не работает? — спросил Нат. — В чем дело?

— Может, тенегримы проснулись...

— Нет. Поверь, мы бы это поняли.

Щелчки во тьме терзали вспышками мое сознание... и вдруг я поняла правду.

— Новые вороны, — выдохнула я. — Они вылупились, и они пытаются есть меня. Я их чувствую. Их голоса... ты их не слышишь?

Нат прислушался.

— Нет.

— Может, я схожу с ума.

— Нет, — быстро казал он. — Не говори так.

Голоса становились сильнее. Теперь я различала слова. *Мы маленькие. Нам нужно расти. Мы должны есть ночью и днем...*

— Люси?

Я поежилась, становилось все жарче.

— Олдвилль был прав, — выдохнула я. — Для птенцов правила отличаются. И... думаю, их больше, чем мы представляли.

Их голоса становились жадными, разгорались, как огонь: *«Мы голодны.... О, как голодны. Твоя магия питает нас...»*.

— Люси, что бы они ни говорили, помни: они не могут тебя достать, — уверенно и спокойно говорил Нат. — Ни взрослые, ни птенцы. Сэр Барнаби говорил, что решетки удерживают их. Иначе птицы полетели бы, едва мы открыли дверь.

Я понимала, что он пытался заглушить жаркий шепот. Но те голоса звучали все яростнее.

— Ты в безопасности, — продолжил ровно Нат. — Они тебя не тронут. И мы пойдем мимо них в следующую комнату к гримуару. А потом ты покончишь с ними навеки.

Покончить с тенегримами. На миг я стала смелой и уверенной. Но потом вспомнила, что моя песня присваивала, а не уничтожала. Еще вдох, и жар со страхом вернулись, и они были такими сильными, что я не могла двигаться. Не могла дышать.

— Люси! Люси, слушай меня!

Я не слышала остальное. До меня доносился лишь хор голосов. Они забирали волю двигаться, наполняли меня ужасом.

Наши родители поглотили твою мать. А мы съедим тебя.

Что-то тянуло меня за руку, за шею. Я хотела кричать, но затерялась в хватке воронов и не могла издать ни звука.

Да, мы тебя съедим...

— Люси, это я.

Я едва слышала этот далекий голос. Нат взял меня за руку. Меня пронзил шок от того, как наши пальцы соприкоснулись. Мое сердце бешено билось, я пыталась дышать.

— Я нашел дверь, но там такой же замок, как до этого, — сказал он. — Не поддается. Тебе нужно открыть его песней.

Я понимала не все слова. Страх терзал меня.

Ты наша.

Уверенными пальцами он вложил в мою ладонь семя. Другой моей рукой он обхватил цепочку и поднял рубин над моей головой.

Нет! Ноги подкосились, мир превратился в кипящее море звука. Ненасытная песня птенцов окружала меня, она стала громче, чем раньше.

А потом я услышала песнь лунного шиповника из семечка на моей ладони, от пола вокруг меня. Холодная, сладкая и чистая песня сплетала щит вокруг меня, Нат держал меня за руку. Я запела, и вороны потеряли свою власть надо мной. Я упала в разум Ната без усилий, как в тот день на чердаке Пенебригга.

Но этот раз был другим. Нат сам впустил меня.

Его глазами я видела море: большие сине-зеленые волны набегали на золотой берег, их гул звучал как дыхание земли.

Я видела верную Норри перед собой, а за ней друзей, которым поверила в Лондоне: Пенебригга и самого Ната.

А потом я чудом увидела себя глазами Ната: я спорила с ним у свечи, стояла на глазах у Невидимого колледжа, осваивала песню за песней. И каждая картинка шла со смесью эмоций: отчаяние, смятение, восхищение, уважение, нежность, желание. И все их сплетала в одно вера в меня, что казалась настоящим чудом.

Ничто еще так не пугало и не успокаивало меня. Во мне пробудились смелость и сила.

Сжимая руку Ната, я слышала магию двери. И я победоносно открыла ее песней.

Холодный голубой свет залил часть Ямы. Нат был прав: нас и воронов разделяла решетка. Но и я была права: за железными прутьями были сотни птенцов тенегримов, их голодные рты были красными, как кровь.

Мы захлопнули за собой дверь, и птенцы пропали из виду.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ ПРАВДА

Мы прижались спинами к двери, переводя дыхание. Я мысленно с благодарностью помолилась. Тяжелая железная дверь заглушала птенцов тенегримов.

Но моя благодарность угасла, когда я вернула рубин на шею. Сознание очистилось, и я поняла, что сделала. Я спела песнь лунного шиповника. Прочитала разум Ната. Применила

Дикую магию.

Как я могла быть такой беспечной?

Я вдруг ощутила невыносимую усталость и заставила себя посмотреть на рубин. Слабый свет показал то, что я ощутила, когда вернула камень на место. Сияющую поверхность камня пересекала трещина.

Не фатальная. Не в этот раз. Но камень теперь был хрупким, дрожь пронзала меня, и это пугало.

— Не стоило читать твои мысли, — сказала я Нату.

— Не извиняйся, — сказал он, не поняв меня. — Это я тебя заставил. Только так я мог тебя спасти.

К моему удивлению, он покраснел, напоминая, что чтение разума требовало цены не только от меня, Нат платил вдвойне. Он позволил мне увидеть его душу. Все его чувства были открытыми.

Это я понимала. Я могла сказать ему, что он значил для меня...

— Нат, — начала я. Слабость уступала, и возвращалась сила.

Что-то слева щелкнуло и двинулось.

Нат в тревоге указал туда.

— Часы!

На стене в голубом свете мерцал золотой диск. Он был украшен звездами, планетами и знаками зодиака, а черные стрелки указывали на время.

Нат понимал, что это означало.

— До заката семь минут!

— Так близко? — поразила я.

— Да. Нужно спешить. Где гримуар?

Не было времени думать о том, что было между нами, о цене, которую мы заплатили. Я оглядела длинную комнату. Окон не было, зато виднелась еще одна дверь, что была больше той, через которую мы вошли. Это явно был главный вход в комнату, на двери было много замков. Я не сомневалась, что за ней стоят стражи.

А гримуар?

Нат подошел к двери, а я повернулась к другой части комнаты. Со странной смесью облегчения и отвращения я узнала место, что видела глазами Скаргрейва. Часть стены сияла голубым. Выступ из камня напоминал стол. А в центре был источник света: потрепанная бежевая книга, прикованная к камню.

— Вот он, — тихо сказал Нат. — Гримуар.

Я дрожала. Я вспомнила ужасное ощущение пребывания в разуме Скаргрейва, как я касалась гримуара его руками, и...

Нет. Я не должна вспоминать. Я должна думать о настоящем. Теперь я смотрела на гримуар своими глазами. И теперь это была не воля Скаргрейва.

Я прошла к гримуару.

— Шесть минут, — предупредил Нат.

Я должна спеть. Но, подняв руку к гримуару, я замерла. Как только я получу его, кем я стану?

Нат, наверное, заметил мое замешательство. Он подошел ко мне.

— Ты же не забыла песню?

Я покачала головой, но молчала.

— Тогда в чем дело? — спросил он. — В том, что будет потом? Ты не будешь одна. Мы будем бороться вместе. Мы будем бороться изо всех сил.

Как я могла думать, что эти глаза сложно читать? Его верность, страсть, вера в меня были заметны, когда он стоял рядом со мной. Он ничего уже не скрывал.

Я знала, что должна открыть ему правду.

— Это неправильная песня, — сказала я, глядя на него. — Она не разрушит гримуар, а позволит мне завладеть им.

— Что? — его взгляд переменялся, я увидела его потрясение и гнев. — Ты хотела предать нас. Все это время...

— Нет! Я узнала только сегодня. Крестная сказала мне, когда ты ушел. Потому мы поссорились.

— Она знала все это время? Она замышляла пойти против нас?

Помня о ее смерти, я попыталась заступиться за ней.

— Она хотела мне безопасную жизнь.

— Что еще она от тебя хотела?

— Не важно. Сейчас важно то, чего я хочу. Победить Скаргрейва. У меня есть только эта песня. Если я не использую ее, Скаргрейв победит.

— Но ты можешь сделать что-то еще. Твоя Дикая магия...

— Нет! — я заставила себя спокойно объяснить, что случилось с моим рубином, когда я прочитала его разум. — Я не могу больше прибегать к Дикой магии, не с гримуаром. Лунный шиповник был уже рискованным, но с чем-то таким сильным и странным, как гримуар, будет в сто раз опаснее. Мой камень может разбиться, или песня может обернуться так, что все чары из книги высвободятся, или у Скаргрейва появятся новые силы. Мы не можем так поступить, слишком многое на кону.

Часы снова зашумели. Четыре минуты.

Взгляд Ната был полон боли, я уже не могла прочитать там что-то еще.

— Ты примешь книгу. А потом?

— Поверь, — сказала я ему. — Я постараюсь покончить с тенеграми. Я все сделаю правильно.

Нат покачал головой.

— Все вы так говорите.

Я посмотрела на часы.

— Нат, нет времени...

— Откройте! Откройте, именем защитника и короля! — раздался за огромной дверью оглушительный крик. — Откройте, или мы используем таран!

Дверь пошатнулась, они бились об нее. Я вскрикнула и повернулась к гримуару.

— Еще пара ударов, и она будет нашей! — это был Скаргрейв, подначивал своих людей. — Ваше величество, вернитесь! Войти могут только Вороновые.

От звука его голоса мои сомнения улетучились. Я должна остановить его.

Нат шагнул ко мне — чтобы защитить или остановить? — но я уже пела.

Песня лилась сквозь меня, из меня, чужая, но все же связанная с кровью. Я отдавалась песне, и она начинала открывать для меня свое значение:

До и после,

Отныне и навек...

Дверь треснула. С воем люди Скаргрейва ворвались в комнату, лорд-защитник был

среди них. Они не успели добраться до меня, я пропела последние ноты:

...я забираю эту книгу и ее силы.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ В ЦЕНТРЕ СТРАХА

Книга отделилась от цепей, бело-голубой свет вспыхнул золотом. Я ощутила нежное тепло, и она опустилась в мои руки, но воздух вокруг меня искажался, словно я была в центре пожара.

В тот же миг я увидела, что лица вокруг меня краснеют и застывают, словно их парализовал жар воронов. Все в комнате замерли: король с рукой на мече, Вороновые, бегущие ко мне, Скаргрейв на пути к двери в Вороновую яму. Даже Нат смотрел на меня и не двигался.

Я посмотрела на Скаргрейва. За ним дверь в Вороновую яму уже была открыта. Скаргрейв успел ее открыть? Или это моя песня, присвоившая гримуар и тенегримов, сделала это? В любом случае, дверь была открыта. За ней к воплям птенцов добавилось ужасное карканье. Просыпались вороны. А потом с ужасным визгом карканье превратилось в хриплый шепот, полный злости: язык тенегримов.

Он звучал в комнате, с ним приходил ужас. Я видела, как пот проступает на застывших людях вокруг меня. К моему потрясению, я не разделяла их страх. Я не чувствовала огонь воронов.

«Конечно. Теперь тенегримы принадлежат тебе, как и Вороновые. Ты можешь управлять ими, они тебя не ранят. И другие так охвачены страхом, что не могут двигаться или говорить».

Я отпрянула от потрясения. Станные шипящие слова исходили из гримуара.

— Ты говоришь?

«Только с тобой, — сказал гримуар. — Я так долго ждал тебя, Певчая. Но теперь мы принадлежим друг другу».

Голос пропел в моей голове, и я содрогнулась. Не этого я ожидала. Но у этого было преимущество: я могла задавать вопросы.

— Скажи, — обратилась я к книге, — как мне разрушить тенегримов?

«Никак».

— Но я должна!

«Это не в моих силах. Неумеха Агнес и ее песни повредили те страницы. Песня уничтожающая тенегримов, потеряна навеки. И она называла себя стражницей! Она заслужила такой исход».

Я безумно листала страницы гримуара. Если я смогу хотя бы увидеть обрывки... Но чем больше страниц я видела, тем страшнее становилось.

— Я... не могу это прочитать. Я не понимаю...

«Это изобрела моя создательница, — объяснил мрачно гримуар. — Этого языка не существует. Но если ты посмотришь в конце, то найдешь три обгоревшие страницы. Там была эта песня».

Дрожащими пальцами я коснулась черных обрывков, они сгорели почти полностью.

— И тенегримов никак не уничтожить?

«Я не знаю, — сказал гримуар. — А если не знаю я, то не знает никто. Но не печалься.

Не велика потеря. Тенегримы полезны, а я научу тебя понимать их.

Отчасти ослепленная ярким светом гримуара, я видела комнату словно сквозь жар пламени. Но от боли на лице Ната мне стало плохо.

— Они вредят Нату!

Гримуар не согласился.

«Мальчик не страдает от этого. Он чувствует силу тенегримов. Но они нападут только по твоему приказу. Если ты пощадишь его, он будет в порядке, как только уйдет отсюда».

— Конечно, я пощажу его, — в ужасе сказала я.

«Нет никаких «конечно», — возмутился гримуар. — Ты зовешь его другом, но можешь ли ты доверять ему?».

— Он помогал мне, — сказала я. — Я бы не попала в эту комнату без него.

«И он делал это без надежды получить выгоду для себя? Или хотел что-то от тебя?».

— Он хотел, чтобы я уничтожила тенегримов.

«Это было бы ему на руку. Но в чем польза для тебя?».

— Я пришла сюда для этого, — сказала я гримуару.

«Нет. Ты пришла забрать свою древнюю силу, — гримуар был в этом уверен. — И хорошо, что ты это сделала. Вороновые теперь умрут, но защитят тебя, они будут тебя слушаться, что бы ты ни приказала. Но как долго это продлится, если у тебя не будет тенегримов? Все восстанут против тебя. Все в этой комнате».

— Не Нат, — сказала я.

«Загляни в его сердце, — предложил гримуар. — Используй тенегримов».

Вопли воронов раздавались в моей голове, полные злости и ненависти. Они могли рассказать мне злые вещи...

— Нет! — крикнула я. — Я не буду использовать тенегримов.

Вопли в голове угасли. Но все вокруг меня продолжали стоять, я видела ужас на их лицах.

Гримуар молчал мгновение.

«Хорошо. Если ты не будешь использовать все силы тенегримов сейчас, можно выбрать другой путь. Тенегримы просты, да, ведь их призвали песней давным-давно. Но есть другие силы, которые будут жить, стоит тебе захотеть: песни чумы и голода, песни эпидемий. Песни, что призывают существ, управляющих мыслями остальных, и...».

— Я не буду петь такие песни. Никогда.

«Даже от страха?» — тихо спросил гримуар.

Страх пронзил меня, сильный и глубокий страх, от которого сжималось сердце и подкашивались колени. Меня окружал огонь гримуара, и я с трудом стояла, дышала...

От гримуара донеслась радость, близкая к смеху.

«Вот. Я нашел больное место».

Страх стал слабее. Я смогла выпрямиться и вдохнула.

«Страх хорошо помогает в управлении, — отметил гримуар. — Со Скаргрейвом это тоже работало».

Я впервые посочувствовала лорду-защитнику. Гримуар тоже так его пытал?

«Я не мог достичь его так, как тебя. И, конечно, у тебя больше силы. Мы станем отличными напарниками».

— Нет, — я не хотела никаких отношений с гримуаром.

«У тебя нет выбора».

Я ударила по страницам.

— Я твоя хозяйка.

«Да?».

Ужас пронзил меня снова, сгибая мое тело. Все в комнате корчилось. Мольба, крики, всхлипы — звуки страха доносились отовсюду, даже от самого гримуара.

Да, даже от гримуара.

Вдруг мой страх угас.

— Ты боишься, — выдохнула я.

«Нет. Я никогда не боюсь».

Но я слушала с внезапной надеждой. И за звуками страха, наполнявшими комнату, я уловила то, что гримуар хотел скрыть: мелодию, ведущую к его разрушению. И высокие ноты страха гримуара, что я призову Дикую магию и использую ее.

Могла ли я? Стала бы? Снимать рубин, чтобы услышать песню четко, было ужасным риском. Не было гарантии, что это правильная песня, что она сработает.

«Ты не посмеешь», — быстро сказал гримуар.

Вспыхнул мой страх Дикой магии. Как можно было даже думать о таком? Мой рубин был моим ключом к безопасности. А если я потеряю его навеки?

Но если страх почти остановил меня, он дал мне подсказку. Почему гримуар так боялся? Думал, что я добьюсь успеха?

Убрав руку от гримуара, я сняла рубин. Он упал на страницы открытой книги, страшная музыка охватила меня, как сильный ветер. Тысячи порочных мелодий выли в моих вшах, желая, чтобы я спела их. Но я отыскивала песню, которая была мне нужна, пробилась сквозь другие песни к той, что уничтожит гримуар.

Я дала ей пропитать меня, сила гнева гримуара обрушилась на меня.

«Если разрушишь меня, уничтожишь и себя. Люди в комнате ненавидят тебя. Они порежут тебя на куски, когда я пропаду».

Я закрыла глаза, не желая верить в это, но боясь, что это так.

«Они — твои враги. Король...»

— У него доброе сердце, — вяло сказала я. — Я чувствовала это, когда была в его голове. Он не хочет править страхом.

«Его вырастили с ненавистью к Певчим. Его растили охотиться и убивать их. Если у тебя не будет моей силы, он убьет тебя».

Я задрожала. Был ли гримуар прав?

«И те, кто помогали тебе, так называемый колледж, думаешь, доверяют тебе? Думаешь, они восхищаются тобой? Нет. Если бы они могли, они бы раздавили тебя и забрали у тебя твою магию. Даже этот Нат. Он ненавидит магию, он говорил тебе это. Значит, он ненавидит тебя. Он и его товарищи умные. Тебе будет сложно управлять ими».

Мир передо мной кружился. Гримуар сошел с ума, раз начал подозревать Ната и его друзей? Или я была безумной, доверившись им?

«Нет ничего безопасного.

Никому нельзя доверять.

Уничтожь меня, и умрешь сама».

Страх одолел меня, я опустилась на колени, впившись в гримуар. Я смутно помнила, что нашла песню, что уничтожит его. Но в этом не было смысла. Зачем уничтожать то, что, единственное во всем мире, желало мне безопасности?

А потом за огнем гримуара я заметила руки Ната. Руки, что провели меня через Яму воронов. Руки, что спасли меня. Руки, что привели меня в чувство, дали силы...

В голове прояснилось.

Нат не ненавидел меня.

Гримуар врал, чтобы спасти себя. Пока голова была ясной, я должна была попытаться покончить с этим тем способом, который я знала.

«Уничтожь меня, и погибнет твой камень, — прошипел гримуар. — Ты больше не будешь в безопасности».

Я не могла дышать. Это правда? Возможно. Но гримуар пытался скрыть от меня еще одно: не за всю безопасность нужно держаться.

Не медля больше, я запела.

Я словно бросилась в глубины океана. Я цеплялась за ноты, следовала холодной темной нити магии. Пока я пела, я чувствовала белый жар сопротивляющегося гримуара.

«Не разрушай меня. Не разрушай нас обоих».

Песня забирала у меня все — надежды, силы, всю меня. Вместе со страхом и отчаянием я чувствовала растущую радость. Чего бы мне это ни стоило, это дикое пение было сильным и правильным. Я была рождена для этого.

«Нет», — выл гримуар.

Я пела, и вой угасал. Гримуар слабел. Он становился все холоднее, пока мне не стало казаться, что я держу не книгу, а глыбу льда.

Только когда песня повернула к концу, гримуар заговорил снова, шепча:

«Не прогоняй меня во тьму».

Я допела до последней ноты, длинной и глубокой, и книга стала чистой и ломкой, мой камень соскользнул с ее страниц, сияя, как огонь. Тенегримы притихли, их силы таяли. К моему потрясению, один человек смог вырваться из их хватки. Скаргрейв.

Он бросился, но не на меня, а к гримуару. Его вел страх? Жадность? Может, горе? Но это было его ошибкой. Когда он коснулся гримуара, он рассыпался, как лед, унося его с собой. На миг крошечные сияющие осколки замерли в воздухе, как серебряные звезды, а потом пропали, как снежинки летом.

Шепот воронов утих.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ РАСПЛАТА

Я ошеломленно смотрела на Ната, а он — на меня, и боль на его лице сменяется растерянной радостью. Вороновые за ним выронили мечи и моргали, их глаза по-новому смотрели на мир. Но сильнее всех изменился король. Его тревога пропала, оставив потрясение и стеснение.

Гримуар говорил, что король ненавидел Певчих, но не было похоже, что он ненавидит меня. Я подняла камень. Цепочка пострадала, но не камень. Гримуар соврал и насчет этого? Я видела еще одну тонкую трещину, но она не была опасной. Обрадовавшись, я вернула рубин на место поверх моего сердца.

— Посмотрите, Ваше величество! — один из Вороновых стоял в дверях в Вороновую яму и махал рукой. — Теперь это просто вороны.

Король Генрих моргнул и повернулся ко мне.

— Тенегримы исчезли?

— Да, — сказала я. — Их больше нет.

— А лорд Скаргрейв? Он тоже исчез?

— Думаю, да.

Печаль и облегчение смешались на его лице. А потом он осторожно спросил у меня:

— Я все еще король?

По его потрясенному виду я поняла, о чем он думал, но я не сразу смогла ответить.

— Да, Ваше величество, — мягко сказала я. — Вы король. Я не хочу править. Я хочу

лишь жить в мире.

Он принял это в молчании. Он понимал, что я не была угрозой?

Я стояла и думала, как поддержать его, но вбежали двое солдат, звеня броней. Увидев меня, они выхватили мечи.

— Певчая!

Вспыхнул меч Генри.

— Тронете хоть волосок на ее голове, и я лишу вас голов.

Солдаты опустили оружие.

— Она неприкосновенна, — сказал им король. — Она сделала то, что не мог никто. Она освободила нас от тенегримов, — а мне он сказал. — Мой отец говорил, что если кому и можно доверять, то не тому, кто хочет власти. А тому, кто от нее отрекается.

Я выдохнула с облегчением. Я не зря поверила в него.

Повысив величественно голос, король сообщил:

— Мы благодарны этой леди, мы убедимся, что она получит королевскую защиту и награду, — не так уверено он добавил. — Если, конечно, это вам нужно.

Нат замер за королем. Я знала, о чем он думает, ведь думала о том же.

— Ваше величество, сейчас мне нужна помощь другу. Он ранен и в комнате кормления...

— Стражи, вы должны предоставить Певчей любую помощь, какую она попросит, — приказал король. — Еда, напитки, лекарства и все, что она потребует.

Вместе с Натом я пошла в Вороновую яму. Птицы каркали и щелкали клювами, но уже тише, чем до этого, без злости.

Это просто птицы. Нат так и говорил. Теперь так и было.

Я прошла мимо их бьющихся крыльев без страха.

† † †

Следующий час был полон хлопот. Ни у кого еще не было столько врачей у кровати, как было у Пенебригга. Стражи отнесли его на носилках в роскошную спальню, где он быстро пришел в себя, к моему облегчению. Но врачи все равно проверили его пульс, глаза, осмотрели лиловую шишку на голове. Королевский лекарь сказал, что все не так плохо.

— У него сломана лодыжка, как и череп, — сообщил он. — Ему нужны отдых и забота. Но я не вижу причины, по которой он не выздоровеет.

Паж прошел в комнату и опустился передо мной.

— Король приветствует леди Певчую и просит срочно присоединиться к нему в главном зале.

В чем дело? Боясь новых проблем, я извинилась и последовала за пажем в огромную комнату, где обнаружила короля, говорящего с сэром Барнаби.

— Уже было сообщено о конце тенегримов и протектората, — сказал король. — И мы

хотим вернуть парламент как можно скорее.

— Отлично! — сэр Барнаби, казалось, начнет танцевать с тростью.

— Люси! — с другой стороны комнаты прибежала Норри и сжала меня в объятиях. — Кроха. Ты цела. О, ты цела.

— Не только это, мадам, — раздался сзади низкий голос. — Мисс Марлоу спасла всех нас.

Я оглянулась и увидела Олдвилля, впервые с теплом смотревшего на меня. Рядом с ним Самюэль Дипс поклонился и широко улыбнулся. Он начал вопить «ура», а с ним и Кристофер Линнет и остальные из Невидимого колледжа.

— Поднимитесь на крышу, — сказал мне король.

— О, да, — сказала Норри. — О, Люси, ты должна увидеть.

— Что увидеть? — спросила я.

Она не сказала мне, как и король и остальные. Я с удивлением проследовала за ними на вершину Белой башни, а когда посмотрела оттуда, то поняла.

— Огни! — прошептала я. — О, только посмотрите.

Была ночь, но во всем Лондоне горели огни: в церквях, тавернах, домах. Я видела нечто, похожее на большие костры, в парках, на холмах за стенами города. Даже на реке Темзе сотни маленьких фонарей сияли, покачиваясь, озаряя судна и лодки, что несли их.

— Они празднуют, — сказала им Норри. — Мы шли по улицам сюда, Люси, тебе нужно это тоже увидеть. Все снаружи, празднуют конец тенегримов.

Я сжала ее руку.

— Норри, леди Илейн...

Я не смогла рассказать, как она умерла, как я держала ее холодную руку, как я накрыла ее лицо своим платком, а потом ее унесли стражи.

— Знаю, — сказала Норри. — Мне очень жаль ее и тебя. Но посмотри, Люси. Посмотри, что ты сделала. Ты освободила королевство. Она бы тобой гордилась.

Может, нет. Но я смотрела на сияющий город, и это меня успокаивало.

— Слушайте, — сказала всем Норри.

Толпа на крыше притихла. А потом я услышала из города музыку, поднимающуюся до небес.

— Они поют, — сказала я.

— Поют от радости, — Норри обняла меня. — Ты гордишься?

† † †

Еще несколько дней я провела в Тауэре, но не как узница, а как почетная гостья короля. Это было радостью, да, но и грузом, ведь он хотел, чтобы я была рядом, пока он приводил королевство в порядок. Когда я была не с ним, я проводила время, окруженная придворными. Я едва видела Ната. Но на четвертую ночь мы смогли побыть одни, оставшись в комнате Пенебригга.

— Как он? — спросила я.

— Врачи говорят, что опасности нет, — Нат смотрел на спящего Пенебригга. — Конечно, его голова все еще болит, а на сращивание лодыжки уйдут недели. Но он говорил нормально днем.

— Это хорошо, — сказала я.

— А твоя крестная? — спросил он.

— Завтра похороны, — было больно думать об этом, но не только потому, что леди

Илейн умерла, а потому что меня все еще ранило, что она соврала мне. Но я хотела выразить свое почтение ей. Она все равно помогла мне стать сильнее, она была права во многом, даже если я не все это принимала. — Мы не сообщали многим. Так что людей много не будет.

— Если хочешь, я приду, — сказал Нат.

Я удивленно посмотрела на него.

— Ты не должна быть одна, — сказал он.

— Ты очень добрый, — медленно произнесла я. — Но, думаю, мне нужно пойти одной, — мне было сложно справиться с чувствами в обществе, особенно, если это был Нат.

— Понимаю, — сказал Нат, хотя по глазам было видно обратное.

Молчание между нами стало напряженным. Я встала уходить и склонилась, чтобы поправить одеяла Пенебригга.

Нат испуганно посмотрел на меня.

— Твой камень!

Кулон выскользнул из-под платья, рубин свободно повис. Я покраснела. Я не хотела, чтобы кто-то видел его так близко, особенно, Нат с его острым взглядом.

— Он не сияет, — сказал он.

— Прощу, не говори, — попросила я, спрятав камень, — не говори никому.

— Но почему...? — я увидела, как он все понимает. — Он сломан?

— Тише! Никто не должен знать.

У меня не было столько врагов, как боялась леди Илейн, они не были такими сильными, но за последние дни я поняла, что они все же есть. Не вся знать была рада плану короля восстановить парламент и другие свободы, и они винили в его поступках меня. Другим придворным просто не нравилась магия. Они верили, что я сильна, потому не нападали открыто. Но это могло измениться, если они поймут, как я слаба.

Я была уверена, что гримуар соврал об уничтожении моего рубина. Сначала я заметила только трещинку. А позже вечером, когда радость превратилась в усталость, я поняла, что вес изменился, камень стал легким, как ракушка. Осмотрев камень, я с ужасом поняла, что гримуар не соврал: трещина была маленькой, но проходила через сердце рубина. Магия камня вытекла, свет пропал. Теперь он был мутным, как камень леди Илейн.

Чтобы избежать неловких вопросов, возможно, стоило принять камни, что предлагал мне король, и носить один из его рубинов, там был один правильного размера. Но Нат все равно заметил бы подмену. А мой камень, хоть и треснутый, был единственной вещью, оставшейся мне от мамы. В нем уже не было сил, но я не могла бросить его. Потому я могла лишь скрывать его, и пока что стратегия работала.

Нат понизил голос, но не сменил тему.

— Хочешь сказать, что ты больше не можешь творить Проверенную магию?

— Хуже, — я не хотела ничего говорить, но что-то во мне требовало сказать ему правду. — Я не могу применять и Дикую магию.

— Что?

— После того, как я разрушила гримуар, я не слышала ни единой ноты.

Снимала я камень или нет, а тишина оставалась. После четырех дней без музыки я боялась, что она ушла навеки.

Хуже того было то, что я не понимала, почему. Леди Илейн и гримуар предупреждали, что я потеряю камень, а с ним и способность работать с Проверенной магией. Но никто не говорил, что я потеряю и Дикую магию. А это случилось.

Дикая магия предавала, когда этого ожидал меньше всего. Разве леди Илейн меня не предупреждала?

— Ты ничего не слышишь? — спросил Нат.

— Даже лунный шиповник.

Я видела испуг на лице Ната, а потом облегчение.

— То есть теперь ты такая же, как и все мы?

Он радовался, что я потеряла свою магию?

Я недовольно посмотрела на него.

— Нат, я потеряла все. Свой дар, мастерство, все, над чем работала, все, чем могла защитить себя...

— Я защищу тебя, — возразил он.

— Я хочу защитить себя сама.

В тишине я смотрела на него, вдруг понимая о границе между нами. Я думала, что он мне ближе всех. Но он не мог понять меня, не мог даже принять меня такой, какой я была. Я чувствовала себя сломанной, но для него я без магии была лучше.

От этого удара я едва могла дышать.

— Мне нужно идти, — натянуто сказала я. Я не буду плакать перед ним. Я встала и пошла к двери. — Поклянись, что никому не расскажешь об этом.

— Клянусь. Люси...

— Нет, — я едва могла говорить. — Мы больше ничего не скажем. Ничего хорошего не будет.

Он не успел меня остановить, и я покинула комнату, расстроенная слишком сильно, чтобы даже попрощаться.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ НОВЫЕ ПЕСНИ

Три месяца спустя я сидела у моря, скрестив ноги, и смотрела на волны.

Одиноким берег, это место дал мне король. Он хотел дать мне что-то роскошное: замок в Лондоне или красивое поместье. Но я хотела уединения. Кроме короля, редкие люди знали, что я осталась в Англии, редкие знали, где мы поселились. Мы с Норри жили вдвоем ото всех, мы не видели никого неделями.

— Люси! Где ты? — позвала Норри.

Я услышала ее шаги на песке. Я помахала, и она направилась ко мне.

Время у моря пошло Норри на пользу. После стольких недель на свежем воздухе и свете она почти стала прежней. Это радовало, но она носилась со мной, как курица с единственным яйцом. Отвлекалась она только на сад, где и копалась, когда я сбежала сюда.

— Люси, милая, ты быда здесь все утро? — она стояла передо мной, щурясь на солнце. — Ты терзаешь себя слишком сильно.

— Я должна пытаться, — сказала я. — Здесь я слышу ее лучше всего.

— Но...

Я прижала палец к губам.

— Шшш! Снова.

Норри притихла, а я слушала ветер. Я почти уловила, почти...

Нет.

— Слышала? — спросила Норри.

— Не совсем, — я старалась сохранять голос ровным и бодрым. Норри и без того беспокоилась за меня, я не хотела усиливать ее тревоги.

— Всегда есть завтра, — сказала Норри. — Ты ведь не хочешь пойти слишком далеко? Я скривилась. Она хотела сказать хорошее, но слова стали солью на рану.

— Это не опасно.

Две песни. Это все, что у меня было. Две песни за три месяца. И обе были пустяковыми, одна вызывала приливы, а другая их осушала.

Я говорила себе, что нужно радоваться хотя бы этому. Мы были тут шесть недель, когда я слышала первые тихие ноты в воздухе. И я не поверила. А потом ощутила страх. Дикая магия вела меня к смерти, как и предсказывала леди Илейн?

Но потом я вспомнила маму. Дикая магия оберегала ее много лет. Дикая магия помогла ей защитить меня. Да, она была опасной, это я знала. Но она была сильной, она спасла меня от гримуара. Камень был разрушен, и только она была мне открыта.

И я слушала, а потом, когда ощутила уверенность, запела. Две недели спустя я исполнила первую чаропесню. Вторая пришла ко мне вчера. И я надеялась, что сегодня услышу третью.

Но мой прогресс был ужасно медленным.

Я хотела, чтобы мама могла дать мне совет. Но у меня была только Норри, которая беспокоилась и не понимала магию. Так что я оставалась наедине с магией.

— Люси, ты меня слышала?

— Прости, Норри. Что ты сказала?

Норри посмотрела на меня с тревогой.

— Я сказала, что тебе стоит вернуться в дом со мной...

— Еще нет, Норри, — я повернулась к морю. Если я сосредоточусь сильнее, я смогу слышать слабую мелодию морской пены, которая отличалась от смутных нот, доносящихся из глубин.

— Но у нас гость, — сказала Норри, подавляя волнение.

Я недовольно развернулась.

— Никто не должен знать, где мы.

— Он знает, — сказала Норри. — Он пришел от короля. Юный Нат, — она улыбнулась. После того, как Нат провел ее под землей, он не мог совершать ошибок в ее глазах. И то, что он помог спасти меня, только подтвердило его достоинство. Она считала его сокровищем. И она беспокоилась, когда мы не получали от него вестей.

— Нат? — я слезла с камня. — Он здесь?

— Я подумала, что ты обрадуешься, — сказала Норри, взяв меня за руку, мы пошли к дому.

Я кивнула, но чувствовала смятение, а не радость. Я не видела Ната с той ночи в Тауэере. Пенебригт восстановился достаточно, чтобы вернуться домой, и я посещала его в свои последние дни в Лондоне. Но Ната там не было. Он словно намеренно держался в стороне.

Мы не сможем преодолеть разницу между нами. В этом была проблема. Если бы для меня не была так важна магия, и если бы он не ненавидел мою магию так сильно, может, мы бы все еще были близки. Но мы были не такими. И то, что он избегал меня, это подтверждало.

Я говорила себе, что это его потеря. Но ощущалось, как и моя. Ни дня не проходило без мыслей о нем, о связи, что была между нами, о том, как я увидела себя его глазами.

И теперь он был здесь. Зачем? Что это означало?

Я настороженно приближалась к дому. Мы были уже близко, когда я увидела Ната в саду, стоявшего у каменной скамейки, встроенной в стене. Он выглядел старше, чем я помнила, и выше, и он приветствовал нас вежливо, что меня поразило.

— Знаю, ты сказал, что не голоден, Нат, — сказала Норри. — Но после пути ты должен был проголодаться. Я что-нибудь сооружу на кухне.

— Не нужно, — сказал он, но она уже ушла, оставив нас в саду.

— Король прислал тебя? — спросила я. Генри сказал, что пришлет посланника, если подумает, что я в опасности, или если я ему понадобится.

— Король? Нет. Я пришел сам, как только смог.

Как только смог? Прошло три месяца.

— Ты был очень занят?

— Можно и так это назвать, — сказал Нат. — Я провел четырнадцать недель, запертым в доме Рейвендона.

Так он не пытался меня избегать.

— Зачем...?

— Бумаги Скаргрейва, — сказал он. — Комната за комнатой. Король подумал, что там может быть что-то о защите королевства, и он захотел, чтобы их изучили быстро и в тайне, и он назначил меня делать это.

— Почему тебя? — спросила я, не подумав, как это прозвучит. Я смущенно добавила. — То есть, конечно, никто лучше бы не...

— О, я уверен, есть сотни лучше меня, — улыбнулся он. — Меня порекомендовал сэръ Барнаби. Ты знала, что он теперь лорд-канцлер?

Я кивнула. Это произошло, пока я еще гостила в Тауэре.

— Он предложил королю мою помощь, и я согласился, не успев понять условия. Оказалось, что нам пришлось жить под стражей, и мы ни с кем не могли общаться. Я не мог даже Пенебриггу сказать, куда я пропал.

— Ужасно.

— Приятно снова быть на свободе. И не видеть очередные документы.

— Что в них было? — спросила я.

— В основном, признания, — серьезно сказал Нат. — Его жертв. Тысячи и тысячи признаний, спрятанных в склепе.

— И ты все их прочитал? — спросила я.

— Достаточно, чтобы понять, чем они были.

— И где они теперь?

Нат поднял взгляд к небесам.

— Странно, что ты это спрашиваешь. Некоторые из советников короля хотели сохранить их на случай мятежа. Но кто-то пробрался в склеп и устроил там пожар. Больше ничего не сгорело, склеп каменный, отделен от здания... но все эти признания утеряны.

Я слабо улыбнулась Нату.

— И они не знают, кто это сделал?

— Нет, — ответил улыбкой Нат. — К счастью, король не очень расстроился из-за этого, и он не хотел расследовать дальше, так что нас отпустили. И я отправился в путь.

— Ты отправился сюда? — удивилась я.

— Сначала я проверил Пеннебригга. Ему стало лучше, голова его почти не беспокоит. А потом я ушел. Я подумал, что на путь уйдет пять дней, но справился за четыре.

— Если ты был четыре дня в дороге, то точно проголодался, — я посмотрела на дом. Норри долго возилась с едой.

— Я в порядке. Но хватит обо мне, — сказал Нат. — Я хочу знать о тебе.

— Что ты хочешь знать?

— Все?

— Я в порядке, спасибо, — настороженно сказала я. — Приятно снова быть у моря.

— А магия?

— Тебе-то что? — вопрос прозвучал резко, а голос враждебно.

— Что-то не так?

Я отвела взгляд.

— Почему ты так подумал?

— Выражение твоего лица, — сказал он. — То, как ты стоишь. Все в тебе.

Нату не требовалась магия, чтобы читать меня. Я не могла говорить.

— Люси, в этом проблема? Ты все еще не слышишь музыку? — его голос был напряжен, словно от моего ответа многое зависело. Он надеялся, что моя магия ушла?

Если да, то я его разочарую.

— Я слышу и могу применять немного магии. Надеюсь, со временем ее станет больше. Но это начало.

— Я рад, — сказал он.

Его вежливый ответ был последней каплей. А после всего, через что мы прошли, мы должны были говорить честно.

Я отвернулась от него.

— Не говори так. Ты ведь так не думаешь. Тебе никогда не нравилась моя магия, ты это дал ясно понять. И теперь ты точно рад, что она пропала.

— Нет, — сказал он. — Ты бы тоже не радовалась, если бы я не смог заниматься наукой.

Я посмотрела на него, подозревая, что ослышалась.

— Но ты ненавидишь магию...

— Разве я не могу передумать? — сказал он. — Да, я ненавидел магию. Я думал, никому с магией доверять нельзя. Но ты разрушила тот гримуар и доказала, что я не ошибся в тебе. Я доверяю тебе с магией или без. Но я надеюсь, что магия будет с тобой.

Я потрясенно смотрела на него.

— Твои слова о даре, мастерстве и работе с ним попали в цель, — сказал он. — Я сам такого хочу. Почему тогда ты не можешь такого хотеть?

Я не шевелилась.

— Правда, — он полез внутрь плаща и вытащил пергамент. — Вот доказательство.

Я взяла пергамент с интересом. Внутри свертка лежали четыре листа бумаги со знакомым почерком.

Моей дочери, Люси...

— Письмо моей мамы, — прошептала я. — Где ты его нашел?

— В тайном проходе в дом Рейвендон. Я не сказал о нем советникам короля. Боялся, что они заберут его. И я подумал, что оно должно быть у тебя.

Я села на лавочку и посмотрела на письмо. Даже в свете солнца страницы, покрытые разводами от воды, не получалось прочесть. Но когда я поднесла их ближе, я уловила хрупкую нить мелодии, поднимающейся от них, мелодию пел сладкий голос моей матери, каждая нота была тихой, но ясной. Я принялась подпевать, и буквы начали темнеть, а я смогла прочитать то, что было от меня скрыто:

Дочь моя, ты очень важна для меня, даже если у тебя не было бы магии. Но я должна оставить тебя, возможно, надолго, и хорошо, что у тебя есть дар к Дикой магии. Я слышу это в тебе, хоть ты и так мала, и я верю, что ты будешь сильнее меня...

Не бойся. Много, что говорят о Дикой магии, ложь, есть много способов защитить себя...

Я слышала четко мамин голос, почти ощущала ее руки, обнимающие меня. Страницы дрожали в моей руке.

Порой ты будешь сомневаться в своей способности исполнять Дикую магию, проблемы могут возникать после болезни или смятения. А если использовать много магии, твой дар может будто исчезнуть. Знаю сама, как это расстраивает, но не бойся: магия остается в тебе, дорогая дочь, со временем и отдыхом она вернется...

Это было не все, но я ничего не видела из-за слез. Я свернула письмо и прижала к себе, благодаря маму за то, что дотянулась до меня и успокоила.

— Спасибо, — сказала я, посмотрев на Ната. — От всего сердца. Ты не знаешь, что это значит для меня.

— Я могу догадаться.

Я встала со скамейки. Связь между нами была такой сильной, что я почти слышала, как она гудела в воздухе.

— Нат?

Он посмотрел на меня, его взгляд был ясным. Он смотрел на меня с симпатией, уважением, добротой и, возможно, чем-то еще...

О! Разве я не хотела бы сейчас сделать все, только бы прочитать его разум, чтобы узнать, что он теперь обо мне думает?

Но этого я не могла, не сейчас. Может, это и к лучшему. Некоторые секреты нельзя выведывать силой. Требуется терпение, чтобы в будущем они сами раскрылись.

Я отступила на шаг, но Нат склонился. С решительным видом он обхватил ладонью мою щеку и нежно поцеловал.

Гудение в моей голове превратилось в песню.

Я отпрянула от него. Норри позвала с порога дома:

— Нат? Люси? Вы еще там? Я накрыла на стол. Тебе нужно поесть, Нат. И ты приходи, Люси.

Нат протянул мне руку. Я обхватила его ладонь.

— Идем, — крикнула я. Мы пошли к дому вместе, и мое сердце пело.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

СЛОВА АВТОРА

Сколько истории в этом историческом фэнтези?

Довольно много.

Певчая — настоящее слово, оно есть в оксфордском словаре. И Пеннебригг озвучивает

настоящие его определения.

Хотя события происходят в 1667–1668, география Лондона близка к той, что была до Большого пожара в 1666 (в мире Певчей его не случилось). Мебель, одежда и еда соответствуют тому, что было доступно в тот период, и зависят от обстоятельств и положений персонажей.

Великое опустошение связано идеей с Порохового заговора (1605).

В реальности король Чарльз был «тираном», как его описал Нат. В нашем мире он потерял корону и голову во время гражданской войны. В мире Певчей он смог подавить врагов, помешав войне, но его убили при Великом опустошении. Его наследник — король Генрих IX, Генри Сеймур. В реальности он был старше, был отдаленным претендентом на трон, а родословной был связан с Тюдорами.

Микроскоп Ната — новое, необычное изобретение для того времени. И слова про увеличение мух связано с комментарием Галилео, создавшего один из первых микроскопов.

Невидимый колледж существовал, свободная ассоциация математиков, алхимиков и философов, которые были активны в 1640-х и 1650-х годах, но историки спорят насчет причины появления организации и ее членов. В 1660, при правлении Чарльза II, некоторые члены Невидимого колледжа значились в Лондонском королевском обществе по развитию знаний о природе, теперь известном просто как Королевское общество. Мой Невидимый колледж во многом схож с ними, но я добавила опасность, интриги и магию. Можно заметить сходство персонажей моего НК с теми, кто был в настоящем НК и Королевском обществе.

Алхимия и эксперименты с огневым ящиком, о которых Нат говорил Люси, очень близки к тому, что нравилось исследовать Невидимому колледжу и Королевскому обществу. Огневым ящик Ната был одной из первых чугунных печей, которые стали распространены в восемнадцатом веке.

Тауэр соответствует реальному прототипу, но из-за Скаргрейва и тенегримов были внесены определенные изменения.

По легенде вороны в Тауэре были веками, хотя в документах значится, что они там с девятнадцатого века. Но легенда устроила переполюх, ведь выглядят птицы внушительно. Большие, умные и смелые, они ходят по тауэрскому лугу, будто он им принадлежит. Я увидела их давным-давно, и они не покидали моих мыслей с тех пор.